

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ**

Кафедра международных отношений и интеграционных процессов

На правах рукописи

АРЖАНОВ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**СОПЕРНИЧЕСТВО РОССИИ И НАТО В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ:
КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ**

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные
исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Цыганков Павел Афанасьевич

Москва – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОПЕРНИЧЕСТВА В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ	17
1.1. Концептуальные подходы к понятиям «вражда», «соперничество» и «сотрудничество» в международных отношениях.....	17
1.2. Международное соперничество за освоение общих пространств.....	35
1.3. Дискуссии о периодизации международного взаимодействия в Арктике.....	50
Выводы по главе 1.....	65
ГЛАВА 2. ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ СОПЕРНИЧЕСТВА РОССИИ И НАТО В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ.....	67
2.1. Освоение арктического пространства Россией и государствами-членами НАТО: столкновение интересов и точки взаимодействия.....	67
2.2. Экономические интересы России и государств-членов Североатлантического альянса в Арктике.....	82
2.3. Военно-политические аспекты деятельности России и НАТО в Арктическом регионе.....	97
Выводы по главе 2.....	113
ГЛАВА 3. ДИНАМИКА СОПЕРНИЧЕСТВА РОССИИ И НАТО В АРКТИКЕ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ.....	115
3.1. Активизация деятельности НАТО в Арктике: тенденции к углублению соперничества.....	115
3.2. Освоение Арктического региона Российской Федерацией: проблема восприятия со стороны государств-членов Североатлантического альянса.....	132
3.3. Влияние переходного характера международного порядка на динамику соперничества России и НАТО в Арктике.....	147
Выводы по главе 3.....	162
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	164
БИБЛИОГРАФИЯ.....	170
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В настоящее время Арктика (далее – Арктический регион, Заполярье, Крайний Север) является одним из приоритетных регионов в глобальной повестке дня. Оказавшись в фокусе внимания многих стран мира, ее геополитическое и геоэкономическое значение непрерывно растет¹. Данная ситуация объясняется важнейшей ролью Заполярья в формировании глобального климата и поддержке устойчивости биосферы, наличием доказанных запасов углеводородов, а также военно-стратегическими, экономическими и транспортно-коммуникационными преимуществами². Тенденция соперничества на Крайнем Севере – уже не отдаленная перспектива, а в известной степени практическая действительность, существенно осложняемая избранным курсом государств коллективного Запада по всеобъемлющей изоляции России на мировой арене.

Становление курса Организации Североатлантического договора (далее – НАТО, альянс, Североатлантический альянс) на соперничество с Россией в Арктике происходило постепенно: начавшись с середины 2000-х годов и получив дополнительный импульс в 2014 году, оно приняло характер четко выраженного курса к 2020-м годам. О тревожном характере военной активности НАТО в Арктике неоднократно заявлял Президент Российской Федерации Путин В.В.³, а также другие ведущие политические деятели России⁴.

¹ Жильцов С.С., Зонн И.С. Арктика. Регион будущего развития. – М.: Аспект Пресс, 2022. – С. 6.

² Burke R.P. The Polar Pivot: Great Power Competition in the Arctic and Antarctica. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. – P. 7–45.

³ Путин сравнил военную активность России и НАТО [Электронный ресурс] // РИА Новости. 9 апреля 2019. URL: <https://ria.ru/20190409/1552521217.html> (дата обращения: 01.03.2022).

⁴ Медведев заявил о борьбе НАТО с Россией в Арктике [Электронный ресурс] // RT. 13 октября 2020. URL: <https://russian.rt.com/world/news/792208-> (дата обращения: 10.12.2020); К деятельности НАТО в Арктике возникают

Актуальность темы исследования подтверждается упомянутым Путиным В.В. в 2022 году неоспоримым фактом о сосредоточении практически всех направлений безопасности России в Арктике⁵ и выходом Заполярья на второе место среди всех региональных приоритетов, указанных в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года⁶.

Степень научной разработанности темы исследования. Исследование динамики соперничества между НАТО и Россией в Арктике предопределяет необходимость анализа научных трудов, которые представляется возможным разделить на два блока – теоретико-методологический и эмпирический.

Публикации Боровского Ю.В., Дубровской Т.В. и Юськаевой Э.И., Козырева Г.И., Крысанова А.В., Фурсова К.К.⁷ входят в число российских работ, посвященных теоретическому осмыслению возможных подходов к ключевым для настоящего исследования понятиям – «вражда», «соперничество» и «сотрудничество». В политических исследованиях Арктики обращение к теории международных отношений (ТМО) прослеживается в публикациях Гольцова А.Г., Коневских О.В., Набока С.Д., Репневского В.А.⁸.

В ряде трудов зарубежных ученых понятия «вражда», «соперничество» и «сотрудничество» рассматриваются как сквозь призму устоявшихся в ТМО

вопросы, заявил Лавров [Электронный ресурс] // РИА Новости. 17 мая 2021. URL: <https://ria.ru/20210517/arktika-1732647561.html> (дата обращения: 01.03.2022); Николай Корчунов: военные учения НАТО в Арктике увеличивают риски [Электронный ресурс] // РИА Новости. 10 февраля 2022. URL: <https://ria.ru/20220210/korchunov-1772047103.html> (дата обращения: 01.03.2022).

⁵ Путин: в Арктике сконцентрированы практически все направления безопасности России [Электронный ресурс] // RT. 13 апреля 2022. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/989825-> (дата обращения: 01.05.2022).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 01.04.2023).

⁷ Боровский Ю.В. Международное соперничество: теоретические и лингвистические аспекты // *Международные отношения*. – 2018. – № 3. – С. 65–72; Дубровская Т.В., Юськаева Э.И. Семантика вражды в медиатизированном дискурсе международных отношений // *Русский лингвистический бюллетень*. – 2021. – № 4 (28). – С. 120–126; Козырев Г.И. Коммуникация сотрудничества, соперничества, вражды в современном мире // *Коммуникология*. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 106–115; Крысанов А.В. Международное сотрудничество: общетеоретическое и правовое измерение // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. – 2018. – № 4 (45). – С. 23–28; Фурсов К.К. Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории // *Социум и власть*. – 2018. – № 5 (73). – С. 46–56.

⁸ Гольцов А.Г. Международный порядок в Арктике: геополитическое измерение // *Мировая политика*. – 2017. – № 4. – С. 44–55; Коневских О.В. Противостояние России и США в арктическом регионе // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. – 2016. – № 7. – С. 61–66; Набок С.Д. Основные теоретические подходы в политических исследованиях Арктики // *Арктика и Север*. – 2022. – № 47. – С. 142–163; Репневский В.А. Социологическое осмысление сотрудничества в международных отношениях в Арктике // *Евразийский научный журнал*. – 2017. – № 3. – С. 233–236.

парадигмальных подходов, так и более частных теоретических концепций. С этой точки зрения, основу для исследования составили работы Р. Аксельрода, А. Вендта, Г. Герца и П. Дилия, А. Коллинза, Р. Кохейна, Х. Милнер, Г. Моргентхау, Дж. Ная, К. Райта, Н. Рипсмана, А. Уолферса⁹. Применительно к Арктическому региону особую роль сыграли теоретические работы Б. Бузана и О. Вейвера, С. Уолта, К. Уолтца и Дж. Херца¹⁰.

Вопросы освоения общих пространств, а также выявления определенных этапов взаимодействия государств в Арктическом регионе рассмотрены в работе Вылегжанина А.Н. и Киенко Е.В., совместном коллективном труде Голдина В.И., Соколовой Ф.Х. и Паникар М.М., публикациях Сериковой У.С., Жилиной И.Ю., диссертационных исследованиях Киккас К.Н. и Матияк Л.А.¹¹.

Особую значимость для теоретического осмысления и анализа процесса освоения арктического пространства Россией и государствами-членами НАТО имеет исследование ученых Байкальского института природопользования Сибирского отделения РАН и Института природных ресурсов, экологии и криологии Сибирского отделения РАН¹², а также научно-аналитический доклад

⁹ Axelrod R. *The Evolution of Cooperation*. – New York: Basic Books, 1984. – 243 p.; Wendt A. *Social Theory of International Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 450 p.; Goertz G., Diehl P. *The Empirical Importance of Enduring Rivalries // International Interactions*. – 1992. – Vol. 18. – No. 2. – P. 151–163; Collins A. *State-Induced Security Dilemma. Maintaining the Tragedy // Cooperation and Conflict*. – 2004. – Vol. 39. – No. 1. – P. 27–44; Keohane R. *After Hegemony*. – N.J.: Princeton University Press, 1984. – 320 p.; Milner H. *International Theories of Cooperation: Strengths and Weaknesses // World Politics*. – 1992. – Vol. 44. – No. 3. – P. 466–496; Morgenthau H.J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. – 6th ed. – New York: Alfred A. Knopf, 1985. – 688 p.; Nye J. *Neorealism and Neoliberalism // World Politics*. – 1988. – Vol. 40. – No. 2. – P. 235–251; Wright Q. *Problems of Stability and Progress in International Relations*. – Berkeley: University of California Press, 1954. – P. 142–159; Ripsman N., Taliaferro J., Lobell S. *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. – New York: Oxford University Press, 2016. – 208 p.; Wolfers A. *Discord and Collaboration*. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. – 283 p.

¹⁰ Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Society*. – Cambridge: The Press Syndicate of the University of Cambridge, 2003. – 564 p.; Walt S.M. *Alliance Formation and the Balance of World Power // International Security*. – 1985. – Vol. 9. – No. 4. – P. 3–43; Walt S.M. *The Origins of Alliance*. – Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 336 p.; Waltz K. *Theory of International Politics*. – New York: McGraw Hill, 1979. – 251 p.; Herz J.H. *Political Realism and Political Idealism*. – Chicago: University of Chicago Press, 1951. – 275 p.

¹¹ Вылегжанин А.Н., Киенко Е.В. Консультативные совещания неарктических государств по статусу Арктики // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 296–318; Голдин В.И., Соколова Ф.Х., Паникар М.М. *Международные отношения в Арктике*. – М.: НП РСМД, 2017. – 76 с.; Серикова У.С. *История освоения Арктики // История и педагогика естествознания*. – 2016. – № 4. – С. 35–40; Жилина И.Ю. *Международное сотрудничество в Арктике // Россия: тенденции и перспективы развития*. – 2021. – № 16–1. – С. 977–981; Киккас К.Н. *Состояние и перспективы освоения арктического пространства циркумполярными странами: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.14*. – СПб., 2021. – 471 с.; Матияк Л.А. *Энергетический фактор в международных отношениях в Арктике: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04*. – М., 2017. – 212 с.

¹² Аюшеева С.Н., Михеева А.С., Новиков А.Н., Новикова М.С., Осодоев П.В. *Экономический (хозяйственный) вид освоения территорий: специфика и соотношение с другими видами (теоретический анализ)* [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». Сентябрь-октябрь 2014. № 5 (24). Статья № 139EVN514. URL: <http://www.inrec.sbras.ru/files/public/1438350427.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

Кольского научного центра РАН, посвященный анализу роли Арктики в современном мировом развитии¹³.

В зарубежной научной литературе интерес представляют работы Д. Балтона (в контексте проблематики совместного освоения Арктики), К. Крэйга (в части правового анализа арктических и неарктических политических дискурсов), К.С. Коутса и К. Холройд (в вопросе осмысления многогранного характера трансформирующейся среды взаимодействия в Арктике в ходе освоения данного региона), С. Ранганатана, Н. Шрайвера¹⁴ (в подходах к управлению общими пространствами).

Рассматривая теоретические аспекты, связанные с деятельностью НАТО, автор опирался на работы ученых МГУ имени М.В. Ломоносова: Гадзацева К.В., Демчука А.Л., Капицына В.М., Костина А.И., Слуцкого Л.Э., Столетова О.В., Цыганкова П.А.¹⁵. Высокую актуальность при обращении к исследованиям, посвященным Арктике, представляют работы Фененко А.В.¹⁶. При исследовании

¹³ Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / Под науч. ред. д.э.н, проф. В.С. Селина, д.э.н., проф. Т.П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е.П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е.Е. Торопушиной. – Апатиты: КНЦ РАН, 2016. – 420 с.

¹⁴ Balton D. Advancing U.S. Diplomacy in the Arctic // *The Foreign Service Journal*. – 2021. – Vol. 98. – No. 4. – P. 24–29; Craig K. The Arctic Frontier in International Relations // *Florida Political Chronicle*. – 2016–2017. – Vol. 25. – No. 1. – P. 85–107; *The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics* / Ed. by K.S. Coates, C. Holroyd. – Cham: Palgrave Macmillan, 2020. – 568 p.; Ranganathan S. Global Commons // *European Journal of International Law*. – 2016. – Vol. 27. – No. 3. – P. 693–717; Schrijver N. Managing the Global Commons: Common Good or Common Sink? // *Third World Quarterly*. – 2016. – Vol. 37. – No. 7. – P. 1252–1267.

¹⁵ Гадзацев К.В. Вызовы и угрозы энергетической безопасности России в условиях обострения глобальной энергоэкологической проблемы: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2020. – 194 с.; Демчук А.Л. Управление современными экологическими конфликтами в США и Канаде // *США & Канада: экономика, политика, культура*. – 2020. – Т. 50. – № 5. – С. 100–112; Капицын В.М. Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия // *Русская политология*. – 2016. – № 1. – С. 63–66; Костин А.И. Экополитология и глобалистика. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 418 с.; Слуцкий Л.Э. Чем больше американские притязания на мировое господство, тем больше шельмуется Россия // *Международная жизнь*. – 2018. – № 9. – С. 37–46; Столетов О.В. Проблема правового регулирования международной информационной и кибербезопасности в современной мировой политике // *Российский журнал правовых исследований*. – 2018. – № 1 (14). – С. 66–72; Цыганков П.А., Цыганков А.П. Межгосударственное сотрудничество: возможности социологического подхода // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 1. – С. 131–142; Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – 568 с.; Цыганков А.П., Цыганков П.А. Снова русский урок? // *Россия в глобальной политике*. – 2022. – Т. 20. – № 1. – С. 51–58; Цыганков П.А., Слуцкий Л.Э. Западный дискурс о «гибридной войне России против демократии»: новое вино в ветхие мехи // *Вопросы политологии*. – 2022. – Т. 12. – № 12 (88). – С. 4227–4238.

¹⁶ Фененко А.В. Международное соперничество за освоение общих пространств // *Международные процессы*. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 14–30; Фененко А.В. Теория и практика международной космической безопасности // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. – 2010. – № 2. – С. 94–116; Фененко А.В. Военно-политические аспекты российско-американских отношений в Арктике: история и современность // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. – 2011. – № 2. – С. 129–157.

модели строительства Вооруженных сил Норвегии использовались работы Манойло А.В.¹⁷.

Эмпирический блок исследований представлен работами, затрагивающими военно-политические аспекты деятельности России и НАТО в Арктике. Начиная с третьего десятилетия XXI века наблюдается рост числа российских работ, посвященных соперничеству и безопасности в Арктике¹⁸.

Особую значимость для исследования представляют труды известных ученых-международников Коньшева В.Н. и Сергунина А.А.¹⁹, посвященные вопросам безопасности в Арктике в условиях алармистских настроений государств-членов НАТО.

Высокую ценность для осмысления национальной безопасности России в Арктике при усилении сопернического курса со стороны НАТО представляют публикации руководителя Центра арктических исследований Института Европы РАН Журавеля В.П.²⁰.

¹⁷ Манойло А.В., Пономарева Е.Г., Трунов Ф.О. Перспективные модели строительства вооруженных сил стран-членов НАТО (на примере Германии и Норвегии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – № 1. – С. 67–81.

¹⁸ Гурлев И.В. Проблемы обеспечения национальной безопасности России в Арктике // Вестник евразийской науки. – 2020. – Т. 12. – № 3. – С. 31–43; Кучинская М.Е. Арктика в фокусе внимания США и НАТО и интересы безопасности России // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 1 (58). – С. 68–89; Анисимов П.А. Вызовы национальной безопасности РФ в Арктическом регионе // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 4–1. – С. 74–83; Хомкин А.А. Возможные военные угрозы в Арктике в среднесрочной перспективе // Военная мысль. – 2020. – № 5. – С. 112–120; Хлопов О.А. Стратегия России и НАТО в Арктике: возможные сценарии // Социология. – 2021. – № 2. – С. 136–145; Загорский А.В., Тодоров А.А. Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряженности и пути деэскалации // Арктика и Север. – 2021. – № 44. – С. 79–102; Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е. Арктический вектор внешней политики США: динамика развития в конце XX – начале XXI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 2. – С. 30–41; Чернега В.С. Международные морские коммуникации в Арктике: политика России по защите национальных интересов в регионе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 50–62; Бхагват Д. Арктическое военное присутствие и его влияние на развитие Северного морского пути // Арктика и Север. – 2022. – № 48. – С. 91–118; Белобров Ю.Я. НАТО - курс на дестабилизацию Арктики // Международная жизнь. – 2022. – № 10. – С. 70–83.

¹⁹ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? / Под ред. И.В. Прокофьева. – М.: РИСИ, 2011. – 194 с.; Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Ремилитаризация Арктики и безопасность России // Национальная безопасность. – 2013. – № 6. – С. 55–67; Konyshev V., Sergunin A. Is Russia a revisionist military power in the Arctic? // Defense & Security Analysis. – 2014. – Vol. 30. – No. 4. – P. 323–335; Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Российские подходы к арктической безопасности // Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир / Отв. ред. О.П. Иванов. – М.: Проспект, 2020. – С. 314–334.

²⁰ Журавель В.П. Активизация деятельности стран НАТО в Арктике // Зарубежное военное обозрение. – 2016. – № 12. – С. 14–20; Журавель В.П. НАТО в Арктике: угроза национальной безопасности России (2010–2020 гг.) // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – № 3–2. – С. 79–84; Журавель В.П. Арктика и вопросы военной безопасности РФ // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 3. – С. 42–47; Журавель В.П. Новые угрозы национальной безопасности России в Арктике: проблемы противодействия // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 226. – № 6. – С. 85–98; Журавель В.П. НАТО и вопросы национальной безопасности России в Арктике // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 2. – С. 55–61; Журавель В.П. Проблема освоения Арктики в условиях санкционного

Следует выделить также монографию заведующего отделом разоружения и урегулирования конфликтов Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН Загорского А.В.²¹, в которой дан подробный анализ современных военных и невоенных угроз и вызовов для безопасности России в Заполярье.

Проблемы военно-политической деятельности в Арктике находят широкое освещение в зарубежных публикациях исследователей из США, Великобритании и Канады²², государств Европы²³, стран Скандинавского полуострова²⁴. Следует отметить, что для большинства западных публикаций примечательными становятся подчеркнутый скептицизм в отношении оборонительного характера российской политики в Арктике и обвинения России в милитаризации региона. С переходом коллективного Запада к политике «всеобъемлющей изоляции Российской Федерации» возросло количество публикаций о «российской арктической угрозе»²⁵. В данной связи в диссертации обращается внимание на ангажированный характер подобных публикаций и их невысокую научную ценность.

давления на Россию // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 2. – С. 32–40; Журавель В.П. Чрезвычайное событие в Арктическом совете // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2022. – № 12 (279). – С. 82–89; Журавель В.П., Тимошенко Д.С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. – 2022. – № 49. – С. 105–124.

²¹ Загорский А.В. Безопасность в Арктике. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 114 с.

²² Huebert R. A new Cold War in the Arctic? The old one never ended! // Arctic Yearbook 2019 / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes (eds.). – Akureyri: Arctic Portal, 2019. – P. 75–78; Charron A. NATO and The Geopolitical Future of the Arctic // Arctic Yearbook 2020 / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes (eds.). – Akureyri: Northern Research Forum, 2020. – P. 115–122; Depledge D. Train Where You Expect to Fight: Why Military Exercises Have Increased in the High North // Scandinavian Journal of Military Studies. – 2020. – Vol. 3. – No. 1. – P. 288–301; Danoy J., Maddox M. Set NATO's sights on the High North // NATO 20/2020: Twenty Bold Ideas to Reimagine the Alliance after the 2020 US Election / C. Skaluba, C. Rodihan, G.R.A. Doyle (eds.). – Washington DC: The Atlantic Council Scowcroft Centre for Strategy and Security, 2020. – P. 75–79; Black J. etc. Enhancing deterrence and defence on NATO's northern flank. – Santa Monica: RAND Corporation, 2020. – 96 p.

²³ Boulègue M. Russia's Military Posture in the Arctic: Managing Hard Power in a "Low Tension" Environment. NDC Research Paper. – Rome: NATO Defense College, 2019. – 71 p.; Szymański P. High North, high priority – Norway and the defence of NATO's northern flank. OSW Commentary No. 303. – Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2021. – 8 p.; Allers R., Rácz A., Sæther T. Dealing with Russia in the Arctic. Between Exceptionalism and Militarization. DGAP Policy Brief. – Berlin: Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V., 2021. – 20 p.; Paul M., Swistek G. Russia in the Arctic. SWP Research Paper 2022/RP 03. – Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2022. – 42 p.

²⁴ Mikkola H. The Geostrategic Arctic. Hard Security in the High North. Briefing Paper No. 259. – Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2019. – 8 p.; Wegge N. Arctic Security Strategies and the North Atlantic States // Arctic Review on Law and Politics. – 2020. – Vol. 11. – P. 360–382; Østhagen A. Norway's Arctic policy: still high North, low tension? // The Polar Journal. – 2021. – Vol. 11. – No. 1. – P. 75–94; Østhagen A. The Arctic security region: misconceptions and contradictions // Polar Geography. – 2021. – Vol. 44. – No. 1. – P. 55–74.

²⁵ См., например: Wall C., Wegge N. The Russian Arctic Threat: Consequences of the Ukraine War. CSIS Briefs [Electronic resource] // The Center for Strategic and International Studies. January 25, 2023. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-01/230125_Wall_RussianArcticThreat_0.pdf (accessed: 24.03.2023).

Источниковая база исследования включает в себя:

- документы международных организаций, внешнеполитических ведомств, правительств и министерств государств Арктического региона;
- официальные выступления и заявления политических деятелей России и НАТО, а также государственных служащих стран Арктики.

Объект исследования – региональные взаимоотношения по линии Россия-НАТО в Арктике.

Предмет исследования – соперничество России и Организации Североатлантического договора в Арктическом регионе.

Цель исследования – выявить причины, ключевые направления и тенденции соперничества между Россией и НАТО в Арктике на современном этапе.

Задачи исследования:

1. Определить теоретические и политико-лингвистические особенности имеющих в научной литературе понятий «вражда», «соперничество» и «сотрудничество», применить полученные результаты исследования к взаимоотношениям между Россией и НАТО.
2. Установить теоретико-правовые и методологические аспекты исследования политики государств в Арктическом регионе в контексте международного соперничества за освоение общих пространств.
3. Показать эволюцию международного взаимодействия в Арктике.
4. Систематизировать ключевые аспекты столкновения интересов и точек взаимодействия между Россией и государствами-членами Североатлантического альянса по проблеме освоения Арктического пространства.
5. Раскрыть многообразие экономических интересов Российской Федерации и государств-членов НАТО в Арктике.
6. Показать особенности военно-политической деятельности России и НАТО в Арктическом регионе.
7. Выявить процесс формирования и этапы развития курса НАТО, направленного на соперничество с Россией в Арктике.

8. Идентифицировать эволюцию восприятия странами-членами НАТО деятельности по освоению Арктического региона Российской Федерацией.

9. На основе анализа глобальных системных факторов показать динамику соперничества по линии Россия – НАТО и предложить возможные сценарии дальнейшего развития ситуации в Арктике.

Теоретическую основу исследования составляет реалистское направление в ТМО. Дилемма безопасности Дж. Херца, неореалистский анализ К. Уолтца, теория баланса угроз С. Уолта, а также теория комплекса региональной безопасности Б. Бузана и О. Вейвера – подходы, лежащие в основе данной работы. Подготовка исследования находилась в тесном сопряжении с осмыслением автором имеющихся в российском политологическом сообществе дискуссий по вопросам безопасности в их эволюции и динамике: от учета сдержанных оценок деятельности НАТО в Арктике (Загорский А.В.) и рационалистического взгляда на процессы в Заполярье (Вылегжанин А.Н.) в 2010-е годы, обращения к более сложным теоретическим моделям, сочетающим в себе «новый регионализм» и концепцию «глобального региона» (Сергунин А.А.) и до выраженного реалистского отражения складывающейся ситуации в Заполярье, постулирующего возвращение к жесткому противоборству как в Арктике (Ю.Я. Белобров), так и в глобальном измерении (Караганов С.А.). В целях формирования более системной картины исследования, автором учтен и неолиберальный институционализм. Также в работе используются достижения теории конструктивизма.

Методологической основой исследования является системный подход, который предоставляет возможность всесторонне проанализировать особенности изучаемого предмета исследования, проследить его развитие. Исходным для данной диссертации выступает историко-политологический метод, который позволяет рассмотреть проблему соперничества в контексте хронологической последовательности и системной эволюции военно-политической деятельности России и НАТО на Крайнем Севере в XXI веке. В исследовании также применяются такие методы, как формально-юридический анализ, сравнительный

анализ, ивент-анализ, контент-анализ, статистический анализ, ситуационный анализ, сценарный анализ. В целях апробации положений, выносимых на защиту, автор в 2022–2023 годах провел опрос²⁶ на тему соперничества России и НАТО в Арктике с применением метода интервьюирования среди зарубежных исследователей Заполярья из США (П.А. Беркман), Великобритании (К. Доддс) и Швеции (Г. Саймонс). Для обоснования полученных выводов диссертационного исследования используется совокупность общенаучных и специальных методов познания.

Эмпирическая база исследования включает в себя: 1) официальные документы и заявления политических деятелей России и НАТО; 2) аналитические доклады, разработанные российскими и иностранными «мозговыми центрами»; 3) справочные и статистические издания; 4) публикации отечественных и зарубежных СМИ.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2000 по 2023 год, что обусловлено установленными целью и задачами диссертационной работы. Именно в этот период происходит постепенное и полноценное возвращение России в Арктику. Параллельно наблюдается и становление антироссийского курса НАТО в рассматриваемом регионе.

Научная новизна исследования определяется рядом положений:

– с учетом многообразия и глубины имеющихся теоретических трактовок понятий «вражда», «соперничество» и «сотрудничество» сформулированы предельно общие определения, основывающиеся на выделении ключевых признаков, с опорой на обширный эмпирический материал обосновано их системное использование применительно к взаимоотношениям между НАТО и Россией в Арктике;

– на основе анализа значительного массива имеющейся отечественной и зарубежной научной литературы автором сформулировано шесть следующих концепций: 1) триады основных целей соперничества на общих пространствах; 2) четырехэтапной периодизации международного взаимодействия в Арктике;

²⁶ Прим. автора: полный текст представлен в Приложении 2 к настоящему диссертационному исследованию.

3) шести уровней пересечения и столкновения интересов России и государств-членов НАТО в Арктике; 4) триады ключевых задач, решаемых посредством военно-политической деятельности как со стороны России, так и со стороны Североатлантического альянса в Заполярье; 5) четырехэтапной периодизации эволюции политики НАТО по отношению к Арктике в XXI веке; 6) четырехэтапной периодизации освоения Заполярья Российской Федерацией в XXI веке;

– уточнено понятие «освоение территории» путем определения двух неотъемлемых для него характеристик, сущность которых выражается через физическое и политико-правовое измерения;

– при рассмотрении спектра экономических интересов России с опорой на обширный пласт различных источников определены четыре приоритетные задачи ее деятельности в Заполярье. Государства-члены НАТО сгруппированы в две категории в соответствии с их официально заявленными экономическими интересами в Арктике;

– адаптирован и расширен потенциал использованной кодировочной системы инвент-анализа WEIS и шкалы Гольдштейна к ней (автором были введены такие критерии, как «военная демонстрация или военные учения с ярко выраженной идеологией противостояния и соперничества» и «определение какой-либо страны (соперника) в качестве вызова или угрозы в официальных стратегических документах», с присвоением последовательных кодов 183 и 184 в классе «Демонстрация» (№ 18), а также установлением значений по шкале Гольдштейна -8,1 и -8,2 соответственно);

– основываясь на инструментарии сценарного анализа, автором предложены три возможных варианта развития дальнейшей ситуации в Арктике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Интересы Российской Федерации и государств-членов Североатлантического альянса в Арктике пересекаются и сталкиваются на следующих шести уровнях: стратегический, институциональный, уровень безопасности, экономический, экологический, научный.

2. Российская Федерация имеет четыре ключевых экономических интереса в Арктике: 1) осуществление добычи природных ресурсов; 2) развитие транспортной инфраструктуры (приоритет – Северный морской путь); 3) повышение уровня жизни граждан на северных территориях; 4) улучшение инвестиционной привлекательности Арктической зоны Российской Федерации. Государства-члены НАТО, исходя из имеющихся у них экономических интересов к Заполярью, уместно разделить на две группы: 1) арктические государства, характерным отличием которых выступает наличие неотъемлемых комплексов экономических интересов в Арктике: США, Канада, Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия (в эту группу можно включить и Швецию как страну, находящуюся на пути вступления в НАТО); 2) государства, не являющиеся арктическими, но заявляющие о своих экономических интересах к Заполярью: Великобритания, Германия, Франция, Нидерланды, Польша, Эстония, Латвия, Италия, Испания и Турция.

3. Военно-политическая деятельность как России, так и государств-членов НАТО направлена на решение трех основных задач в Арктике: 1) обеспечение физического присутствия; 2) оптимизация управления вооруженными силами в Заполярье; 3) готовность отвечать на военные вызовы на Крайнем Севере. Наряду с этим просматриваются следующие общие тенденции: 1) увеличение числа и масштабов военных учений в Арктике с 2014 года; 2) количественный рост участников тренировочных мероприятий; 3) задействование максимального числа различных родов войск и вариантов их применения. Для НАТО характерной особенностью деятельности в Арктике выступает «догоняющее развитие», выраженное в стремлении сократить разрыв в потенциале с Россией.

4. Процесс формирования курса НАТО на соперничество с Россией в Арктике прошел четыре этапа: 1) этап относительно низкой вовлеченности Североатлантического альянса в Заполярье (2000-2007 годы); 2) этап переосмысления деятельности (2007-2014 годы); 3) этап резкой активизации (2014-2020 годы); 4) этап открытого соперничества (2020 год – настоящее время).

Вместе с тем интенсификация сопернического курса НАТО находится в отношениях тесной зависимости с вопросом развития деятельности Российской Федерации по освоению Арктического региона, которая также прошла четыре этапа: 1) этап низкой заинтересованности в Арктике (2000-2007 годы); 2) этап полноценного возвращения в регион (2007-2014 годы); 3) этап продолжения деятельности в условиях нарастания кризисных тенденций (2014-2020 годы); 4) этап адаптации к новым реалиям соперничества в регионе (2020 год – настоящее время).

5. Сценарный анализ позволяет предложить три возможных варианта дальнейшего развития ситуации в Заполярье: 1) углубляющееся соперничество Российской Федерации и НАТО на фоне милитаризации Крайнего Севера; 2) стабилизация международной обстановки и появление шагов к сотрудничеству России и стран-членов НАТО в Арктике; 3) глокализация Арктического региона (его разделение на «зоны ответственности»). В сложившихся условиях в числе ключевых для Российской Федерации будут выступать следующие задачи: 1) дальнейшее повышение боевых способностей, строительство инфраструктуры и проведение учений в Арктике; 2) противостояние политике «выдавливания» из Арктики с опорой на дипломатический инструментарий и выстраивание конструктивного международного сотрудничества в регионе с заинтересованными государствами (в том числе с неарктическими странами БРИКС, ШОС); 3) недопущение гипотетического сценария эскалации военно-политической напряженности в Арктике путем системного использования мер конвенционального и неконвенционального характера.

Теоретическая значимость исследования выражается в комплексном и многостороннем рассмотрении проблематики взаимоотношений России и НАТО в Арктическом регионе. Основные положения работы могут представлять интерес для исследователей внешней политики государств Северной Америки и Европы. Работа может послужить основой для проведения дальнейших исследований в области арктической политики безопасности.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов в профильных подразделениях МИД России и Минобороны России. Основные положения, выводы и материалы исследования могут быть востребованы в учебном процессе факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова и иных вузов при разработке учебных курсов.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности. Диссертация соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

7. Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях. Международный терроризм и борьба с ним. Разоружение и контроль над вооружениями. Вызовы, риски, опасности и угрозы.

9. Геополитические факторы и процессы.

12. Внешняя политика и дипломатия.

19. Российская Федерация в системе международных отношений.

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается обоснованностью теоретико-методологической базы исследования; использованием соответствующих объекту, предмету, цели и задачам исследования научных методов; опорой на обширный массив верифицируемых источников информации.

Апробация результатов исследования. Выводы, представленные в настоящем исследовании, нашли отражение в 17 докладах²⁷ на международных и всероссийских научных конференциях, круглых столах и семинарах, а также в научных публикациях автора.

Основные идеи и положения диссертации изложены в 15 научных работах автора общим объемом 13,98 п. л., в том числе в 1 публикации в издании,

²⁷ Полный перечень выступлений, с развёрнутым описанием всех 17 конференций и тем докладов, представлен на персональной общедоступной странице автора в ИАС «ИСТИНА»: <http://istina.msu.ru/profile/ArzhanovIgor/>

включенном в Scopus, и в 5 научных статьях, опубликованных в периодических научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

За научные достижения, полученные по теме настоящего исследования, автор стал лауреатом стипендии Президента Российской Федерации 2022–2023 учебного года. Кроме того, в 2022–2023 годах автором было проведено получившее грантовую поддержку Ученого совета факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова исследование «Политика России в условиях соперничества с НАТО в Арктическом регионе: военно-политический аспект».

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОПЕРНИЧЕСТВА В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

1.1. Концептуальные подходы к понятиям «вражда», «соперничество» и «сотрудничество» в международных отношениях

Исследователи состояния и особенностей международных отношений в разных регионах мира оперируют широким кругом терминов, которые могут иметь узкоспециализированное значение либо являются широко употребляемыми понятиями. Среди последних значительной популярностью пользуются «вражда», «соперничество» и «сотрудничество», являющиеся базовыми характеристиками международного взаимодействия. Вместе с тем, подходы к пониманию этих понятий у ученых разнятся, а единые определения отсутствуют, в то время как для целей данного диссертационного исследования терминологическая ясность необходима и важна.

Первое понятие этого ряда – вражда – с лингвистической зрения происходит²⁸ от старославянского слова «*врагъ*», что, в свою очередь, связано с общеславянским корнем «*vorgъ*» и древне-прусским корнем «*wargs*» в значении «злой», – и обозначает отношения или действия недоброжелательного, проникнутого ненавистью характера. Соответственно, в нем можно отметить два важных компонента: эмоционально-психологический, поскольку ненависть

²⁸ Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. – М.: МГУ, 1963–1965. – 399 с.

является эмоцией и предполагает наличие определенного чувственного отношения к врагу, и этический компонент, заметный по лексической связке «враг» – «злой», т.к. добро и зло – это морально-этические категории и, соответственно, враг в рамках вражды как отношений в предельном варианте будет восприниматься как зло, требующее уничтожения.

С общефилософской точки зрения исследователь К.К. Фурсов выделяет²⁹ три базовых подхода к пониманию вражды. Первый из них – агональный, рассматривает вражду как процесс борьбы или войны, сосредоточивается на описании ее участников и форм, видит ее корни в разрыве социальных связей и использовался Гераклитом, Эмпедоклом, Платоном, Т. Гоббсом, Д. Локком, Г.В.Ф. Гегелем, К. Марксом, Г. Зиммелем и др. Второй подход – аксиологический, в рамках него вражда рассматривается с морально-нравственных позиций, является производной от несовершенной природы человека и его пороков (зависти, неблагодарности, злорадства), оказывается синонимична ненависти и отвращению, требует исправления природы человека за счет обращения к его разуму и получила отражение у Аристотеля, А. Августина, Н. Макиавелли, Н.Ф. Федорова и др. Третий подход – применение теории межгрупповых отношений, в соответствии с которой изучаются две стороны – свои (ингруппа) и чужие (аутгруппа), и вражда характеризует отношения по линии между ними, для них важен принцип сравнительного себялюбия и желания достижения превосходства над другими вплоть до отрицания чужого бытия; данный подход использовали И. Кант, Ф. Ницше, Ф. Шмитт и пр.

О вражде как фундаментальной характеристике устройства мира начал задумываться еще Гераклит³⁰, сформулировав тезис о бесконечном единстве и вражде противоположностей, совместно образующих гармонию; ему же принадлежит бинарная диспозиция «мир-война». Понятие вражда в политическом смысле использовал философ Платон³¹, считая важным в нем способность характеризовать отношения граждан, непременно наличие взаимности, а также

²⁹ Фурсов К.К. Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории // Социум и власть. – 2018. – № 5 (73). – С. 46–56.

³⁰ Маковельский А. Досократики. – Минск: Харвест, 1999. – 789 с.

³¹ Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.

различия в занятых сторонами позициях как основы вражды. В этом смысле взаимность как характеристика может использоваться для разграничения понятий вражды и ненависти, поскольку последняя может быть и односторонней.

Вражда как крайность, один из возможных полюсов отношений рассматривалась в труде «Раздор и сотрудничество»³² А. Уолферса. Он разделил отношения между государствами на ряд категорий и выстроил их в порядке усиления признака от вражды до дружбы. Первой крайностью стала вражда с отметкой непримиримости и имеющая виды войны между странами. Далее, на этом ряду наблюдаются демонстрация враждебных намерений, но без состояния войны, полное прекращение ранее дружеских взаимоотношений, наличие минимальных отношений, эпизодическое сотрудничество, активное сотрудничество внешненаправленного и внутринаправленного характера, а также собственно дружба в максимально возможном проявлении. В данной классификации важным наблюдением представляется то, что вражда – это именно крайность, предельное выражение негативного отношения сторон друг к другу, что можно считать одним из значимых отличий между такими близкими понятиями как «вражда» и «соперничество».

В контексте разъяснения понятия «вражда» внимания заслуживает «Социальная теория международной политики»³³ А. Вендта и конструктивистский подход в целом, поскольку он разделяет понятия «вражда» и «соперничество», в то время как, к примеру, в трудах реалистов они, как правило, изучаются как единый феномен. В своей социальной теории А. Вендт изложил основные принципы конструктивизма, указав на существование трех различных культур анархии: гоббсовской, локковской и кантовской, и они соответствуют трем уникальным ролям, которые государство может взять на себя, а именно роли врага, соперника и друга. С понятием вражды непосредственно связана гоббсовская культура, названная так по имени автора теории борьбы всех против

³² Wolfers A. *Discord and Collaboration*. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. – 283 p.

³³ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 450 p.

всех³⁴. В ней политические акторы имеют представление о других как о субъектах, которые не имеют права на самостоятельное существование, являются врагами, чьи намерения безграничны по своей природе, к тому же враг вообще не признает право другого на действия в качестве свободного субъекта. А. Вендт также указывал на возможные реальный и воображаемый статусы врагов, поскольку некоторые враги реальны в том смысле, что другой субъект действительно экзистенциально угрожает им, иные же противники могут быть химерами, но при этом разница в этих статусах не влияет на реальность гоббсовских культур, где действия политических акторов зависят только от их восприятия собственных врагов.

Конструктивизм в XXI в. продолжил³⁵ рассматривать мир как социальный конструкт, а отношения вражды между государствами как интересубъективную структуру, признавая наличие у них общих идей и убеждений. Соответственно, и вражда в этой парадигме, ее изменение или усиление непосредственно зависит от убеждений и идей, которых придерживаются оба государства, и возможна ситуация трансформации вражды в дружеские отношения. Субъективность, т.е. зависимость от политического субъекта, вражды – это еще одна значимая характеристика рассматриваемого понятия.

Научное понимание вражды обогатил не только конструктивистский, но и коммуникативный подход к международным отношениям. Они, как указывает Г.И. Козырев³⁶, могут рассматриваться в виде особой коммуникативной системы с непрерывающимся обменом ресурсами, включая информацию, между субъектами международных отношений, в т.ч. государствами, заинтересованными в коммуникации с предсказуемыми партнерами. Вражда, обозначающая недоброжелательные отношения между субъектами коммуникации, включает в себя комплекс коммуникативных действий по созданию образа врага (что можно

³⁴ Arndt M. Realist-Constructivism and the India-Pakistan Conflict: A New Theoretical Approach for an Old Rivalry // *Asian Politics & Policy*. – 2018. – Vol. 10. – No. 1. – P. 100–114.

³⁵ Theys S. Introducing Constructivism in International Relations Theory [Electronic resource] // *E-International Relations*. February 23, 2018. URL: <https://www.e-ir.info/2018/02/23/introducing-constructivism-in-international-relations-theory/> (accessed: 2.03.2021).

³⁶ Козырев Г.И. Коммуникация сотрудничества, соперничества, вражды в современном мире // *Коммуникология*. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 106–115.

проследить на примере анализа семантики вражды в публикациях и материалах, размещённых на официальном портале НАТО³⁷).

Вражда в международных отношениях – это особое состояние отношений, включающее эмоционально-негативное восприятие субъектами друг друга как врагов, которые являются угрозой и должны быть уничтожены. В случае если физическое уничтожение врага как субъекта международных отношений невозможно, и стороны конфликта это понимают, их негативное восприятие друг друга скорее описывается понятием «соперничество» как менее эмоциональным и более этически нейтральным, поскольку соперник не должен непременно воплощать в себе зло как этическую крайность (что является свойством врага).

Соперничество как понятие происходит³⁸ от слова «соперник» с праславянской основой: «*sq-*» в значении «с» и «*perti*» как «упираться, теснить», и обозначает состояние, действие или ситуацию, в которой один стремится победить или превзойти другого. В английском языке понятие «соперничество» происходит³⁹ от латинского *rivalis*, что означает «один использует тот же поток, что и другой», а потому соперник и определяется как тот, кто преследует ту же цель, что и кто-то другой, стремится получить то, что другой пытается получить, то, чем может обладать только один. Английское «*rivalry*» может переводиться на русский и как «соперничество», и как «вражда» в зависимости от контекста.

Одним из фундаментальных и наиболее распространенных подходов к пониманию соперничества в международных отношениях является реалистский, где оно рассматривается как неотъемлемая их характеристика. С точки зрения реалистов, международные дела являются борьбой за власть между государствами. Классические реалисты, такие как Г. Моргентау⁴⁰, видят в них вечное соперничество, основанное на врожденной эгоистичной человеческой

³⁷ Дубровская Т.В., Юськаева Э.И. Семантика вражды в медиатизированном дискурсе международных отношений // Русский лингвистический бюллетень. – 2021. – № 4 (28). – С. 120–126.

³⁸ Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. – М.: МГУ, 1963–1965. – 399 с.

³⁹ Vasquez J., Leskiw C. The Origins and War Proneness of Interstate Rivalries // Annual Review of Political Science. – 2001. – Vol. 4. – P. 295–316.

⁴⁰ Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. – 6th ed. – New York: Alfred A. Knopf, 1985. – 688 p.

природе. Неореалисты вроде К. Уолтца⁴¹ сосредотачиваются на изначально конкурентной и анархической международной системе без центральной организующей власти, которая бы монополизировала власть для управления межгосударственными отношениями и защиты стран друг от друга, при этом в рамках данной международной системы государства как основные участники используют стратегии самопомощи для выживания и максимизации власти либо безопасности. Неоклассические реалисты, такие как Н. Рипсман, Дж. Талиаферро, С. Лобелл и др.⁴², объединяли системные предпосылки неореализма с факторами внутреннего уровня, которые либо облегчают, либо ограничивают внешнюю политику и влияют на состояние соперничества.

Важным теоретическим конструктом в рамках понимания и осмысления сущности соперничества с реалистской точки зрения является дилемма безопасности. А. Коллинз в своей одноименной книге⁴³ описал ее следующим образом: основу дилеммы безопасности составляет убеждение в том, что в условиях неопределенности и ограниченной рациональности государства воспринимают угрозы – вне зависимости от того, реальные они или воображаемые – таким образом, что это порождает у них опасения в своей незащищенности и заставляет принимать меры по своему усилению для противостояния угрозам, включая производство оружия, образование военных альянсов и пр. По этой причине, если одно государство наблюдает, как второе внезапно увеличивает свою военную мощь, оно будет опасаться нападения и, таким образом, прибегнет к аналогичным действиям по расширению собственных силовых возможностей, что повлияет на первое. Это бесконечная ситуация, из-за которой реалисты считают сотрудничество не только труднодостижимым, но и практически невозможным: так, в наступательном реализме утверждается, что государства должны действовать агрессивно ради своего выживания и сама международная система поощряет конфликты, тогда как оборонительные

⁴¹ Waltz K. *Theory of International Politics*. – New York: McGraw Hill, 1979. – 251 p.

⁴² Ripsman N., Taliaferro J., Lobell S. *Neoclassical Realist Theory of International Politics*. – New York: Oxford University Press, 2016. – 208 p.

⁴³ Collins A. *State-Induced Security Dilemma. Maintaining the Tragedy // Cooperation and Conflict*. – 2004. – Vol. 39. – No. 1. – P. 27–44.

реалисты допускают сотрудничество в зависимости от ситуации и сходства взглядов двух стран⁴⁴.

Соперничество – естественное состояние международных отношений в реализме. В отличие от него, в конструктивизме ситуация соперничества рассматривается в рамках локковской культуры. По А. Вендту⁴⁵, качественные структурные изменения в международной политике, включая создание Вестфальской системы, привели к замене гоббсовской войны всех против всех концептом «живи и дай жить». В локковской культуре соперник является менее опасным субъектом, чем враг, соперники устроены сходным образом, и, в отличие от врагов, ожидают друг от друга действий с учетом признания суверенитета, прав и свобод каждого участника противостояния без попыток завоевать и уничтожить. Международное соперничество ограничено набором суверенных прав, признанных международным правом, основано на верховенстве права, однако это не гарантирует, что применению силы не найдется места – она будет использоваться ситуационно для урегулирования споров. Отказ от обязательного уничтожения противника – это важная качественная характеристика международного соперничества, отличающая его от вражды.

Конфликтный подход к пониманию соперничества можно увидеть в публикациях⁴⁶ К. Райта, оперирующего общим объединяющим термином «противостояние», разновидностями которого выступают соперничество, конкуренция и конфликт. По его убеждению, соперничество – это промежуточная стадия между конфликтом и конкуренцией, соперники, в отличие от конкурентов, ведут борьбу в большей степени не за обладание какими-либо благами, а против другого соперника, который в чем-то ограничивает их интересы, пространство, влияние. Соответственно, в этом подходе важен квалифицирующий признак соперничества – наличие второй стороны, с которой требуется вести борьбу.

⁴⁴ Collins A. State-Induced Security Dilemma. Maintaining the Tragedy // Cooperation and Conflict. – 2004. – Vol. 39. – No. 1. – P. 27–44.

⁴⁵ Wendt A. Social Theory of International Politics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 450 p.

⁴⁶ Wright Q. Problems of Stability and Progress in International Relations. – Berkeley: University of California Press, 1954. – P. 142–159.

В теории международных отношений соперничество рассматривалось в рамках диадного подхода, особенно популярного в 1980–1990-е гг. Его основателем, автором первого подробного исследования по нему стал Ф. Уэймен в 1983 г. В своей работе⁴⁷ он использовал концепт соперничества для определения и характеристики т.н. диад – пар государств, воспринимавших угрозы друг от друга как значительные. Ф. Уэймен описал соперничество как диадное отношение, имевшее, по крайней мере, два военизированных межгосударственных спора в течение десятилетнего периода. Диадный подход получил дальнейшее развитие у Г. Гертца и П. Диля. В своей совместной публикации⁴⁸ исследователи определили устойчивое соперничество как отношение в диадах, которые участвуют в шести или более спорах в течение 20-летнего периода. На базе этого определения Г. Гертц и П. Диль создали тройную типологию соперничества: изолированный конфликт, протосоперничество и устойчивое соперничество, где первый относится к диаде, которая переживает один или два спора, второй предложенный исследователями тип относится к тем диадам, которые имеют более двух споров, но недостаточно для того, чтобы считаться устойчивым или длительным соперничеством.

Их последователь Д. Беннетт⁴⁹ определил межгосударственное соперничество как диаду, в которой два государства расходятся во мнениях по поводу решения проблем между ними в течение длительного периода времени, что проявляется в виде привлечения значительных ресурсов для противодействия, при этом относительно часто встречаются дипломатические или военные вызовы.

С опорой на диадный подход Г. Гертца и П. Диля, американский исследователь Д. Гиблер продолжил изучение природы соперничества. По результатам проведенного исследования учёный констатировал, что для раскрытия сущности и понимания данного феномена необходимо акцентировать

⁴⁷ Vasquez J., Leskiw C. The Origins and War Proneness of Interstate Rivalries // *Annual Review of Political Science*. – 2001. – Vol. 4. – P. 295–316.

⁴⁸ Goertz G., Diehl P. The Empirical Importance of Enduring Rivalries // *International Interactions*. – 1992. – Vol. 18. – No. 2. – P. 151–163.

⁴⁹ Bennett D.S. Security, Bargaining, and the End of Interstate Rivalry // *International Studies Quarterly*. – 1996. – Vol. 40. – No. 2. – P. 157–184.

внимание на состоянии отношений между противоборствующими сторонами, рассматривать их в эволюции и динамике⁵⁰.

Более упрощенное понимание международного соперничества можно увидеть в рамках утилитарного подхода у Ч. Глэйзера⁵¹, считающего им любое антагонистическое поведение и столкновение интересов международных акторов. Учитывая его, Ю.В. Боровской определяет⁵² соперничество на мировой арене как противостояние пар государств либо групп государств в рамках конкуренции друг с другом за блага, пространства, власть.

Крайне близкое к реалистическим постулатам, геополитическое видение соперничества в Арктическом регионе, опирающееся на противостояние двух «великих держав» – России и США, отражено в публикациях П. Хью⁵³, Р. Хьюберта⁵⁴, А.Г. Гольцова⁵⁵ и О.В. Коневских⁵⁶. Как отмечает С.Д. Набок, традиционалистский взгляд предлагает чёткую и ясную логику, задаёт предельно общие теоретические рамки для политического анализа в области безопасности на Крайнем Севере⁵⁷. Представляющим исследовательский интерес следствием применения указанного подхода, в контексте осмысления соперничества, является его нормативное использование в трудах Х. Ли и Б. Пенга⁵⁸, С. Копры⁵⁹, а также Р. Пинкуса⁶⁰ для обоснования восходящей роли Китая в Арктике.

⁵⁰ Gibler D.M. Control the issues, control the conflict: The effects of alliances that settle territorial issues on interstate rivalries // *International Interactions*. – 1997. – Vol. 22. – No. 4. – P. 341–368.

⁵¹ Glaser C.L. *Rational Theory of International Politics: The Logic of Competition and Cooperation*. – Princeton: Princeton University Press, 2010. – P. 52.

⁵² Боровский Ю.В. Международное соперничество: теоретические и лингвистические аспекты // *Международные отношения*. – 2018. – № 3. – С. 65–72.

⁵³ Hough P. *International Politics of the Arctic. Coming in from the Cold*. – London: Routledge, 2013. – 194 p.

⁵⁴ Huebert R. A new Cold War in the Arctic? The old one never ended! // *Arctic Yearbook 2019* / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes (eds.). – Akureyri: Arctic Portal, 2019. – P. 75–78.

⁵⁵ Гольцов А.Г. Международный порядок в Арктике: геополитическое измерение // *Мировая политика*. – 2017. – № 4. – С. 44–55.

⁵⁶ Коневских О.В. Противостояние России и США в арктическом регионе // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. – 2016. – № 7. – С. 61–66.

⁵⁷ Набок С.Д. Основные теоретические подходы в политических исследованиях Арктики // *Арктика и Север*. – 2022. – № 47. – С. 142–163.

⁵⁸ Li X., Peng B. The rise of China in the emergence of a new Arctic order // *The Global Arctic Handbook* / M. Finger, L. Heininen (eds.). – Cham: Springer, 2019. – P. 197–213.

⁵⁹ Kopra S. China, Great Power responsibility and Arctic security // *Climate Change and Arctic Security: Searching for a paradigm shift* / L. Heininen, H. Exner-Pirot (eds.). – Cham: Palgrave Pivot, 2020. – P. 33–52.

⁶⁰ Pincus R. Three-way power dynamics in the Arctic // *Strategic Studies Quarterly*. – 2020. – Vol. 14. – No. 1. – P. 40–63.

С теоретической точки зрения для понимания соперничества важно и понимание особой роли дефицита. Так, Р. Кохейн⁶¹ и К. Линдблом⁶² указывали на то, что в контексте международных отношений соперничество можно понимать как любое состояние антагонистических отношений, за исключением прямого вооруженного конфликта между участниками, включающее три квалифицирующих признака: факт соперничества предполагается сторонами, присутствует стремление получить выгоду и есть стремление к определенному результату или благу, которое не общедоступно, т.е. имеется в дефиците.

Применяя эволюционный подход к исследованию сущности международного соперничества, П. Хенсел выявил⁶³ в его структуре три основных компонента: наличие конкуренции, ощущение угрозы и время. Конкурентный подход к соперничеству был предложен в коллективном докладе⁶⁴, который подготовили в 2018 г. М. Мазарр, Д. Блейк, Э. Кейси, Т. Макдональд, С. Пезард и М. Спиртас. Они определили соперничество как форму конкуренции, подразумевающую стремление превзойти оппонентов, но без открытого конфликта. Их понятие подразумевает некоторую степень согласия государств с контекстом и границами, определяемыми правилами или нормами, при этом основными характеристиками соперничества являются следующие три: а) должно иметься разногласие, которое предполагается и может быть измерено сторонами; б) соперничество рассматривается как соревнование, в котором каждая сторона стремится усилить свою власть и влияние; в) понятие «соперничество» применяется к ситуации, в которой существует либо дефицит в объекте конкуренции, либо потребность в получении его большего количества.

Психологический подход к соперничеству можно увидеть у Д. Васкеса⁶⁵, который определил соперничество как отношения в формате крайней

⁶¹ Keohane R. *After Hegemony*. – N.J.: Princeton University Press, 1984. – P. 51–52.

⁶² Lindblom C. *The Intelligence of Democracy*. – New York: Free Press, 1965. – P. 227.

⁶³ Hensel P. *An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry* // *Conflict Management and Peace Science*. – 1999. – Vol. 17. – No. 2. – P. 175–206.

⁶⁴ Mazarr M. etc. *Understanding the Emerging Era of International Competition*. Research Report No. 2276 [Electronic resource] // RAND Corporation. May 5, 2018. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2726.html (accessed: 27.02.2021).

⁶⁵ Vasquez J.A. *Distinguishing Rivals That Go to War from Those That Do Not: A Quantitative Comparative Case Study of the Two Paths to War* // *International Studies Quarterly*. – 1996. – Vol. 40. – No. 4. – P. 531–558.

конкуренции и, как правило, характеризующиеся психологической враждебностью, где позиции соперников во многом определяются именно определенным отношением друг к другу. Социальный подход к соперничеству присутствует в работах У. Хуссейна⁶⁶, рассуждавшего о том, что в ситуации соперничества у участников есть веские причины действовать таким образом, чтобы подрывать интересы и позиции друг друга, и при прочих равных условиях в этой ситуации в обществе будет генерироваться более слабая и менее плотная сеть социальных привязанностей. Необходимость рассмотрения соперничества как специфического социального феномена подчёркивает Т. Веррон⁶⁷. Он предлагает делать упор на детализации трёх переменных: роль объекта соперничества, природа его дефицита, а также оценка процесса со стороны. Вместе с тем, Д. Расс и Дж. Стэффорд отмечают, что в рамках представленного подхода отсутствует консенсус в понимании данного феномена⁶⁸.

В теоретических изысканиях касательно содержания соперничества можно увидеть и два специфических термина, которые также следует раскрыть. Первый – это стратегическое соперничество. У. Томпсон определяет⁶⁹ его как отношения, связывающие две стороны, которые рассматривают друг друга как соперников или даже угрожающих безопасности врагов. В этом случае оно может прекратиться двумя способами: если одно или оба государства в ходе соперничества утратят свой конкурентный статус либо если одно или оба государства перестанут восприниматься как угроза. Второй термин – это структурное соперничество. Его, в частности, Ч. Хуашен применял⁷⁰ к описанию нового мирового порядка в XXI в., который, в отличие от фрагментированного,

⁶⁶ Hussain W. Why should we care about competition? // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. – 2018. – Vol. 21. – No. 5. – P. 570–585.

⁶⁷ Werron T. On Public Forms of Competition // *Cultural Studies ↔ Critical Methodologies*. – 2014. – Vol. 14. – No. 1. – P. 62–76; Werron T. Formen und Typen der Konkurrenz // *Auf den Spuren der Konkurrenz: Kultur- und sozialwissenschaftliche Perspektiven, Freiburger Studien zur Kulturanthropologie* / K. Bürkert, A. Engel, T. Heimerdinger, M. Tauschek, T. Werron (eds.). – Münster: Waxmann, 2019. – P. 17–44.

⁶⁸ Russ D., Stafford J. Introduction // *Competition in World Politics: Knowledge, Strategies and Institutions* / D. Russ, J. Stafford (eds.). – Bielefeld: Transcript Verlag, 2021. – P. 19.

⁶⁹ Thompson W. Constructing a General Model Accounting for Interstate Rivalry Termination [Electronic resource] // *The Oxford Research Encyclopedia of Politics*. July 27, 2017. URL: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-291> (accessed: 28.02.2021).

⁷⁰ Хуашэн Ч. Мировой порядок: фрагментация, сосуществование или соперничество? [Электронный ресурс] // *Россия в глобальной политике*. 14 октября 2020. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-poryadok-fragmentacziya-sosushhestvovanie-ili-sopernichestvo/> (дата обращения: 25.02.2021).

имеет выраженную поддерживающую структуру, при которой межгосударственные отношения близки к конфликтным. Структурными в широком смысле соперниками выступают США и Китай с Россией. В этой связи представляет интерес подход Дж. Миршаймера, констатировавшего, что соперничество и конфликт носят неизбежный характер. По его мнению, именно в этом заключается сама сущность, трагедия политики «великих держав»⁷¹.

Соперничество – это состояние международных отношений, характеризующееся наличием конкуренции между акторами за обладание каким-либо материальным или нематериальным благом (включая ресурсы, территории, влияние и пр.), их восприятием друг друга как соперников, существованием определенных рамок и принципов, ограничивающих возможность уничтожения соперника, а также продолжительностью во времени. Противоположностью соперничества выступает сотрудничество – понятие образовано от сочетания «со» в значении «совместный» и корня «труд»⁷² и подразумевает участие в общем деле.

Международное сотрудничество А.В. Крысанов определяет⁷³ как деятельность субъектов международного права, осуществляемую ими совместно, ради общих целей, задач, в рамках принципов международного права. Неореалистский подход к сотрудничеству допускал⁷⁴ его возникновение во имя решения общих вопросов в области безопасности, в первую очередь – военной.

Важно подчеркнуть, что представленное в рамках парадигмы реализма видение межгосударственной кооперации, ограниченное рамками конфликтующих интересов сторон, не исключает ее, и, напротив, даже желательно⁷⁵. Однако, как известно, к международному сотрудничеству чаще применяется либерализм как парадигмальный подход, считающий сотрудничество не только возможным, но и необходимым. Либеральная теория

⁷¹ Миршаймер Д. Неизбежное соперничество // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. – № 1. – С. 166–181.

⁷² Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. – М.: МГУ, 1963–1965. – 399 с.

⁷³ Крысанов А.В. Международное сотрудничество: общетеоретическое и правовое измерение // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2018. – № 4 (45). – С. 23–28.

⁷⁴ Цыганков П.А., Цыганков А.П. Межгосударственное сотрудничество: возможности социологического подхода // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 131–142.

⁷⁵ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Снова русский урок? // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. – № 1. – С. 51–58.

выделяет четыре императива сотрудничества: взаимозависимость, транснационализация, рост международных институтов и демократия. Представители либерального направления М. Дойл, С. Рекья, Д. Най и др. указывали⁷⁶ на то, что поскольку судьбы государств тесно связаны друг с другом, эти государства должны сотрудничать между собой либо платить очень высокую цену. Их взаимозависимость не приводит автоматически к сотрудничеству, поскольку государства сотрудничают лишь тогда, когда разрушение взаимозависимости создает перспективу серьезной катастрофы: к примеру, когда государства, обладающие ядерным оружием, находятся на грани войны, они вступают в негласное сотрудничество⁷⁷, проявляя крайнюю осторожность, и часто стремятся к прямому примирению посредством переговоров.

У неолибералов⁷⁸, признающих вслед за реалистами существование анархии в международных отношениях, анархия не является чем-то непреодолимым. Для них движущая сила международного сотрудничества – это возможность совместного достижения абсолютных выгод и экономических благ.

В конструктивистской парадигме у А. Вендта⁷⁹ сотрудничеству соответствует третья культура анархии в международной политике – кантовская, как апелляция к труду И. Канта «К вечному миру»⁸⁰. Ролевая структура, на которой базируется кантовская культура, – это дружба, и в рамках этой ролевой структуры государства должны следовать двум основным правилам: ненасилия и взаимопомощи. Оба правила являются одинаково необходимыми, порождают сотрудничество в виде дружбы, когда они соблюдаются государствами; однако при этом друзья могут проявлять безразличие к судьбе друг друга, договорившись жить в мире, но идти разными путями. В этих пределах они могут иметь и конфликты друг с другом по целому ряду вопросов, но, когда дело доходит до

⁷⁶ Doyle M., Recchia S. Liberalism in International Relations // *International Encyclopedia of Political Science* / B. Badie, D. Berg-Schlosser, L. Morlino (eds.). – Los Angeles: Sage, 2011. – P. 1434–1439; Nye J. Neorealism and Neoliberalism // *World Politics*. – 1988. – Vol. 40. – No. 2. – P. 235–251.

⁷⁷ Basrur R., Kliem F. COVID-19 and International Cooperation: IR Paradigms at Odds // *SN Social Sciences*. – 2021. – Vol. 1. – P. 126–136.

⁷⁸ Цыганков П.А., Цыганков А.П. Межгосударственное сотрудничество: возможности социологического подхода // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 1. – С. 131–142.

⁷⁹ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 450 p.

⁸⁰ Кант И. *К вечному миру* // Соч.: в 8 т. – Т. 7. – М.: ЧОРО, 1994. – С. 5–56.

национальной безопасности, разногласия прекращаются, и защита своего актора становится приоритетной. Практическим результатом кантовской культуры анархии является формирование систем коллективной безопасности и плюралистических сообществ безопасности, члены которых уверены, что споры не будут разрешаться путем физической борьбы или угроз. Вместе с тем, хотя кантовская культура возникла в рамках эволюционного процесса, современный мир существует вне её: в международной системе нет единой культуры анархии в силу того, что в ней присутствует слишком много различных иерархий, а динамика международной системы крайне изменчива.

Идеи международного сотрудничества нашли отражение в рамках исторического институционализма: так, в русле этого направления сотрудничество признается⁸¹ результатом одновременного действия факторов политического, культурного и социального характера, причем как внутренних, так и международных. С позиции институционалистов история способствует выработке устойчивых норм, институтов, идентичностей, а потому международное сотрудничество становится все более прочным и долговечным.

Социологический подход к пониманию и осмыслению международных реалий, сочетающий в себе представителей различных направлений и парадигм⁸², выступает в качестве предмета особого интереса при обращении к изучению феномена сотрудничества. П.А. Цыганков, являясь одним из первых исследователей, предложивших отечественной научной мысли социологическое видение⁸³, в совместном с А.П. Цыганковым учебном пособии подчёркивает, что специфика подхода заключается в ориентированном на значимость ценностей в международной политике аспекте⁸⁴. Формируемые в результате воздействия различных традиций и культурных норм, а также в отличие от интересов не

⁸¹ Репневский В.А. Социологическое осмысление сотрудничества в международных отношениях в Арктике // Евразийский научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 233–236.

⁸² Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – С. 71.

⁸³ Багаева А.В. Отражение взаимосвязи процессов регионализации и интеграции в предметном поле политической регионалистики // О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П.А. Цыганкова) / Под ред. Л.Э. Слущкого, А.Ю. Шутова. – М.: Издательство Московского университета, 2021. – С. 204.

⁸⁴ Цыганков А.П., Цыганков П.А. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий. – М.: Аспект Пресс, 2006. – С. 192.

рассматриваемые как статичные и неизменные, именно ценности выступают основой социологического анализа. Применительно к международному сотрудничеству А.П. Цыганков и П.А. Цыганков выделяют четыре ключевых подхода, два из которых уже рассмотрены в настоящем параграфе, а именно – конструктивизм и исторический институционализм. Переходя к оставшимся двум предложенным направлениям исследований сотрудничества – британской (М. Уайт, Х. Булл и др.) и французской школам (Б. Бади, Д. Биго, М.-К. Смутс и др.), важно отметить, что спецификой первой выступает фокусирование акцента на легитимности международных институтов, признаваемых государствами и в этой связи оказывающих на них определенное воздействие, вторая же обращает внимание на появление новых акторов на мировой арене, а также стирание граней между внутренней и внешней политикой.

Международное сотрудничество как стремление к приспособлению рассматривалось С. Пауло, утверждавшим⁸⁵, что оно происходит, когда акторы приспособливают свое поведение к имеющимся или ожидаемым предпочтениям других акторов, и, следовательно, описывает взаимодействие для достижения общих целей, когда предпочтения участников не являются ни идентичными (т.к. это уже гармония), ни несовместимыми (т.к. это конфликт).

Вкладом Х. Милнер⁸⁶ в изучение сотрудничества стало ее выявление и анализ шести гипотез об условиях, делающих международное сотрудничество более вероятным. К ним относятся гипотеза взаимности (по ней государства ждут от сотрудничества выгод и опасаются санкций в случае его прекращения), количественная гипотеза (вероятность сотрудничества увеличивается с уменьшением количества взаимодействующих друг с другом государств), гипотеза итерации (т.е. зависимости начала сотрудничества от длительности взаимодействия между странами), нормативная гипотеза (цели международного сотрудничества служат соответствующие нормы, процедуры, принципы), гипотеза эпистемических сообществ (международному сотрудничеству могут

⁸⁵ Paulo S. International Cooperation and Development: A Conceptual Overview. Discussion Paper 13/2014. – Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik, 2014. – 40 p.

⁸⁶ Milner H. International Theories of Cooperation: Strengths and Weaknesses // World Politics. – 1992. – Vol. 44. – No. 3. – P. 466–496.

содействовать экспертные объединения), асимметричная гипотеза (наличие сильного заинтересованного государства повышает вероятность сотрудничества).

С точки зрения концепции выгод и вознаграждений, сотрудничество может определяться А. Клаксоном⁸⁷ как положение, при котором субъекты приспособливают свое поведение к фактическим или ожидаемым предпочтениям других посредством процесса координации своей политики, при этом сотрудничество должно привести к вознаграждениям для всех государств, не обязательно равным, однако каждое из них должно извлечь выгоду. Сотрудничество – это согласованное поведение независимых и, возможно, эгоистичных субъектов, которое приносит пользу всем им, при этом, как указывают Х. Дай, Д. Снидал и М. Сэмпсон⁸⁸, индивидуальный эгоизм не должен препятствовать сотрудничеству в ситуациях взаимозависимости, когда благосостояние одного индивида зависит от поведения других.

Представляет исследовательский интерес рассмотрение сотрудничества сквозь призму взаимодействия субнациональных акторов, выдвигаемого в рамках теории парадипломатии (ее основа была заложена в трудах И. Духачека и П. Солдатоса последней четверти XX века). Так, применяя в своем исследовании данный концепт непосредственно к Арктическому региону, профессор Гренландского университета М. Акрен показала⁸⁹, что на теоретическом уровне региональные субнациональные единицы могут выстраивать самостоятельное сотрудничество в трёх сферах: экономической, неэкономической (экология, культура и вопросы общей идентичности этносов Крайнего Севера) и правовой.

В рамках теоретических подходов к пониманию сотрудничества следует отдельно остановиться и на роли политизации и взаимности в международном

⁸⁷ Clackson A. Conflict and Cooperation in International Relations [Electronic resource] // E-International Relations. February 1, 2011. URL: <https://www.e-ir.info/2011/02/01/conflict-and-cooperation-in-international-relations/> (accessed: 25.02.2021).

⁸⁸ Dai X., Snidal D., Sampson M. International Cooperation Theory and International Institutions [Electronic resource] // The Oxford Research Encyclopedia of International Studies. November 20, 2017. URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-93> (accessed: 26.02.2021).

⁸⁹ Ackren M. Diplomacy and Paradiplomacy in the North Atlantic and the Arctic — a Comparative Approach // The Global Arctic Handbook / M. Finger, L. Heininen (eds.). – Cham: Springer, 2019. – P. 235–249.

сотрудничестве, которые, как подчеркивает М. Маккензи⁹⁰, являются его двумя основными механизмами. В международных отношениях политизация транснациональной проблемы дает стимул к сотрудничеству между странами. Влияние политизации на международное сотрудничество наиболее явно в ее крайнем виде – секьюритизации, которая представляет собой, как следует из книги Б. Бузана, О. Уэвера и Я. де Вильда⁹¹, акт формулирования проблемы как экзистенциальной угрозы, требующей ответа. По мере того, как вопрос меняет статус с не представляющего интереса для государства к политизированному и к секьюритизированному, давление на правительства и призывы принять меры нарастают. Таким образом, политизация транснациональной проблемы порождает политическую волю, необходимую для развития международного сотрудничества, и, как справедливо отмечал М. Маккензи⁹², там, где транснациональная проблема секьюритизируется, поиск совместного решения становится политическим приоритетом.

Второй механизм – взаимность – был подробно исследован в рамках изучения эволюции сотрудничества Р. Аксельродом⁹³. Он изучал условия, при которых сотрудничество может возникнуть в эгоистичном мире без центральной власти, и опроверг предположение Т. Гоббса о том, что в естественном состоянии мира сотрудничество невозможно поддерживать без сильного правительства. Используя компьютерную симуляцию, Р. Аксельрод продемонстрировал, что сотрудничество может возникать и сохраняться среди эгоистичных субъектов, которые принимают стратегию взаимного обмена и, вероятно, будут иметь постоянные отношения.

Международное сотрудничество в целом можно определить как состояние взаимодействия между политическими акторами ради общего интереса в международных делах. Следует отметить, что все три понятия – вражда,

⁹⁰ McKenzie M. Between Politics and Policy: International Cooperation Beyond COVID-19 [Electronic resource] // E-International Relations. June 4, 2020. URL: <https://www.e-ir.info/2020/06/04/between-politics-and-policy-international-cooperation-beyond-covid-19/> (accessed: 25.02.2021).

⁹¹ Buzan B., Wæver O., Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. – London: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.

⁹² McKenzie M. Securitising Transnational Crime: The Political Drivers of Police Cooperation between Australia and Indonesia // Policing and Society. – 2019. – Vol. 29. – No. 3. – P. 333–348.

⁹³ Axelrod R. The Evolution of Cooperation. – New York: Basic Books, 1984. – 243 p.

соперничество и сотрудничество – в настоящее время широко применяются для обозначения отношений в рамках мирового порядка, при этом в ситуациях с участием сложных субъектов, имеющих многомерные отношения друг с другом – таких, как Россия и НАТО – могут присутствовать они все в разном ситуационном контексте. К примеру, исследователи могут использовать понятие «вражда», анализируя концепции Североатлантического альянса, в которых Российская Федерация именуется врагом и угрозой; «сотрудничество» – изучая совместные действия России и НАТО при решении общих проблем, к примеру, по ограничению распространения ядерных вооружений; «соперничество» – применительно к конкуренции и борьбе за влияние России и НАТО в регионах, таких, как Арктика, Средняя Азия или Ближний Восток.

Помимо этого, необходимо указать и на то, что понятия «вражда» и «соперничество» могут использоваться как взаимозаменяемые, в особенности при работе с иностранной литературой и концепциями, где это часто одно слово – «rivalry». Выбор между ними определяется контекстом с учетом того, что для вражды важнее эмоционально-негативное восприятие субъектами международных отношений друг друга как врагов, которые являются угрозой и должны быть уничтожены доступными методами, т.е. затрагиваются психологические и этические аспекты отношения к другому, в то время как соперничество – более нейтральное понятие, описывающее состояние международных отношений, характеризующееся наличием конкуренции между акторами за обладание каким-либо материальным или нематериальным благом (включая ресурсы, территории, влияние и пр.), их восприятием друг друга как соперников, существованием определенных рамок и принципов, ограничивающих возможность уничтожения соперника, а также продолжительностью во времени.

1.2. Международное соперничество за освоение общих пространств

На международном уровне государства соперничают за различные ресурсы и территории, влияние и доступ к ним. Это может наблюдаться как на локальном и региональном уровнях, так и в глобальном масштабе. В научной литературе особо выделяется соперничество за освоение т.н. «общих пространств» как пример сохраняющейся конкуренции между политическими акторами в сферах, имеющих общечеловеческое значение.

Общие пространства – это термин, используемый в ряду близких ему понятий «международные пространства», «территории за пределами национальных юрисдикций», «всеобщее достояние», «глобальное общее достояние» и мн. др., которые могут применяться и как полностью взаимозаменяемые, либо же иметь содержательные различия, однако все они относятся к тому, что Программа ООН по окружающей среде определяет как «ресурсные области или области, лежащие вне политической досягаемости какого-либо одного национального государства»⁹⁴. Как итог, общим достоянием обычно признаются море, воздух, космос, а также информационное пространство и приполярные территории Антарктиды и Арктики⁹⁵.

В политической практике интерес к общим пространствам существенно возрос в 1980-е гг., когда стала активно обсуждаться концепция всеобщего достояния⁹⁶, характеризующая пространства, выходящие за пределы территории

⁹⁴ International Environmental Governance of the Global Commons [Electronic resource] // The official website of the United Nations Environment Programme. December 28, 2013. URL: <http://www.unep.org/delc/GlobalCommons/tabid/54404/Default.aspx> (accessed: 18.06.2021).

⁹⁵ Sariak G. The Global Commons: The Arctic and the Danger of a Sequel in Outer Space [Electronic resource] // E-International Relations. September 1, 2015. URL: <https://www.e-ir.info/2015/09/01/the-global-commons-the-arctic-and-the-danger-of-a-sequel-in-outer-space/> (accessed: 16.06.2021).

⁹⁶ Buck S.J. The Global Commons: An Introduction. – Washington D.C.: Island Press, 1998. – 225 p.

государств (а именно, открытое море, глубокое морское дно, Антарктиду и космос). Всеобщим достоянием были обозначены территории и природные ресурсы, которые не подпадают под национальную юрисдикцию конкретного государства, но являются общими для других государств, иногда и для всего международного сообщества. Открытое море, морское дно, космическое пространство, Луна и другие небесные тела, а также два полярных региона могут рассматриваться как общие, поскольку ни одно национальное образование не может претендовать на исключительную юрисдикцию над этими областями⁹⁷.

С политико-правовой точки зрения общие пространства характеризуются тем, что ни одно государство не может заявить на них единоличные суверенные права, хотя некоторые из ресурсов, такие как биоресурсы открытого моря, в принципе могут быть присвоены любым государством или компанией, при этом международные соглашения о рыболовстве строго регулируют их использование. Общие пространства имеют ограниченные ресурсы, доступные всем (например, океаны), либо обеспечивают неограниченные глобальные выгоды (пример – атмосфера)⁹⁸. Космическое пространство и значительные сегменты Мирового океана относятся к этой категории в силу их удаленности и ограниченности способности государств осуществлять над ними полную юрисдикцию⁹⁹.

В мировой политике существуют различные принципы управления общими пространствами, при этом к основным, по мнению К. Брундина, следует отнести следующие¹⁰⁰:

1) принцип *Res Nullius* – применяется к областям, юрисдикция над которыми переходит к первому получателю, заявившему требование. Для этого

⁹⁷ Schrijver N. Managing the Global Commons: Common Good or Common Sink? // *Third World Quarterly*. – 2016. – Vol. 37. – No. 7. – P. 1252–1267.

⁹⁸ Silverstein B., Panda A. Space Is a Great Commons. It's Time to Treat It as Such [Electronic resource] // *Carnegie Endowment for International Peace*. March 9, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/03/09/space-is-great-commons.-it-s-time-to-treat-it-as-such-pub-84018> (accessed: 16.06.2021).

⁹⁹ Young O. Governing International Spaces: Antarctica and Beyond // *Science Diplomacy: Antarctica, Science, and the Governance of International Spaces* / P.A. Berkman, M.A. Lang, D.W.H. Walton, O.R. Young (eds.). – Washington DC: Smithsonian Institution Scholarly Press, 2011. – P. 287–294.

¹⁰⁰ Brundin X. Antarctica – the Triumph of the Global Commons. Supervised Project Report PCAS 15 (2012/2013) [Electronic resource] // *University of Canterbury*. 2014. URL: https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/14123/HannaBrundin_Supervised_PC.pdf?sequence=1 (accessed: 16.06.2021).

ему бывает необходимо установить на территории постоянные поселения, продемонстрировать способность эффективно управлять ею и т.д.;

2) принцип *Res Communis* – подразумевает, что пространство должно быть открыто для всех, что в настоящее время касается атмосферы и космоса, который находится за пределами досягаемости национальных государств. Принцип *Res Communis* – это также центральный элемент концепции всеобщего наследия человечества, где смещается акцент с национального государства в сторону глобального измерения, а население мира делается юридическим лицом, которое должно получать выгоду и управлять общим пространством. Это также означает, что общее пространство не может быть востребовано национальным государством в его юрисдикцию, поскольку оно уже принадлежит всем;

3) принцип *Res Publica* – относится к режиму общественного наследия, поддерживающему и обеспечивающему управление пространством, которое может использовать каждый, при этом непосредственная защита данного пространства ставится выше всех остальных соображений. Этот принцип применим к таким территориям, как Антарктида.

С точки зрения управления общими пространствами, доминируют две концепции: «трагедия общего достояния»¹⁰¹, представляющая собой идею о том, что общие ресурсы чрезмерно эксплуатируются в отсутствие регулирования, в то время как остаются без внимания возникающие экологические проблемы (в т.ч. ведущие и к росту экологических конфликтов в различных регионах мира¹⁰²); и «общее наследие человечества»¹⁰³, отражающая идею о том, что некоторые ресурсы принадлежат всем, включая будущие поколения, и государства не могут быть лишены прав или обязанностей по отношению к ним. Соперничество между государствами в рамках общих пространств, в том числе в сфере управления ими, обусловлено растущей значимостью этих пространств в XXI в. В частности, обеспечение прямого доступа к ним становится ключевой необходимостью как

¹⁰¹ Schrijver N. Managing the Global Commons: Common Good or Common Sink? // *Third World Quarterly*. – 2016. – Vol. 37. – No. 7. – P. 1252–1267.

¹⁰² Демчук А.Л. Управление современными экологическими конфликтами в США и Канаде // *США & Канада: экономика, политика, культура*. – 2020. – Т. 50. – № 5. – С. 100–112.

¹⁰³ Ranganathan S. Global Commons // *European Journal of International Law*. – 2016. – Vol. 27. – No. 3. – P. 693–717.

для размещения вооруженных сил, так и для функционирования международной торговли. Планирование использования вооруженных сил в составе экспедиционных операций больше не ограничивается задачей объединения авиационной, наземной и военно-морской составляющих, для успешного проведения операций необходимы космос и киберпространство. Это требует более высокого уровня координации, одновременного доступа государства к различным измерениям всеобщего достояния, а также свободы действий внутри них. Соответственно, и слабость в одном из общих пространств отрицательно действует на эффективность государства в других, а потеря контроля над одним из них может привести к потере контроля над остальными.

Общие пространства политически значимы как арены международного соперничества, однако каждое из них обладает своей спецификой, рассмотрим их поочередно. Первое – это водное пространство, которое также называют морским и океаническим. Традиционно было распространено представление о том, что открытое море и глубокое морское дно не подлежат национальному присвоению, при этом базовым считался принцип открытого доступа для всех морей, включая свободу судоходства, свободу ведения международной торговли в океанах, а также свободу рыболовства¹⁰⁴. Новый взгляд на юрисдикцию над морями и океанами и их использование был воплощен в Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г.¹⁰⁵ (UNCLOS), принятой после почти десятилетних переговоров. Конвенция содержит 320 статей и описывает режимы прав и обязанностей стран по разным частям моря, разделяя их на несколько категорий (в их число входят внутренние воды, в отношении которых прибрежное государство обладает исключительным суверенитетом; территориальные воды страны, они простираются на 12 морских миль, и прибрежное государство может регулировать любое использование ресурсов в них, в то время как морским судам других стран предоставляется право «мирного

¹⁰⁴ Schrijver N. Managing the Global Commons: Common Good or Common Sink? // Third World Quarterly. – 2016. – Vol. 37. – No. 7. – P. 1252–1267.

¹⁰⁵ United Nations Convention on the Law of the Sea [Electronic resource] // The official website of the United Nations. November 16, 1994. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (accessed: 16.06.2021).

прохода» через них; проливы для международного судоходства – в них суда пользуются правом транзита, определяемого как проход исключительно с целью непрерывного и быстрого прохождения пролива; воды архипелагов – они могут находиться на территории прибрежного государства в зависимости от расстояния между островами, и др.).

Ввиду наличия разных категорий и режимов управлений водами, ситуация в общем водном пространстве остается неоднозначной и сложной, поскольку государства могут осуществлять различные уровни суверенных полномочий в зависимости от того, в какой части моря они осуществляют свою деятельность. По мнению исследователей П.С. Демпси и М. Маноли¹⁰⁶, Конвенция ООН 1982 г. расширяет возможности государств по установлению суверенитета над частями моря в форме расширенного территориального суверенитета и одновременно приписывает государствам права на области, которые были приняты как *Res Communis*. Несмотря на существование данного документа, который определяет пространственную конфигурацию и регулирует составные части океана, в XXI в. сохраняются проблемы, связанные с глобальным управлением океаном, включая вопросы легитимности процесса управления на мировой арене, трагедию всеобщего достояния и эволюцию режима Мирового океана.

В XXI в. растущая сложность и взаимозависимость вопросов повлияла на повестку дня в морских делах, включая вопросы экономической и морской безопасности, проблемы изменения климата¹⁰⁷. Растущая зависимость многих стран от морского транзита сырья, экспорта продукции, поставок энергоносителей, полезных ископаемых и продовольствия также обуславливает растущий интерес к общему водному пространству. В связи с растущими асимметричными угрозами, военно-морские силы сотрудничают в организации совместных учений и патрулирования в районах, подверженных пиратству. Роль морского управления возрастает в политике государств ввиду ее усиливающегося значения в экономике и безопасности.

¹⁰⁶ Dempsey P.S., Manoli M. Suborbital Flights and the Delimitation of Air Space Vis-à-Vis Outer Space: Functionalism, Spatialism and State Sovereignty // *Annals of Air & Space Law*. – 2017. – Vol. 42. – P. 197–238.

¹⁰⁷ Lukaszuk T. The Concept of Maritime Governance in International Relations // *International Relations*. – 2018. – Vol. 54. – No. 4. – P. 123–144.

С принятием Конвенции ООН по морскому праву межправительственная дипломатия в отношении морей и океанов сосредоточилась на балансировании между свободой государств и их обязанностями поддерживать мир и безопасность, а также совместно управлять этим пространством. А.В. Фененко считает¹⁰⁸, что основные спорные вопросы в будущем будут касаться пересмотра статуса отдельных категорий морских пространств, включая окраинные моря, внутренние и закрытые моря.

В целом, современное международное соперничество в водном пространстве, характерное и для Арктического региона, включает в себя такие аспекты, как установление государствами контроля над отдельными участками морей (в т.ч. и претензии других стран), регулирование добычи морских ресурсов, принимаемые квоты и ограничения, в особенности в рыболовном и китобойном промысле, вопросы демаркации границ в морских пространствах, к которым имеют выход одновременно несколько государств, а также военный компонент – развитие военно-морского флота, отправка кораблей в разные регионы мира, в т.ч. их проход близко к территории государств, которые воспринимаются как соперники, что расценивается как провокация в международных делах.

Следующее общее пространство – воздушное – имеет значение потому, что атмосфера над сухопутной территорией подчиняется государственному суверенитету, в то время как атмосфера над территориями за пределами национальных юрисдикций государств может рассматриваться как общее благо или *Res Communis*¹⁰⁹. Функционирующий в этом общем пространстве воздушный транспорт – это жизненно важный сектор для мировой экономики, потребителей и правительств государств, на международном уровне права на трансграничные перевозки по-прежнему зависят от двусторонних соглашений о воздушном сообщении¹¹⁰.

¹⁰⁸ Фененко А.В. Международное соперничество за освоение общих пространств // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 14–30.

¹⁰⁹ Schrijver N. Managing the Global Commons: Common Good or Common Sink? // Third World Quarterly. – 2016. – Vol. 37. – No. 7. – P. 1252–1267.

¹¹⁰ Airline Competition [Electronic resource] // The official website of the Organisation for Economic Co-operation and Development. 2021. URL: <https://www.oecd.org/competition/airlinecompetition.htm> (accessed: 16.06.2021).

Международный правовой режим, регулирующий воздушный транспорт по таким вопросам, как ответственность, безопасность, навигация и управление воздушным движением, описан в рамках воздушного права, которое относится одновременно к воздушному пространству и к самолетам, постулирует, что государства пользуются полным и исключительным суверенитетом над своим территориальным воздушным пространством, требует, чтобы государства сертифицировали и регистрировали свои самолеты, регулировали безопасность и навигацию, а также уровень шума и выбросы¹¹¹.

Международная аэронавигация основана на использовании общего воздушного пространства и иностранного воздушного пространства, разрешение на которое может быть получено от международного посредника или из акта государства, которое осуществляет суверенитет над соответствующим воздушным пространством¹¹². В этой сфере базовым документом является Конвенция о международной гражданской авиации 1944 г.¹¹³, преамбула которой отражает тот факт, что подписавшие ее государства согласовали принципы и механизмы в поддержку безопасного и упорядоченного развития международной гражданской авиации, которые дополняются целью обеспечения эффективного функционирования международных воздушных транспортных служб, создание таковых на основе принципа равных возможностей. Чикагская конвенция признала принципы национального суверенитета над своим воздушным пространством и свободы частных гражданских воздушных судов летать над территорией государств-участников.

Вместе с тем, общее воздушное пространство в XXI в. развивается быстрыми темпами и характеризуется растущим числом и разнообразием игроков в воздухе, каждый из которых имеет свои возможности, перспективы и цели формирования структуры глобальной системы управления воздушным

¹¹¹ Dempsey P.S., Manoli M. Suborbital Flights and the Delimitation of Air Space Vis-à-Vis Outer Space: Functionalism, Spatialism and State Sovereignty // *Annals of Air & Space Law*. – 2017. – Vol. 42. – P. 197–238.

¹¹² Polkowska M. Governance in the Context of Air and Space // *Modern Management Review*. – 2019. – Vol. 24. – No. 26 (2). – P. 37–53.

¹¹³ Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 г.) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902240/> (дата обращения: 16.06.2021).

пространством. Правительства обсуждают вопросы того, как сформировать или реструктурировать глобальную систему для решения проблемы расширения воздушной деятельности. Чтобы сохранить конкурентоспособность своих национальных авиакомпаний на мировом рынке, некоторые правительства могут поддерживать свои авиакомпании средствами, не отвечающими принципам честной конкуренции¹¹⁴. Авиация как инструмент внешней политики может иметь сторону, направленную на отчуждение других: примером этого являются решения правительств приостановить авиасообщение между отдельными странами в качестве одной из форм санкций¹¹⁵.

Современное международное соперничество в воздушном общем пространстве проявляется в виде конкуренции государств в сфере строительства летательных аппаратов гражданской и военной авиации, их испытаниях (и наблюдениях за ними со стороны соседних государств-конкурентов), в полетах боевой стратегической авиации близко к территории государств-соперников (в данной связи необходимо упомянуть учения «Арктический раскат»¹¹⁶ - полёты стратегических бомбардировщиков США В-52 через Северный полюс и Северное море вблизи границ России). Помимо этого, государства используют гражданскую авиацию и запреты в ней в качестве инструмента политического давления на другие страны, делают их частью своей санкционной политики, что не способствует задаче мирного освоения общего воздушного пространства.

Третье общее пространство – космическое, интерес к которому в последние годы существенно возрос из-за растущего числа государств-участников космических проектов, соперничества между крупными державами за освоение Луны, ближнего космоса, других планет, включая Марс, возможности милитаризации космоса, в т.ч. в контексте развертывания систем ПРО¹¹⁷. Как

¹¹⁴ Competition in international air transport [Electronic resource] // The official website of the International Civil Aviation Organization. 2021. URL: <https://www.icao.int/sustainability/Pages/Competition-in-air-transport.aspx> (accessed: 16.06.2021).

¹¹⁵ Kobierecki M.M. Aviation diplomacy: a conceptual framework for analyzing the relationship between aviation and international relations // *Place Branding and Public Diplomacy*. – 2021. – Vol. 17. – No. 4. – P. 293–303.

¹¹⁶ Иванов О.П. Ядерная доктрина НАТО в свете кризиса отношений с Россией // *Обозреватель–Observer*. – 2018. – № 9. – С. 13.

¹¹⁷ Фененко А.В. Теория и практика международной космической безопасности // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. – 2010. – № 2. – С. 94–116.

общее пространство космос доступен для всех: и государства, и коммерческие организации используют спутники на околоземных орбитах, при этом сами орбиты Земли, которые обеспечивают большинство преимуществ для них, представляют собой лишь небольшую часть космического пространства в целом. Конкуренция за ограниченный объем этих орбит особенно высока, поскольку два спутника не могут находиться в одном и том же месте в одно и то же время, и не все орбиты одинаково подходят для миссий разного рода.

Количество объектов, находящихся на околоземных орбитах, постоянно растет, равно как и объем космического мусора, представляющий угрозу для продолжения космических миссий. Другая негативная сторона представлена т.н. «космической гонкой вооружений», в рамках которой космос выступает как перегруженное, конкурентное и оспариваемое пространство, и существуют опасения, что необходимость космического пространства как ресурса будет означать, что государства станут интенсивнее бороться за превосходство.

В мире предпринимаются усилия ограничить соперничество и гонку вооружений в космосе – такие, как попытка проведения конференции ООН для переговоров по проекту договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве¹¹⁸, например, – однако они не приносят существенных результатов, в первую очередь, потому, что крупные государства опасаются связывать себя ограничениями в условиях постоянного увеличения числа участников космических испытаний, включая интерес к ним со стороны коммерческих компаний. Из-за растущего числа таких участников и важного влияния, которое космическая деятельность, включая организацию спутниковой навигации, оказывает на политику, экономику и безопасность, можно ожидать дальнейшего обострения конкуренции в этой сфере. Особое значение имеет и Арктика, выступающая т.н. «окном в космос», объектом систем космического обнаружения и лабораторией для исследования влияния излучений из космоса.

¹¹⁸ Steer C. Global Commons, Cosmic Commons: Implications of Military and Security Uses of Outer Space // Georgetown Journal of International Affairs. – 2017. – Vol. 18. – No. 1. – P. 9–16.

Четвертое общее пространство – информационное – все чаще в научной литературе конкретизируется и обозначается как киберпространство (что представляется рациональным, поскольку а) «информационное пространство» – очень широкий и многоплановый термин; б) в политической практике именно киберпространство в настоящее время находится в центре внимания правительств многих стран, стоящих перед острой проблемой правового регулирования¹¹⁹).

За последние два десятилетия киберпространство превратилось в ключевую стратегическую область для стран по всему миру¹²⁰. Как отмечает П.Д. Блоунт¹²¹, киберпространство создает альтернативную географию, связанную с сетевизацией реального пространства, оно перекодирует международные границы таким образом, что существующее международное управление оказывается неспособным эффективно регулировать его. Киберпространство – это социально-политическая и технологическая область с уникальными электронными характеристиками, обеспечивающая универсальный охват и доступ для своих пользователей, а его децентрализованная природа и тот факт, что оно, в основном, принадлежит и управляется со стороны частного сектора, поднимает ряд вопросов относительно пределов государственного суверенитета, по ним ведется международная дискуссия.

Киберпространство как глобальная цифровая сеть включает в себя не только Интернет, но и важнейшую инфраструктуру, поддерживающую современные общества, включая электрические сети, системы водоснабжения, банковские операции и транспортные системы. Сторонники государственного подхода понимают киберпространство как хаотическую область, которая усиливает незащищенность, и выступают за то, чтобы государства формулировали и регулировали политику в киберпространстве. Среди их инициатив – создание специального органа внутри ООН, который будет нести ответственность за управление киберпространством, однако в то же время

¹¹⁹ Столетов О.В. Проблема правового регулирования международной информационной и кибербезопасности в современной мировой политике // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – № 1 (14). – С. 66–72.

¹²⁰ Consolati J.J. Understanding Structures of Cyber Competition in an Era of Major Power Rivalry. Technical Report LLNL-TR-810296. – Livermore: Lawrence Livermore National Laboratory, 2020. – 18 p.

¹²¹ Blount P.J. Cyberspace and the Problem of New Spaces [Electronic resource] // E-International Relations. November 25, 2019. URL: <https://www.e-ir.info/2019/11/25/cyberspace-and-the-problem-of-new-spaces/> (accessed: 16.06.2021).

предполагается, что государства будут иметь власть устанавливать собственную национальную политику в киберсреде, эту модель поддерживают Россия, Китай, Индия, Иран, Саудовская Аравия и др.

Второй подход – это модель управления киберпространством с участием многих заинтересованных сторон, включая государственных и негосударственных субъектов, представляющих деловой сектор и гражданское общество. В ней предполагается активное привлечение к управлению технических корпораций, поисковых систем, включая Microsoft, Apple, Google, Weibo, Amazon, Twitter, Facebook и др. Сторонники многостороннего участия утверждают, что нормы киберпространства будут приняты пользователями Интернета, только если они сами примут участие в их выработке. Модель поддерживается США, Великобританией, Канадой, Австралией, организациями вроде Google и ICANN; к принятию всеобщей цифровой конвенции, вводящей обязательные правила поведения государств в киберпространстве, с 2017 г. активно призывает Microsoft¹²².

Соперничество в киберпространстве не ограничивается межгосударственными спорами по вопросам его оптимального регулирования. Конкуренция в киберпространстве в целом является подмножеством более крупной конкуренции между Соединенными Штатами, Китаем и Россией¹²³ и имеет прямое отношение к проблеме обеспечения национальной безопасности. Современная оборонная документация различных стран рассматривает¹²⁴ киберпространство как существующее пространство, зависящее от взаимосвязи физических элементов, которые позволяют создать глобальную информационную сеть, и характеризует ее как стратегическую область, важную для безопасности и обороны. Такие масштабные кибератаки последних лет, как дело Stuxnet и дестабилизация работы иранских атомных электростанций, иллюстрируют

¹²² Gold J. Toward Norms in Cyberspace: Recent Progress and Challenges [Electronic resource] // The Canadian International Council. January 7, 2019. URL: <https://thecic.org/toward-norms-in-cyberspace-recent-progress-and-challenges/> (accessed: 16.06.2021).

¹²³ Lewis J.A. Can We Compete in Cyberspace? [Electronic resource] // Center for Strategic and International Studies. November 2, 2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/can-we-compete-cyberspace> (accessed: 16.06.2021).

¹²⁴ Medeiros B.P., Goldoni L.R.F. The Fundamental Conceptual Trinity of Cyberspace // Contexto Internacional. – 2020. – Vol. 42. – No. 1. – P. 31–54.

способность государств использовать киберпространство во внешнеполитических целях для виртуального пересечения границ без юридических и дипломатических последствий, поскольку в этом случае их сложно выявить и привлечь к ответственности. Кроме того, данная область соперничества активно используется со стороны НАТО, при параллельном безосновательном обвинении России в ведении «гибридной войны» против Запада¹²⁵. Вместе с этим, на становление Арктики как перманентной зоны конфликтного киберпространства указывает Ю.Ф. Лукин¹²⁶, отмечая при этом уязвимость территории российского Заполярья в рассматриваемом цифровом измерении.

По мере расширения и глобализации киберпространства государства будут сталкиваться с новым уровнем киберугроз, которые затрагивают различные аспекты национальной безопасности, включая социальную, экономическую, военную и политическую безопасность¹²⁷. Вместе с тем, уже сейчас в качестве основных направлений международного соперничества в киберпространстве как общем пространстве можно указать: а) соперничество государств за управление им и выработку общих правил поведения; б) кибервойну в виде регулярных кибератак из разных стран против государств-конкурентов; в) войну идей как стремление использовать Интернет для распространения определенных ценностей и убеждений в интересах разных политических акторов.

Пятый вид общих пространств обычно обозначается как приполярное пространство и включает в себя две разных территории – Антарктиду и Арктику. Как общее пространство Антарктида регулируется Договором об Антарктике¹²⁸, который был принят двенадцатью государствами в Вашингтоне 1 декабря 1959 г. в интересах науки и прогресса всего человечества. Семь из этих государств предъявили территориальные претензии, включая перекрывающиеся претензии

¹²⁵ Цыганков П.А., Слуцкий Л.Э. Западный дискурс о «гибридной войне России против демократии»: новое вино в ветхих мехах // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 12 (88). – С. 4227–4238.

¹²⁶ Лукин Ю.Ф. Проблемы обеспечения кибербезопасности России в Арктике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1 (31). – С. 94–102.

¹²⁷ Abbasi M. Security in Cyberspace in the Field of International Relations [Electronic resource] // Journal of Archives in Military Medicine. December 2020. Vol. 8. No. 4. URL: <https://sites.kowsarpub.com/jamm/articles/114485.html> (accessed: 16.06.2021).

¹²⁸ Договор об Антарктике от 1 декабря 1959 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901494> (дата обращения: 16.06.2021).

Аргентины, Чили и Соединенного Королевства на Антарктический полуостров. Пять других стран не были заявителями, включая Соединенные Штаты и Советский Союз, но оставили за собой право выдвигать претензии в будущем¹²⁹.

Договор об Антарктике заложил основу Системы Договора об Антарктике, включающей комплекс правил, регулирующих деятельность, затрагивающую окружающую среду Антарктиды, при этом одним из главных мотивов ее создания была безопасность. Он предусматривал демилитаризацию континента, создание первой в мире зоны, свободной от ядерного оружия, прекращение споров о суверенитете, защиту научных исследований и использование Антарктиды исключительно в мирных целях. Одним из стимулов его заключения называют¹³⁰ стремление Соединенных Штатов, СССР и Соединенного Королевства отказать своим соперникам в контроле над континентом, не открывая нового дорогостоящего фронта в холодной войне.

В XXI в. оспаривание семи территориальных притязаний на материковую Антарктиду «заморожено», т.е. никто не поддерживает или не отрицает их, пока действует Договор, и никаких новых претензий быть не может. Вместе с тем, в научных публикациях и медиа все чаще высказываются¹³¹ предположения о том, что запрет на добычу полезных ископаемых может оказаться под угрозой пересмотра, а также, что отдельные государства – такие, как Китай – проявляют повышенный интерес к Антарктиде, в т.ч. к потенциалу ее использования не только в научных, но и в военных целях для размещения соответствующей инфраструктуры.

Как приполярное общее пространство Арктика представляет в политическом отношении еще больший интерес, чем Антарктида, ввиду того, что хотя Арктический совет – как межправительственный форум высокого уровня восьми государств (Канады, США, России, Норвегии, Швеции, Дании, Исландии

¹²⁹ Berkman P. Common interests in the international space of Antarctica // *Polar Record*. – 2010. – Vol. 46. – No. 1. – P. 7–9.

¹³⁰ Young C. Eyes on the Prize: Australia, China, and the Antarctic Treaty System. Policy Brief [Electronic resource] // Lowy Institute. February 16, 2021. URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/eyes-prize-australia-china-and-antarctic-treaty-system> (accessed: 16.06.2021).

¹³¹ Mason D. The Rules-Based Order Applying to Antarctica [Electronic resource] // Australian Institute of International Affairs. July 26, 2018. URL: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/the-rules-based-order-applying-to-antarctica/> (accessed: 16.06.2021).

и Финляндии), имеющих территориальную или морскую юрисдикцию в Арктике, – считает свой состав исчерпывающим кругом участников с особыми правами в Арктике, тем не менее, увеличивается число государств и объединений, оспаривающих¹³² это положение и заявляющих о том, что Арктика должна быть признана всеобщим глобальным достоянием в самом широком смысле, а ее богатые ресурсы и экономические возможности должны рассматриваться как общие блага, доступные любому государству. К числу сторонников этой точки зрения относятся, в частности, страны Европейского союза, руководство ЕС (к примеру, верховный представитель в Комиссии Юнкера в 2014–2019 гг. Ф. Могерини), а также Китай¹³³ и пр.

В контексте арктического соперничества важным аспектом является активно возрастающая милитаризация этого региона мира. Арктика разделяет две ядерные державы – США и Россию, в пределах ее территории есть военные силы и инфраструктура, при этом Арктический совет не занимается вопросами безопасности и не запрещает военную деятельность. В Арктике ведется соперничество за доступ к торговым путям (Северо-Западный проход и Северный морской путь), энергетическим и рыбным ресурсам, размещение радаров и систем противоракетной обороны, военное присутствие кораблей, включая корабли НАТО и Китая¹³⁴, при этом число участников этого соперничества постоянно растет, как и их возможности, в т.ч. военные, их обеспеченность ледокольным флотом. С учетом таяния льдов, увеличивающего экономическую привлекательность Арктики, соперничество сохранится на долгую перспективу.

В целом, пять рассмотренных в параграфе общих пространств – водное, воздушное, космическое, киберпространство и приарктические пространства Антарктиды и Арктики – выступают в качестве важных, ключевых арен международного соперничества в XXI в. Следует констатировать, что несмотря на

¹³² Burke D.C. Why the Arctic isn't a 'global commons' [Electronic resource] // The Conversation. April 8, 2018. URL: <https://theconversation.com/why-the-arctic-isnt-a-global-commons-93976> (accessed: 18.06.2021).

¹³³ Bartenstein K. The 'Common Arctic': Legal Analysis of Arctic & non-Arctic Political Discourses // Arctic Yearbook 2015 / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Plouffe (eds.). – Akureyri: Northern Research Forum, 2015. – P. 264–280.

¹³⁴ Feiger L., Wilson M. The Countries Taking Advantage of Antarctica During the Pandemic [Electronic resource] // The Atlantic. May 15, 2020. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2020/05/antarctica-great-power-competition-australia-united-states-britain-russia-china-arctic/611674/> (accessed: 18.06.2021).

выделение зоны Крайнего Севера в качестве одной из составляющих отдельной пространственной категории, она параллельно включает в себя или же непосредственно затрагивает актуальные проблемы всех вышеперечисленных измерений. Их сопоставление позволяет сформулировать следующую триаду основных целей международного соперничества на общих пространствах:

– первая цель – соперничество за доступ к общему пространству, который в идеальном варианте должен быть свободным, гарантированным, постоянным и безопасным, но на практике разные страны сталкиваются с многочисленными ограничениями, что становится поводом для конфликтов;

– вторая цель – соперничество за использование ресурсов общего пространства, где конкуренция еще выше, а вопросы ограничений и квот приводят к серьезным разногласиям между странами;

– третья цель – соперничество за управление общим пространством, т.е. за возможность для конкретного международного актора участвовать в обсуждении и выработке правил и норм, пересмотре существующих правил, наличие у него права вето и пр. Эта цель особенно характерна для крупных держав, для которых ее достижение является вопросом не только обеспечения безопасности, но и национального престижа.

Таким образом, представленная триада целей указывает на многомерность и сложность феномена современного международного соперничества за общие пространства и одновременно с этим характеризует состояние глобальной конкуренции за них.

1.3. Дискуссии о периодизации международного взаимодействия в Арктике

Международное взаимодействие на таком общем пространстве, как Арктика, исторически происходило неравномерно и эволюционировало от начальных экспедиций с целью изучения Крайнего Севера, включая совместные, к обсуждению способов и правил управления им, установления межгосударственных границ, а также к усилению международной конкуренции за арктические ресурсы. Этот процесс нашел отражение в научной литературе в России и за рубежом, где авторы стремились, проанализировав его, выделить основные этапы взаимодействия стран по освоению арктического пространства с учетом того, что особенно активным оно было в XX – начале XXI в.

Среди российских ученых наиболее подробную периодизацию международного взаимодействия в Арктике с политико-экономической точки зрения представила в своей диссертации¹³⁵ Л.А. Матияк, выделившая четыре этапа. Первый этап охватывает период от начальных географических открытий и экспедиций в Арктику до начала Второй мировой войны и характеризуется укреплением роли и значения циркумполярных государств в Арктике, что привело к разделению рассматриваемого пространства на национальные сектора. Вторым этапом был отмечен характер зависимости международного арктического взаимодействия от противостояния между двумя сверхдержавами и милитаризацией Арктики, когда специальных дипломатических усилий по совместному развитию территории и созданию соответствующих механизмов практически не наблюдалось. Третий этап, начавшийся в конце 1980-х гг., был связан с институциональным оформлением международного взаимодействия,

¹³⁵ Матияк Л.А. Энергетический фактор в международных отношениях в Арктике: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2017. – 212 с.

созданием ряда организаций, усилением значения негосударственных акторов, включая, в первую очередь, коренные народы Севера, ставшие обязательными участниками арктических дискуссий, при этом региональное сотрудничество сосредоточилось на вопросах обеспечения их прав, устойчивого развития, защиты окружающей среды. Наступление четвертого этапа Л.А. Матияк связывает¹³⁶ с установлением российского флага на дне Северного Ледовитого океана в 2007 г., активизацией интереса и циркумполярных, и не являющихся частью региона государств к Арктике, пересмотром ими значения Заполярья для их внешнеполитической деятельности.

Представленная четырехэтапная периодизация основывается на анализе поведения государств в Арктике на протяжении нескольких столетий с особым вниманием к составу участников арктического взаимодействия, его качественному и количественному изменению. Подход, который можно увидеть у исследователя-международника, сотрудника факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова А.В. Фененко¹³⁷, опирается на иной критерий, связанный с межгосударственным соперничеством в Арктике, исходя из которого, им выделяются две основные т.н. арктические гонки. Так, после многовекового внимания к Арктике как территории, представляющей, в основном, научный интерес, в последней трети XIX в. европейские государства, практикующие крупные полярные экспедиции, стали заявлять о своих претензиях на определенные арктические территории – к примеру, так поступили Австро-Венгрия (после экспедиции Ю. Пайера), Швеция и Норвегия (после экспедиций Н. Норденшельда и Ф. Нансена), а также Российская империя и США, что привело к началу первой арктической гонки, имевшей целью секторальное деление Арктики и завершившейся к концу 1920-х гг. Начало второй арктической гонки А.В. Фененко связывает со вступлением в силу Конвенции ООН по морскому праву в 1994 г., поскольку по данному документу формально

¹³⁶ Матияк Л.А. Энергетический фактор в международных отношениях в Арктике: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2017. – 212 с.

¹³⁷ Фененко А.В. Военно-политические аспекты российско-американских отношений в Арктике: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2011. – № 2. – С. 129–157.

сокращались государственные границы приарктических государств до 24 миль от побережья. Это означало интернационализацию значительной части Северного Ледовитого океана, включая Северный морской путь, а потому циркумполярные государства начали подавать заявки в ООН по расширению своих территорий за счет шельфовых пространств и на базе исследований подводных хребтов. В частности, заявления в Комиссию ООН по континентальному шельфу подали Россия в 2001 г., Дания в 2004 г., Норвегия в 2006 г. и т.д. Вторая арктическая гонка как международное соперничество за общее пространство зоны Крайнего Севера сопровождалась расширением числа участников и принятием ими специальных арктических стратегий по продвижению своих интересов в регионе.

В зарубежной научной литературе также предлагаются варианты периодизации международного взаимодействия в Арктике. В книге по арктической политике¹³⁸, вышедшей в 2020 г. под редакцией профессоров Университета Саскачевана (Канада) К.С. Коутса и К. Холройд, можно увидеть семь этапов, названных эрами в арктической международной политике, а именно:

1) Исследовательский этап с XVI в. по 1939 г., характеризовавшийся географическими открытиями, колонизацией, развитием торговли, основанной на китобойном промысле, ловле рыбы и добыче полезных ископаемых.

2) Этап Второй мировой войны (1939–1945 гг.), во время которого Арктика стала милитаризованным пространством, используемым для размещения военных средств и перемещения военных судов.

3) Этап холодной войны (1945–1987 гг.), отличавшийся двумя тенденциями – продолжением милитаризации Арктики и ее рассмотрением в качестве потенциального театра военных действий (прежде всего, командованиями США и СССР), а также расширением международного сотрудничества среди представителей коренных народов и ученых, развитием научных связей.

¹³⁸ The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics / Ed. by K.S. Coates, C. Holroyd. – Cham: Palgrave Macmillan, 2020. – 568 p.

4) Этап гласности и перестройки (1987–1991 гг.) с особой ролью М.С. Горбачева в деле восприятия Арктики как зоны мира, интенсификацией панарктического сотрудничества, в т.ч. в экологической сфере.

5) Этап институционального развития (1991–2007 гг.). Его основными чертами стали образование Арктического совета, возрастание влияния негосударственных и местных субъектов, усиление внимания к проблемам защиты окружающей среды, обеспечения прав человека и безопасности.

6) Этап арктической гонки в условиях складывающейся постхолодной войны (2007–2018 гг.) – на нем более заметным становится изменение климата в Арктике, растут добыча сырья, масштабы судоходства, азиатский интерес к региону, укрепляются арктические военные возможности России.

7) Этап неопределенности (с 2019 г. по н.в.). На нем Арктика функционирует как модель регионального сотрудничества и транснациональное пространство, в котором все еще формируются и уточняются правила межгосударственного взаимодействия.

Приведенная семиэтапная периодизация интересна тем, что в ней важное место занимает экологическая повестка, поскольку в случае Арктики она представляет собой значимую основу для межгосударственного сотрудничества, осуществлявшегося между враждующими сторонами даже в годы холодной войны (как это было, к примеру, с участием в соглашении О сохранении белых медведей¹³⁹ и США, и СССР 15 ноября 1973 г.). Существуют и другие варианты периодизации развития международного арктического взаимодействия. Подход, предложенный К. Крэйгом¹⁴⁰, опирается на изменение количества основных участников арктического взаимодействия – в его описании это длительная эволюция от «Арктика-2» до «Арктика-12», что охватывает временной интервал с 1946 г. до настоящего времени. Так, в рамках этапа «Арктика-2» (1946–1990 гг.) основными акторами в арктическом пространстве выступали США и СССР, а

¹³⁹ Соглашение о сохранении белых медведей от 15 ноября 1973 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900923> (дата обращения: 08.08.2021).

¹⁴⁰ Craig K. The Arctic Frontier in International Relations // Florida Political Chronicle. – 2016–2017. – Vol. 25. – No. 1. – P. 85–107.

Северный Ледовитый океан оставался критически важным и потенциально опасным театром военных действий. На этапе «Арктика-3» по мере повышения средней мировой температуры и таяния льда стала активно рассматриваться идея сотрудничества между Канадой, Россией и США, т.к. они вместе составляют три четверти общей площади Арктики, однако более практичным оказался вариант «Арктика-5» (к тройке добавляется Дания и Норвегия), поскольку претензии этих пяти государств основаны и на суше как на береговой линии, и на морском дне, чем они обосновывают свои исключительные права на регион.

Этап «Арктика-8» начался с создания Арктического совета в 1996 г., когда к арктической пятерке стран присоединились Финляндия, Швеция и Исландия. Этап «Арктика 12» – это условное название для текущего периода, начавшегося в 2013 г. и связанного с увеличением числа наблюдателей Арктического совета до двенадцати государств, включая такие страны, как Франция, Германия, Нидерланды, Польша, Испания, Великобритания, Китай, Италия, Япония, Южная Корея, Сингапур и Индия, поскольку тем самым они подтвердили свои намерения играть более активную роль в освоении Арктики.

Все перечисленные подходы к анализу эволюции международного взаимодействия в Арктике, в первую очередь – в XX-XXI вв., объединяет выделение в качестве основных тенденций следующих: а) постепенное расширение круга участников, заинтересованных в Арктике; б) признание сдерживающего влияния холодной войны на международное сотрудничество, окончание которой придало импульс к появлению институциональных структур по управлению Арктикой; в) понимание современного этапа арктического взаимодействия как периода неопределенности с растущим интересом к Арктике со стороны не имеющих арктических территорий государств. С учетом перечисленных тенденций в рамках данного диссертационного исследования представляется возможным предложить следующую четырехэтапную периодизацию международного взаимодействия в Арктике.

Первый этап – это этап международного освоения и сосуществования в Арктике, он охватывает период с XV в. до конца 1980-х гг. Начальная дата

связана с тем, что именно в XV в. началось европейское продвижение на Север со стороны Швеции, Норвегии, Финляндии, освоением полярных территорий активно занялась Россия, на территории Гренландии и северной части Северной Америки устремились представители Дании и Исландии¹⁴¹. После нескольких столетий, благодаря развитию техники и водного транспорта, стали возможными крупные экспедиции на рубеже XIX–XX вв., покорение Северного полюса, изучение северных водных маршрутов¹⁴². В первой трети XX в. о претензиях на Арктику заявили Канада и Советский Союз: с позиции последнего все земли и острова между СССР и Северным полюсом признавались суверенными, в то время как Канада закрепила за собой северо-западные территории, указав, что ее границы простираются от побережья до Северного полюса.

Международное освоение Арктики продолжилось и после ее секторального деления: в частности, в 1920–1930-е гг. велось активное строительство советских метеостанций на севере, исследовался Северный морской путь, проводились ледокольные экспедиции по Северному Ледовитому океану на судах «Г. Седов», «Красин», «Литке» и др., а также перелеты через Северный полюс¹⁴³. Вместе с тем, с начала холодной войны международное взаимодействие в Арктике оказалось осложнено делением данного пространства между двумя противоборствующими сторонами: США и НАТО с одной стороны и СССР с союзниками с другой. Арктический регион рассматривался как привлекательный район для размещения систем стратегических вооружений, на этом фронте регулярно курсировали атомные подводные лодки и бомбардировщики, государствами с разных сторон были построены взлетно-посадочные полосы и радиолокационные станции, установлены подводные акустические датчики.

Тем не менее, несмотря на биполярную конфронтацию, в этот период предпринимались попытки заключения соглашений о сотрудничестве: в частности, двусторонние соглашения существовали и между западными партнерами, и между СССР и ее соседями по Арктике. В целом же, на данном

¹⁴¹ Серикова У.С. История освоения Арктики // История и педагогика естествознания. – 2016. – № 4. – С. 35–40.

¹⁴² Голдин В.И., Соколова Ф.Х., Паникар М.М. Международные отношения в Арктике. – М.: ИП РСМД, 2017. – 76 с.

¹⁴³ Серикова У.С. История освоения Арктики // История и педагогика естествознания. – 2016. – № 4. – С. 35–40.

этапе, хотя межгосударственное сотрудничество отсутствовало не полностью, арктические страны в основном ориентировались на свои внутренние потребности, считали полярные дела частью внешней политики и занимались освоением циркумполярного пространства для обеспечения своего присутствия в данном регионе. Именно обеспечение национального присутствия в Арктике в условиях сосуществования с другими государствами региона без вооруженной борьбы за территорию выступает основной характеристикой первого этапа.

Второй этап – это этап интенсивного международного освоения и коллективного управления Арктикой (начало 1990-х гг. – 2007 г.). Идея сотрудничества между арктическими странами существовала в эпоху холодной войны, однако военная конфронтация доминировала в мышлении лиц, принимающих значимые государственные решения, и просуществовала до второй половины 1980-х гг.¹⁴⁴. Этапным событием, отмечаемым в значительном числе научных исследований по Арктике в России и за рубежом, стала речь 1987 г., произнесенная Генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза М.С. Горбачевым о сотрудничестве в Арктике¹⁴⁵, следствием которой стал поворот от сосуществования к углублению взаимного доверия и более скоординированным действиям в масштабах всего региона. Начиная с 1989 г. на регулярной основе начала встречаться Арктическая восьмерка. Кроме того, было создано множество новых площадок и инициатив, включая запущенный на Аляске Северный форум, объединивший региональные правительства, организации коренных народов и ученых, а также Стратегию защиты окружающей среды Арктики (АЕПС) в Финляндии в 1991 г., которая послужила основой для Арктического совета.

По классификации В.Р. Авхадеева¹⁴⁶, в Арктике функционируют международные организации, способные действовать на трех уровнях сотрудничества: так, на универсальном уровне решения по Арктике принимаются

¹⁴⁴ Ohnishi F. The Struggle for Arctic Regional Order: Developments and Prospects of Arctic Politics // *Eurasia Border Review*. – 2014. – Vol. 5. – No. 2. – P. 81–97.

¹⁴⁵ Knecht S. Arctic Regionalism in Theory and Practice: From Cooperation to Integration? // *Arctic Yearbook 2013* / L. Heininen (ed.). – Akureyri: Northern Research Forum, 2013. – P. 164–183.

¹⁴⁶ Авхадеев В.Р. Механизм международного сотрудничества по проблемам Арктики: развитие на современном этапе и в перспективе // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2018. – № 4. – С. 332–353.

в рамках ООН, на региональном – лидером является Арктический совет, на субрегиональном – государства взаимодействуют в рамках таких объединений, как Совет министров северных стран, Совет Баренцева/Евро-Арктического региона, Северный Совет. На рассматриваемом этапе ключевым событием стало учреждение институциональной структуры, охватывающей восемь государств, – Арктического совета в 1996 г. как форума высокого уровня для содействия сотрудничеству между северными государствами с участием коренных народов данного региона и других жителей по широкому кругу арктических вопросов¹⁴⁷.

Появление Арктического совета в качестве основного регионального форума способствовало укреплению стабильности, в которой арктические государства коллективно сохраняют доминирующее положение в регионе¹⁴⁸. В целом, данный этап стал периодом институционализации взаимодействия в Арктике, дополненный интенсивным развитием международного сотрудничества по разным направлениям. Немаловажным нововведением выступило и коллективное освоение Крайнего Севера в рамках совместных научных проектов.

Наступление третьего этапа как периода международного освоения и глобальной конкуренции в Арктике стало закономерным следствием тенденции к интернационализации региона из-за быстрого таяния льда. Как отмечает М. Бенаисса¹⁴⁹, усиление внимания к Северному Ледовитому океану в XXI в. в значительной степени является производной от исчезновения части ледников, вызванного глобальным потеплением, появления дополнительных возможностей для эксплуатации природных ресурсов и расширения морских путей. Третий этап охватывает период с 2007 г. по 2022 г. и его начало связано с двумя событиями:

1) В 2007 г. Россия установила свой флаг на морском дне Северного полюса, немногим позднее заявив о своих внешнеполитических интересах в рамках Мюнхенской конференции по безопасности и возобновив регулярное

¹⁴⁷ Balton D. Advancing U.S. Diplomacy in the Arctic // *The Foreign Service Journal*. – 2021. – Vol. 98. – No. 4. – P. 24–29.

¹⁴⁸ Østhagen A. The Different Levels of Geopolitics of the Arctic [Electronic resource] // *Georgetown Journal of International Affairs*. December 5, 2019. URL: <https://gija.georgetown.edu/2019/12/05/different-levels-of-arctic-geopolitics/> (accessed: 12.08.2021).

¹⁴⁹ Benaissa M. The Arctic Ocean: an Area of Contention for Influence between Contemporary International Powers [Electronic resource] // *Atlas Institute for International Affairs*. May 29, 2021. URL: <https://www.internationalaffairshouse.org/the-arctic-ocean-an-area-of-contention-for-influence-between-contemporary-international/> (accessed: 10.08.2021).

авиационное патрулирование через Арктику и Тихий океан. Кроме того, в ответ на резкий и «протестный» всплеск активности ВВС НАТО, расширилось присутствие Северного морского флота в Заполярье¹⁵⁰.

2) В 2008 г. Геологическая служба США опубликовала отчет о существенных запасах углеводородов в Арктике, включая наличие в ней 13% неоткрытых запасов нефти и 30% неисследованных запасов газа, а также значительного количества других полезных ископаемых.

Два указанных события вызвали широкую общественно-политическую и научную дискуссию, рост интереса к Крайнему Северу со стороны различных акторов. В выступлениях официальных лиц США, таких как Государственный секретарь и его заместители, Арктика стала называться последним рубежом, одной из последних истинных границ Соединенных Штатов и новым рубежом американской внешней политики, а также ареной глобальной силы и конкуренции¹⁵¹. Не остался в стороне и Европейский союз: так, в 2008 г. Европейская комиссия подготовила отчет по стратегическим вопросам, связанным с Северным Ледовитым океаном, как основу для детального анализа европейских интересов и роли ЕС в этом отношении.

Растущий интерес со стороны государств, не имеющих арктических территорий, к циркумполярной зоне, получению статуса наблюдателя в Арктическом совете, обусловил стремление стран арктической пятерки заявить о своих исключительных правах в этом регионе, что привело к подписанию ими в 2008 г. Илулиссатской декларации¹⁵². В знаковом документе подчеркивался уникальный статус пяти стран, зафиксированный, в частности, и в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., именно за ними оставалось право определять условия для прохождения судов и ведения рыбного промысла в своих исключительных экономических зонах; расширять границы своего континентального шельфа далее 200 миль при наличии оснований и доказательств

¹⁵⁰ Käpylä J., Mikkola H. On Arctic Exceptionalism. – Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2015. – 22 p.

¹⁵¹ Saxena A. The Return of Great Power Competition to the Arctic [Electronic resource] // The Arctic Institute. October 22, 2020. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/return-great-power/> (accessed: 10.08.2021).

¹⁵² The Ilulissat Declaration. Arctic Ocean Conference. Ilulissat, Greenland, 27-29 May 2008 [Electronic resource] // The official website of the Government of Norway. URL: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/080525_arctic_ocean_conference-_outcome.pdf (accessed: 12.08.2021).

для этих претензий¹⁵³. Как следовало из декларации, участие заинтересованных сторон из-за пределов региона приветствовалось арктическими государствами, но не в областях, имеющих стратегическое значение для прибрежных стран Арктики.

Ключевые программные документы Канады, Дании, Норвегии, России и США, выпущенные вскоре после подписания декларации дополняли и демонстрировали немалое сходство друг с другом¹⁵⁴: характеризовали регион как мирный, отмечали проблему влияния на него изменения климата, увеличение потока людей, в т.ч. в рамках судоходства, указывали на перспективы добычи природных ресурсов в неустойчивой окружающей среде как основную движущую силу внешнего политического внимания к Арктике.

Политико-правовая деятельность прибрежных арктических государств в 2008–2010 гг. осуществлялась как ответная мера на развитие института наблюдателей Арктического совета. Как указывает С.Н. Гриняев¹⁵⁵, в 2010–2012 гг. в арктической политике появился новый центр силы, образованный наблюдателями крупнейшего регионального форума. Ими стали неарктические государства, заинтересованные в освоении Арктики, в извлечении ее ресурсов, в расширении своего влияния, использовании возможностей морского судоходства.

Важной датой для развития института наблюдателей стал 2013 г., когда в рамках встречи министров в шведском г. Кируна Японии, Китаю и Республике Корея был присвоен соответствующий статус в Арктическом совете. Это событие стало поводом для разработки и публикации национальной арктической стратегии каждым из них. Первой азиатской страной, выпустившей полярную стратегию, стала Республика Корея в декабре 2013 г. Далее, 16 октября 2015 г. представитель Японии в Арктике объявил о разработке аналогичной национальной арктической стратегии с приоритетами в виде участия учёных в исследованиях Севера,

¹⁵³ Жилина И.Ю. Международное сотрудничество в Арктике // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – № 16–1. – С. 977–981.

¹⁵⁴ Rowe E. Analyzing frenemies: An Arctic repertoire of cooperation and rivalry [Electronic resource] // Political Geography. January 2020. Vol. 76. Ar. 102072. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0962629818305158> (accessed: 10.08.2021).

¹⁵⁵ Гриняев С.Н. Мотивы и интересы неарктических стран по освоению Арктики // Арктика и Север. – 2016. – № 24. – С. 105–111.

развития международного сотрудничества, а также изучения выгод, преимуществ и возможности коммерческого использования Северного морского пути¹⁵⁶.

Особый интерес исследователей и политических деятелей в 2010-х гг. вызвала арктическая политика Китая. Государство, объявив себя приарктической державой в 2012 г. на конференции в Циндао¹⁵⁷, стало наиболее активным сторонником идеи интернационализации Арктики. Опираясь на свое многолетнее участие в обсуждении полярных вопросов (первое участие Китая в советских исследованиях в Заполярье состоялось еще в 1951 г., временным наблюдателем на заседании Арктического совета данное государство впервые стало в 2007 г.¹⁵⁸), Китай в 2018 г. опубликовал документ «Арктическая политика Китая»¹⁵⁹ с изложением приоритетов своей арктической политики. Необходимо отметить, что регион важен и в контексте инициативы Китая «Один пояс, один путь», где в рамках «Морского шелкового пути XXI в.»¹⁶⁰, Северный Ледовитый океан указан в качестве важного компонента. В рамках расширения своего присутствия в Арктике Китай обсуждает с Россией Полярный шелковый путь на базе Северного морского пути, развивает сотрудничество в нефтегазовой сфере¹⁶¹.

Конкуренция за Арктику побуждает Китай, Японию и Республику Корею не только разрабатывать собственные национальные арктические стратегии, но и взаимодействовать в трехстороннем формате, обсуждая азиатское присутствие в регионе. В частности, руководители этих трех стран в 2015 г. договорились об организации арктического диалога на высоком уровне; в апреле 2016 г. в Сеуле встретились и обсудили ситуацию в Арктике министры иностранных дел данных

¹⁵⁶ Белоглазов А.В., Абдыжалалова М.А. Международное сотрудничество в Арктике государств Северо-Восточной Азии // *Международные отношения и общество*. – 2020. – № 2. – С. 48–57.

¹⁵⁷ Ягья В.С., Харлампьева Н.К., Лагутина М.Л. Арктика – новый регион внешней политики Китая // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. – 2015. – № 1. – С. 43–52.

¹⁵⁸ Dams T., Schaik L., Stoetman A. Presence before power: China's Arctic strategy in Iceland and Greenland. *Clingendael Report*. – The Hague: Netherlands Institute of International Relations, 2020. – 46 p.

¹⁵⁹ China's Arctic Policy [Electronic resource] // The official website of the State Council of the People's Republic of China. January 26, 2018. URL: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 12.08.2021).

¹⁶⁰ Full text of the Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative [Electronic resource] // The official website of the State Council of the People's Republic of China. June 20, 2017. URL: http://english.www.gov.cn/archive/publications/2017/06/20/content_281475691873460.htm (accessed: 12.08.2021).

¹⁶¹ Киенко Е.В. Международно-правовые основы сотрудничества Китая с арктическими государствами // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2019. – № 2. – С. 64–68.

государств; в мае 2018 г. и июне 2019 г. состоялись их трехсторонние саммиты¹⁶². Таким образом, Арктика XXI в. позиционируется как регион с растущей конкуренцией между арктическими и неарктическими государствами, в котором им удастся конкурировать без применения военной силы¹⁶³.

Четвёртый этап, аккумулирующий в себе элементы нарастания неопределенности и глобальной конкуренции предшествующего периода, формируется весной 2022 года и продолжается по сей день. Обосновывая реализуемый комплексный демарш началом специальной военной операции Российской Федерации на территории Украины 24 февраля 2022 г., страны коллективного Запада приостанавливают сотрудничество в одностороннем порядке. Парализована деятельность Арктического совета: с 3 марта семь стран-членов крупнейшей площадки для диалога на Крайнем Севере отказались выстраивать взаимодействие с председательствовавшей до мая 2023 г. Россией¹⁶⁴. К концу второй недели марта 2022 г. были прекращены контакты во всех арктических структурах. Последним межгосударственным форумом, объявившем о полной приостановке сотрудничества с Российской Федерацией 9 марта, стал Совет Баренцева/Евроарктического региона. В научных сообществах стран Запада появляются крайне неоднозначные дискуссии, направленные на осмысление возможности реформирования старых или создания альтернативных арктических организаций, исключая участие России. Сокращается или замораживается на неопределенный срок научное сотрудничество с отечественными учёными в Арктике, ведущие западные компании выходят из совместных арктических экономических и инвестиционных проектов. Подвергается критике нарастающее российско-китайское сотрудничество в циркумполярном регионе, государствами Запада предпринимаются попытки по оказанию давления на лидирующие компании Китая, вовлеченные в реализацию отечественных арктических проектов.

¹⁶² Вылегжанин А.Н., Киенко Е.В. Консультативные совещания неарктических государств по статусу Арктики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 296–318.

¹⁶³ Heininen L. etc. Arctic Policies and Strategies — Analysis, Synthesis, and Trends. Scientific Report. – Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis, 2020. – 265 p.

¹⁶⁴ Журавель В.П. О председательстве России в Арктическом совете: программа и первые итоги // Научные труды вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 223. – № 1. – С. 147–167.

В военно-политическом измерении отмечается рекордно низкий уровень доверия между Россией и НАТО в Арктике. Не желая выстраивать взаимовыгодный и транспарентный диалог, направленный на сохранение Заполярья в качестве уникальной зоны мира и широкого международного сотрудничества, страны-члены НАТО продолжают расширять свою деятельность. В результате продолжительного многолетнего информационного нажима на Швецию и Финляндию, позиционирующего Россию в качестве непосредственного соперника и угрозы на северном фланге, в июле 2022 г. Альянсу удалось начать процесс приёма в западный военный блок ранее нейтральных стран. 4 апреля 2023 г. Финляндия стала полноценным 31-м членом НАТО. Как отмечает посол по особым поручениям МИД России, председатель Комитета старших должностных лиц Арктического совета Н. Корчунов, деструктивные и направленные на явное соперничество действия Североатлантического альянса превращают регион Крайнего Севера в потенциальный интернациональный театр военных действий¹⁶⁵.

Интерпретируя четвертый этап на теоретический уровень осмысления, с опорой на наработки Копенгагенской школы исследований международных отношений, а именно на представленную в совместном труде Б. Бузана и О. Вейвера теорию комплекса региональной безопасности (ТКРБ)¹⁶⁶, необходимо констатировать, что в настоящее время государствами Запада предпринимаются явные попытки по созданию отдельного и обособленного от России арктического региона-комплекса. Продолжая информационное давление на северные страны через три ключевые переменные (географическая близость угрозы, наступательный потенциал и соответствующие намерения действовать), предложенные представителем неореалистского движения С. Уолтом в рамках разработанной им теории баланса угроз (первоначально изложенной в

¹⁶⁵ Арктика превращается в театр военных действий, заявили в МИД [Электронный ресурс] // РИА Новости. 22 мая 2022. URL: <https://ria.ru/20220522/arktika-1789986809.html> (дата обращения: 01.06.2022).

¹⁶⁶ Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Society*. – Cambridge: The Press Syndicate of the University of Cambridge, 2003. – 564 p.

публикации «Формирование альянсов и баланс сил в мире»¹⁶⁷, и далее получившей развитие в книге «Происхождение альянсов»¹⁶⁸), НАТО ставит своей целью уже начатое изменение сложившейся конфигурации сил в Балтийском и Арктическом регионах, а также ее дальнейшее закрепление. Искусственно культивируемая, возникающая на фоне провокационной активности НАТО в Арктике дилемма безопасности (впервые предложена Дж. Херцем в 1950 г.¹⁶⁹) закономерно усиливает риски непреднамеренного столкновения.

Однако, в практическом измерении избранный в настоящее время подход стран Запада, направленный на прекращение сотрудничества с Россией и искусственное обострение военно-политического вектора в Арктике, при его рассмотрении в долгосрочной перспективе представляется нерациональным, исключая взаимные выгоды по всеобъемлющему спектру вопросов, остро стоящих на повестке дня Крайнего Севера. Видится, что по мере снижения наблюдаемой турбулентности в современной системе международных отношений и ее стабилизации, а также с течением длительного по времени переосмысления сложившегося стратегического подхода Запада по изоляции России на мировой арене (и в Арктике, в частности), следует ожидать возобновления диалога на Крайнем Севере. Тем не менее, повторное выстраивание взаимодействия, не просматриваемое в близлежащей перспективе, неизбежно будет учитывать уже состоявшуюся категоричность и радикальность государств Запада, закономерную настороженность со стороны Российской Федерации и ее растущий интерес к углублению кооперации в Арктике с неарктическими странами, что повлечёт за собой формирование качественно новых паттернов и необходимых гарантий сотрудничества в циркумполярном регионе.

В целом, можно сделать вывод о том, что международное взаимодействие в Арктике эволюционировало по мере освоения данного общего пространства и прошло в своем развитии четыре основных этапа. В рамках первого этапа (XV в. – конец 1980-х гг.) международное освоение сопровождалось стремлением

¹⁶⁷ Walt S.M. Alliance Formation and the Balance of World Power // *International Security*. – 1985. – Vol. 9. – No. 4. – P. 3–43.

¹⁶⁸ Walt S.M. *The Origins of Alliance*. – Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 336 p.

¹⁶⁹ Herz J.H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma // *World Politics*. – 1950. – Vol. 2. – No. 2. – P. 157–180.

отдельных арктических государств обеспечить и закрепить юридически свое присутствие в Арктике, сосуществуя с другими арктическими государствами и предпринимая лишь эпизодические попытки по заключению международных соглашений, касающихся Заполярья. Во время второго этапа (начало 1990-х гг. – 2007 г.) основным направлением международного взаимодействия в Арктике стала институционализация сотрудничества арктических государств в рамках региональных и субрегиональных инициатив, при этом наиболее значимым событием стало основание Арктического совета как главного регионального форума, объединившего страны с исключительными правами. Третий этап (2007 – 2022 гг.) ознаменовался установлением российского флага на дне Северного Ледовитого океана, постепенным переходом к соперничеству в военно-политическом измерении между Россией и странами-членами НАТО, подачей заявок на расширение своей территории рядом северных государств, ростом интереса к Крайнему Северу со стороны стран, не имеющих арктических территорий, в т.ч. азиатских государств, что в итоге приняло вид глобальной конкуренции за освоение Арктики и получение выгод и преимуществ от него. Основой для становления четвертого этапа (2022 г. – настоящее время) послужили односторонние рестрикции государств коллективного Запада, направленные на изоляцию Российской Федерации как на международной арене в целом, так и в Арктическом регионе. Отличительными чертами рассматриваемого этапа выступают: всеобъемлющая приостановка сотрудничества западных стран с Россией в Арктике и обращение к осмыслению выстраивания взаимодействия без неё; обострение в военно-политическом измерении и расширение присутствия НАТО в Заполярье; интенсификация интереса к кооперации между Россией и неарктическими странами на Крайнем Севере. Сложившийся кризис находится в тесной зависимости от глобальных политических пертурбаций, преодоление и переосмысление которых приведет к возобновлению диалога в Арктике.

Выводы по главе 1

В соответствии с поставленной целью и структурным планом диссертационной работы, настоящая глава содержит в себе результаты проведенного исследования по установленным во введении первым трём задачам.

В первом параграфе проведен комплексный анализ и определены теоретические, а также политико-лингвистические особенности трёх ключевых для рассматриваемого исследования понятий – «вражда», «соперничество» и «сотрудничество». Автором предложены и сформулированы собственные определения вышеуказанных понятий. Подчёркивается, что к исследованию сложных и многомерных отношений по линии Россия – НАТО, в зависимости от контекста и изучаемого объекта, возможно применить все три определения. Кроме того, автором проведен статистический анализ публикационной активности по изучению вопросов соперничества, вражды и сотрудничества в международных отношениях (см. Приложение 3).

Во втором параграфе подробно рассмотрен феномен международного соперничества за освоение пяти общих пространств. В отношении региона Крайнего Севера констатируется тенденция роста соперничества, что, главным образом, обуславливается военно-политическими, экономическими и ресурсными преимуществами, просматриваемыми к их извлечению на долгосрочную перспективу. Вместе с этим, в разделе сформулирована авторская концепция триады основных целей соперничества на общих пространствах, выраженная в борьбе за свободный и открытый доступ к таковым, использование их ресурсов и непосредственное управление данными зонами.

В третьем параграфе обстоятельному рассмотрению подлежала эволюция международного взаимодействия в Арктике в XX–XXI вв. Проанализированы различные варианты отечественных и зарубежных многоструктурных концепций периодизации исторически неравномерного и разноаспектного взаимодействия на Крайнем Севере, определены качественные отличительные особенности каждой из них, выделены просматриваемые во всех подходах общие тенденции. Принимая во внимание результаты проведенного анализа имеющихся научных концепций, предложена авторская четырёхэтапная периодизация международного взаимодействия в Арктике, учитывающая, в отличие от имеющихся в научной литературе подходов, современный этап неопределенности и кризиса в Заполярье.

ГЛАВА 2. ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ СОПЕРНИЧЕСТВА РОССИИ И НАТО В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

2.1. Освоение арктического пространства Россией и государствами-членами НАТО: столкновение интересов и точки взаимодействия

Освоение арктического пространства – это процесс, заметно интенсифицировавшийся в XXI в. в связи с климатическими изменениями в регионе и появлением новых возможностей стратегического, экономического и военно-политического характера. Его участниками являются Россия и страны НАТО, при этом в их деятельности заметны и общие интересы (совместной реализации которых препятствует объективно лишённая здравого смысла политика стран Запада по всеобъемлющей изоляции Российской Федерации на международной арене), и противоречия, имеющие тенденцию к нарастанию. Чтобы проанализировать сложившиеся позиции, необходимо определиться с тем, что считать освоением Арктики и в каких сферах оно происходит.

Понятие «освоение территории» в целом довольно часто употребляется в научной литературе, в т.ч. политологического характера, но практически не раскрывается в ней. Как отмечают в совместной работе исследователи СО РАН¹⁷⁰ С.Н. Аюшеева, А.С. Михеева, А.Н. Новиков, М.С. Новикова, П.В. Осодоев, отсутствие единого определения рассматриваемого термина связано с тем, что

¹⁷⁰ Аюшеева С.Н., Михеева А.С., Новиков А.Н., Новикова М.С., Осодоев П.В. Экономический (хозяйственный) вид освоения территорий: специфика и соотношение с другими видами (теоретический анализ) [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». Сентябрь-октябрь 2014. № 5 (24). Статья № 139EVN514. URL: <http://www.inrec.sbras.ru/files/public/1438350427.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

под ним подразумевают широкий круг понятий, включая завоевание, присоединение, добычу природных ресурсов, заселение, строительство инфраструктуры, обеспечение защиты территории и пр. Применительно к Арктике в диссертации¹⁷¹, посвященной освоению арктического пространства на современном этапе циркумполярными странами, К.Н. Киккас выделяет пять основных форм ее освоения: 1) природно-ресурсную; 2) экономическую; 3) военную; 4) экологическую; 5) геополитическую.

Тематически схожий подход можно увидеть в научно-аналитическом докладе¹⁷² КНЦ РАН, посвященном анализу места Арктики в современной парадигме мирового развития. В частности, в научно-исследовательской работе указывается, что освоение Крайнего Севера осуществляется государствами при реализации ими четырех основных групп интересов: а) внешне- и внутривосточных (в основном, связанных с расширением своей юрисдикции, сохранением северной идентичности для приполярных стран); б) военно-стратегических (обусловленных непосредственным соприкосновением рубежей России и НАТО в Арктике); в) хозяйственных (они включают добычу ресурсов и развитие полярных транспортных коммерческих маршрутов); г) экологических.

Приведенные положения и классификации указывают на то, что наиболее близким к понятию «освоение территории» может быть его определение через процесс обеспечения государствами своего присутствия, обладающий двумя базовыми характеристиками: 1) он имеет физическое выражение через строительство инфраструктуры, добычу ресурсов на территории, организацию ее патрулирования и пр., данный аспект тесно связан с экономикой и ведением хозяйственной деятельности; 2) он имеет политико-правовое выражение в виде стремления государств к международному признанию своих прав на осуществление какой-либо деятельности на рассматриваемой территории, их участие в выработке правил и норм, касающихся нее.

¹⁷¹ Киккас К.Н. Состояние и перспективы освоения арктического пространства циркумполярными странами: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.14. – СПб., 2021. – 471 с.

¹⁷² Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / Под науч. ред. д.э.н., проф. В.С. Селина, д.э.н., проф. Т.П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е.П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е.Е. Торопушиной. – Апатиты: КНЦ РАН, 2016. – 420 с.

Россия и страны-члены НАТО стремятся обеспечить свое присутствие в Арктике и в экономическом, и в политическом (в т.ч. и военно-стратегическом) отношении, т.е. занимаются активным освоением северных территорий. В предыдущей главе подробно изучались особенности Арктики как общего пространства, при этом сам этот статус – «общее пространство» – теоретически предполагает ведение совместной работы по его освоению в интересах всех участвующих сторон, наличие у них некой общей стратегии. В действительности же ничего подобного в Арктике не наблюдается. Страны Запада и НАТО проводят политику, нацеленную на откровенное игнорирование отечественных усилий по выстраиванию транспарентного диалога, демонстрируют соперническую и агрессивную милитаристскую риторику.

У России в XXI в. уже сложилось общее понимание ее целей и интересов по освоению Крайнего Севера, учитывающее изменившуюся обстановку в регионе, в т.ч. экологическую. Их, в частности, можно увидеть в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г., утвержденных Указом Президента №164 от 5 марта 2020 г.¹⁷³, где подчеркивается стремление России сохранить рассматриваемый регион как территорию мира и сотрудничества, обеспечить его экономическое развитие в интересах живущих в нем российских граждан, эффективно использовать ресурсный потенциал, возможности Северного морского пути, уделять необходимое внимание защите окружающей среды и положению коренных народов Севера¹⁷⁴. Важное место в арктических интересах России отводится обеспечению безопасности территории, контролю над воздушным и водным пространствами Арктики.

Что касается НАТО, данное объединение представляет собой многосторонний альянс суверенных государств, где принятие решений происходит на основе консенсуса, и любые действия, предпринимаемые НАТО как организацией, должны быть результатом коллективного соглашения между

¹⁷³ Указ Президента РФ от 05.03.2020 г. №164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 21.02.2023 № 112). – Москва, 2023. – 18 с.

¹⁷⁴ Гурлев И.В. Проблемы обеспечения национальной безопасности России в Арктике // Вестник евразийской науки. – 2020. – Т. 12. – № 3. – С. 31–43.

всеми членами, которое в отношении Арктики не принято ими до сих пор. Несмотря на появление инициированных государствами Запада разделительных изоляционных линий с Россией, всё ещё сохраняются разногласия по базовому вопросу: какой должна быть роль НАТО в современной Арктике. Это подтверждается и в представленной 29 июня 2022 г. обновленной редакции Стратегической концепции НАТО. В ней отмечается, что деятельность России в Арктике – «стратегический вызов» для блока, однако далее регион Крайнего Севера не упоминается в качестве одного из приоритетных для интенсификации взаимодействия и сотрудничества с партнёрами¹⁷⁵. Кроме того, несмотря на приверженность США как лидера альянса политике восстановления т.н. «арктического господства»¹⁷⁶, некоторые северные страны-члены блока до 2022 г. продолжали придерживаться диаметрально противоположных подходов.

В частности, Норвегия является «стержневой» в регионе страной¹⁷⁷, наиболее активно выступающей за усиление роли НАТО в Арктике. Норвегия – единственное государство в мире, имеющее постоянную военную штаб-квартиру за Полярным кругом, она вложила значительные средства в обороноспособность своей арктической территории¹⁷⁸, поддерживает крупномасштабные учения НАТО на Крайнем Севере и расширение военного присутствия альянса. С другой стороны, в Организацию Североатлантического договора входит Канада, располагающая обширной приполярной территорией¹⁷⁹, также вложившая существенные средства в обороноспособность, однако, в отличие от Норвегии, до 2022 г. она, в целом, пресекала попытки НАТО играть более значительную роль в Арктике.

¹⁷⁵ NATO 2022 Strategic Concept [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. June 29, 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (accessed: 10.08.2022).

¹⁷⁶ Ладогин О. Армия США нацелилась на господство в Арктике [Электронный ресурс] // Институт международных политических и экономических стратегий РУССТРАТ. 1 апреля 2021. URL: <https://russtrat.ru/analytics/1-aprelya-2021-0010-3674> (дата обращения: 10.08.2022).

¹⁷⁷ Манойло А.В., Пономарева Е.Г., Трунов Ф.О. Перспективные модели строительства вооруженных сил стран-членов НАТО (на примере Германии и Норвегии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – № 1. – С. 67–81.

¹⁷⁸ Coffey L., Kochis D. NATO Summit 2021: The Arctic Can No Longer Be an Afterthought. Issue Brief No. 6086 (Report) [Electronic resource] // The Heritage Foundation. June 10, 2021. URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2021-06/IB6086.pdf> (accessed: 12.12.2021).

¹⁷⁹ Ковалев А.А. Движущие силы перемен в Арктике и их влияние на региональную безопасность // Международные отношения. – 2019. – № 3. – С. 38–50.

Стоит отметить, что Канада – не единственный ранее в большей степени противник ощутимого усиления присутствия альянса в северных широтах. Из государств меньшего размера до 2022 г. за ограниченное участие НАТО в Арктике выступала Дания. Тем не менее, 31 января 2022 г. правительство страны опубликовало обновленную редакцию стратегии в области внешней политики и безопасности, где поддержка усиления деятельности НАТО в Арктике определяется среди основных задач¹⁸⁰. В настоящее время возражают по поводу расширения альянса на Крайнем Севере страны-члены из Южной Европы и Восточной Европы, считая¹⁸¹, что оно отвлекает НАТО от решения более важных проблем на Балканах, в Средиземноморье и других регионах.

Отсутствие адекватной согласованной позиции у стран НАТО, дополняемое откровенным нежеланием альянса не только в равной степени не учитывать интересы России по освоению Арктики, но и напористыми попытками изолировать, выдавить её из региона в настоящее время не позволяют обратиться к гипотетическому осмыслению и дальнейшей выработке совместной стратегии по освоению арктического общего пространства. Вместе с тем, в отличие от проблемного стратегического уровня, более успешной видится приостановленная на неопределенный срок западными странами 3 марта 2022 г. совместная работа России и ряда стран НАТО на институциональном, имея в виду их членство в Арктическом совете. Примечательно, что в научной среде при обращении к осмыслению реальных и практически доступных инструментов для эффективной защиты от конфликтов в Заполярье и вокруг него до 2022 г. нередко называли¹⁸² существующие структуры управления. Региональная институциональная архитектура, в основном созданная в эпоху расширенного сотрудничества сразу после окончания холодной войны, высоко оценивалась западными¹⁸³ и

¹⁸⁰ В Дании рассказали о риске военной и политической эскалации в Арктике [Электронный ресурс] // ТАСС. 31 января 2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13577845> (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁸¹ Хлопов О.А. Стратегия России и НАТО в Арктике: возможные сценарии // Социология. – 2021. – № 2. – С. 136–145.

¹⁸² Charron A. NATO and The Geopolitical Future of the Arctic // Arctic Yearbook 2020 / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes (eds.). – Akureyri: Northern Research Forum, 2020. – P. 115–122.

¹⁸³ Allers R., Rácz A., Sæther T. Dealing with Russia in the Arctic. Between Exceptionalism and Militarization. DGAP Policy Brief. – Berlin: Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V., 2021. – 20 p.

отечественными¹⁸⁴ экспертами с момента ее основания, констатируя, что в значительной степени Арктический совет сохранял свою эффективность даже на фоне роста напряженности в XXI в.

Последовавший в 2022 г. коллективный демарш государств Запада применительно к взаимодействию с Россией в Арктическом совете вызвал не только лишённые здравого смысла дискуссии, но и критику со стороны ряда зарубежных исследователей. Так, в своей работе Д. Маквикар, опубликованной американским Советом по международным отношениям в мае 2022 г., усомнился в возможности эффективного функционирования Арктического совета без полноформатного участия России¹⁸⁵.

Арктический совет имеет возможность сохранить свой уникальный статус и остаться центральным международным форумом для обсуждения и решения насущных проблем Севера. Принятое семью странами-членами Арктического совета в июне 2022 г. решение, связанное с возобновлением деятельности в проектах, не предусматривающих сотрудничество с Россией, в случае дальнейшего продолжения затягивания искусственной изоляции, несёт в себе риски трансформации в т.н. «закрытый клуб» интересов стран Запада в Заполярье не только Арктического совета, но и других площадок для диалога на Крайнем Севере. Как отмечает руководитель Центра арктических исследований ИЕ РАН В.П. Журавель, в случае реализации негативного трансформационного сценария существующие институциональные структуры Арктики утратят свой смысл¹⁸⁶.

Следующий уровень арктического соприкосновения и столкновения интересов России и НАТО после стратегического и институционального – это уровень обеспечения безопасности. И для Российской Федерации, и для Альянса характерно общее представление о том, что Арктика должна оставаться территорией мира, что обычно описывается термином «арктическая

¹⁸⁴ Журавель В.П. Арктический совет: основные вехи развития (к 25-летию образования) // Арктика и Север. – 2022. – № 46. – С. 220–223.

¹⁸⁵ McVicar D. How the Russia-Ukraine War Challenges Arctic Governance [Electronic resource] // Council on Foreign Relations. May 10, 2022. URL: <https://www.cfr.org/blog/how-russia-ukraine-war-challenges-arctic-governance> (accessed: 10.06.2022).

¹⁸⁶ Журавель В.П. Чрезвычайное событие в Арктическом совете // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2022. – № 12 (279). – С. 82–89.

исключительность»¹⁸⁷. Тем не менее, реализация данной объединяющей идеи в XXI в. сопряжена с рядом проблем, касающихся разных аспектов в сфере безопасности, выделим основные пять.

Первый аспект – это борьба за лидерство в Арктике между Россией и НАТО. С одной стороны, в число отечественных национальных приоритетов в регионе входит сохранение за собой роли ведущей арктической державы. С другой, по распространенному в экспертной среде мнению, НАТО как альянс также претендует на арктическое лидерство, но осознает растущую конкуренцию. Страны НАТО, в целом, осознают¹⁸⁸ слабость своих позиций в Арктике, по сравнению с российскими, фиксируют отставание от нее в реализации арктических проектов экономического, в т.ч. инфраструктурного, характера и оттого пытаются компенсировать складывающееся стратегическое упущение через демонстрацию военной силы, не отказываясь от лидерских амбиций.

Второй аспект – это милитаризация Арктики как процесс наращивания военного потенциала и Россией, и НАТО. Применительно к рассматриваемому региону, исследователи констатируют¹⁸⁹ возвращение Российской Федерации и Североатлантического альянса в XXI в. к политике военного сдерживания друг друга. Уже более десяти лет Россия, в ответ на постепенное и провокационное расширение деятельности НАТО на Крайнем Севере с середины 2000-х гг., активно адаптирует структуру своих вооруженных сил и модернизирует их. Со своей стороны НАТО, в первую очередь – США, показательно усиливают демонстрацию растущего военного интереса к Арктике, вместе с Канадой и Норвегией увеличивают свои оборонные бюджеты, уделяя особое внимание арктическому пространству, при этом альянс проводит масштабные военные учения в регионе – крупнейшие со времен холодной войны.

¹⁸⁷ Boulègue M., Depledge D. It Is Time to Negotiate a New Military Security Architecture for the Arctic [Electronic resource] // Polar Institute at the Wilson Center. April 16, 2021. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/no-5-it-time-negotiate-new-military-security-architecture-arctic> (accessed: 12.12.2021).

¹⁸⁸ Кучинская М.Е. Арктика в фокусе внимания США и НАТО и интересы безопасности России // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 1 (58). – С. 68–89.

¹⁸⁹ Загорский А.В., Тодоров А.А. Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряженности и пути деэскалации // Арктика и Север. – 2021. – № 44. – С. 79–102.

В позиции НАТО по Арктике заметно восприятие ее как стратегически важного плацдарма для развертывания глобальной системы противоракетной обороны¹⁹⁰, при этом обеспечение собственной ПРО со стороны Крайнего Севера входит также и в отечественные интересы по обеспечению национальной безопасности. Россия и НАТО конкурируют не только в том, что касается ПРО, но и в такой области, как киберпространство. Арктика рассматривается ими как территория, подверженная высокому риску кибератак, в особенности, если они будут осуществлены против объектов атомной инфраструктуры в регионе, включая АЭС, с масштабными негативными последствиями¹⁹¹.

По мере того, как российские военные возможности в Заполярье расширяются, конкурируя со способностью американских вооруженных сил доминировать в регионе, это воспринимается НАТО как угроза и препятствие использованию Арктики и Северной Атлантики в качестве коридора для проецирования военной мощи США в различные части мира¹⁹². Следствием этого становится встречное и непропорциональное укрепление военных позиций НАТО в северных широтах, что повышает общие темпы милитаризации региона.

Третий аспект – это влияние Китая на безопасность в Арктике. На стремление альянса усилить свою роль на Крайнем Севере влияет не только модернизация российской армии, но и растущая активность китайского флота, стремящегося расширить географию мореплавания¹⁹³. Само присутствие в Арктике одновременно военных кораблей и авиации, представляющих НАТО, Россию, Китай под предлогом обеспечения и защиты свободы судоходства может быть фактором, усиливающим военно-политическую напряженность в регионе.

Четвертый аспект – это взаимное недоверие альянса и России из-за отсутствия диалога между военными по Арктике. Военная деятельность НАТО на

¹⁹⁰ Круглов В.В., Лопатин М.А. О стратегическом значении Северного морского пути // Военная мысль. – 2020. – № 9. – С. 92–102.

¹⁹¹ Лукин Ю.Ф. Проблемы обеспечения кибербезопасности России в Арктике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1 (31). – С. 94–102.

¹⁹² Wegge N. Arctic Security Strategies and the North Atlantic States // Arctic Review on Law and Politics. – 2020. – Vol. 11. – P. 360–382.

¹⁹³ Арктическая политика России: международные аспекты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (г. Москва, апрель 2021 г.) / С.А. Караганов (рук. авт. кол.), А.Б. Лихачева, И.А. Степанов, Д.В. Суслов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 56 с.

Севере воспринимается Россией с позиции рисков для национальной безопасности, подпитывает ее чувство окружения, что, в свою очередь, стимулирует и оправдывает принятие адекватных ответных мер по усилению своих военных позиций. Опасность состоит в том, что динамика действия-противодействия в Арктике будет и дальше нарастать, а увеличение военной активности в регионе означает, что любые инциденты на море, включая экологические аварии, будут требовать более тщательного управления последствиями во избежание эскалации между Россией и НАТО.

Стоит отметить, что риск начала крупного конфликта в Арктике по-прежнему считается низким, но растущее военное присутствие и отсутствие уверенности с обеих сторон в намерениях друг друга усиливают напряженность. Ситуация усугубляется отсутствием диалога между приполярными государствами о приемлемых военных методах и манёврах в Заполярье. В настоящее время нет ни одного форума для арктического диалога по вопросам военной безопасности с участием России, после украинского конфликта она не участвует в ежегодных заседаниях Круглого стола Арктических сил безопасности (ASFR), а Северный форум начальников оборонных ведомств не созывается с 2013 г.¹⁹⁴. НАТО как альянс, в целом, на уровне заявлений генерального секретаря Й. Столтенберга вплоть до усугубления кризиса разделял общую цель по обеспечению мира и стабильности в Арктике. Но, несмотря на иллюзорный трансатлантический консенсус по этому поводу, в Североатлантическом альянсе возникали разногласия по содержанию и условиям возобновления контактов¹⁹⁵. Со своей стороны Россия неоднократно подчеркивала готовность к диалогу по военной безопасности территории Заполярья с НАТО, выражала заинтересованность в том, чтобы он был предметным, уважительным и учитывающим ее интересы и озабоченности, а не только арктические позиции стран западного военного блока.

¹⁹⁴ Cepinskyte A., Paul M. Arctic Security Environment in Flux: Mitigating Geopolitical Competition through a Military-Security Dialogue [Electronic resource] // The Arctic Institute. February 11, 2021. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/arctic-security-environment-flux-mitigating-geopolitical-competition-military-security-dialogue/> (accessed: 13.12.2021).

¹⁹⁵ Kendall-Taylor A., Townsend J., Brigham L.W., Lokker N. Navigating Relations with Russia in the Arctic. Policy Brief [Electronic resource] // Center for a New American Security (CNAS). November 18, 2021. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/navigating-relations-with-russia-in-the-arctic> (accessed: 13.12.2021).

Пятый аспект – это начавшийся пересмотр роли НАТО в Арктике внутри альянса в последние годы, что само по себе является фактором напряженности из-за неопределенности исхода этого процесса. Как указывает¹⁹⁶ норвежский исследователь А. Остхаген, в общей динамике безопасности в Арктике наблюдается тройное противоречие из следующих элементов: 1) международная конкуренция; 2) региональное взаимодействие (представляется, что возобновление работы Арктического совета в июне 2022 г. без России лишь усугубляет положение в области мягкой безопасности, повышает риски и не отвечает действительным интересам стран Крайнего Севера); 3) укрепление национальной обороны. В этой сложной среде одним из основных проблемных аспектов выступает вопрос о формировании арктической стратегии НАТО и уточнении, конкретизации роли на Крайнем Севере, причем данная стратегия должна иметь комплексный характер, в ее появлении заинтересована страна-лидер Организации Североатлантического договора США, где за усиление позиций альянса в Арктике выступают и республиканцы, и демократы¹⁹⁷.

Разработка арктической стратегии НАТО сопровождается обсуждением широкого круга предложений, среди которых можно выделить такие, как¹⁹⁸:

- проведение технико-экономического обоснования целесообразности создания Объединенного командования сил НАТО в Арктике или Арктического командования для координации военных операций блока в северных широтах;
- создание специализированных арктических сил быстрого реагирования НАТО, состоящих из воздушных, наземных и морских сил, способных реагировать как на военные, так и на гуманитарные кризисы в регионе;
- увеличение частоты и сложности военных учений альянса и сосредоточение внимания на возможностях полярных ледоколов, поощрение

¹⁹⁶ Østhagen A. The Arctic security region: misconceptions and contradictions // *Polar Geography*. – 2021. – Vol. 44. – No. 1. – P. 55–74.

¹⁹⁷ Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е. Арктический вектор внешней политики США: динамика развития в конце XX – начале XXI века // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 2. – С. 30–41.

¹⁹⁸ Danoy J., Maddox M. Set NATO's sights on the High North // *NATO 20/2020: Twenty Bold Ideas to Reimagine the Alliance after the 2020 US Election* / C. Skaluba, C. Rodihan, G.R.A. Doyle (eds.). – Washington DC: The Atlantic Council Scowcroft Centre for Strategy and Security, 2020. – P. 75–79.

арктических союзников к строительству дополнительных (в т.ч. и атомных) судов для сокращения преимущества России и Китая, и пр.

Следующий уровень взаимодействия России и стран-членов НАТО в Арктике, обладающий потенциалом для повторного выстраивания контактов и одновременно характеризующийся рядом противоречий, – это экономический уровень. Обе рассматриваемые стороны в целом имеют достаточно общие взгляды на освоение Заполярья и рациональное использование его ресурсов, что является основой для возобновления межгосударственного сотрудничества¹⁹⁹.

И Россия, и страны НАТО заинтересованы в экономическом освоении Арктики, это их общий интерес, однако его реализация сопряжена с многочисленными трудностями. В политическом измерении инвестиционные и экономические аспекты сотрудничества с государствами-членами НАТО на Крайнем Севере в настоящее время сведены на нет объявленной блокадой Запада, связываемой с проведением специальной военной операции Российской Федерации на Украине. Арктика не лишена и имеющихся присущих данному региону проблем, выступающих краеугольным камнем в отношениях между циркумполярными странами. Прежде всего, они связаны с неурегулированностью разделения территорий Заполярья между государствами и спорами по этому поводу. Так, например, они касаются конкурирующих претензий на подводный хребет Ломоносова (на него претендуют Канада, Дания (через Гренландию) и Россия). Разрешение данного спора может иметь существенные последствия для баланса экономической и, возможно, стратегической мощи в Арктике²⁰⁰.

Далее, между арктическими странами НАТО и Россией имеются проблемы в выработке общих правил, касающихся рыболовства и иных форм хозяйственной деятельности в центре Арктики, хотя и предпринимались попытки их принять²⁰¹. Тем не менее, в их отсутствие между государствами возникают конфликты: к

¹⁹⁹ Allers R., Rác A., Sæther T. Dealing with Russia in the Arctic. Between Exceptionalism and Militarization [Electronic resource] // The German Council on Foreign Relations (DGAP). October 2021. No. 4. URL: https://dgap.org/sites/default/files/article_pdfs/dgap-analysis-2021-04-en.pdf (accessed: 12.12.2021).

²⁰⁰ Lanteigne M. The changing shape of Arctic security [Electronic resource] // NATO Review. June 28, 2019. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2019/06/28/the-changing-shape-of-arctic-security> (accessed: 13.12.2021).

²⁰¹ Лукин Ю.Ф. Проблемы обеспечения кибербезопасности России в Арктике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1 (31). – С. 94–102.

примеру, член НАТО Норвегия в последнее время достаточно активно препятствует российскому рыболовному промыслу в Норвежской экономической зоне²⁰². Однако, несмотря на новый виток кризиса и усилия Запада по изоляции России на международной арене, Норвегия продолжает определяющее устойчивое взаимодействие в сфере рыбной ловли на двусторонней основе.

На Россию в целом оказывается давление странами Североатлантического альянса и в связи с ее разработкой шельфовых месторождений, они пытаются доказать, что она не имеет на это прав²⁰³. С началом специальной военной операции Российской Федерации на Украине в 2022 г. последовала более расширенная санкционная политика, которая заблокировала деятельность подавляющего большинства ведущих компаний государств Запада, совместно работавших с Россией в Арктическом регионе. Введённые западные санкции стимулируют поиск других партнеров, среди стран Азии – в том числе.

Наряду с ресурсной составляющей в экономическом освоении Арктики есть и не менее важный транспортный аспект. Для России критически важно развитие Северного морского пути как уникальной водной магистрали, способной интегрировать все отдаленные северные районы и их потенциал в ее национальную экономику²⁰⁴. Важно отметить, что в условиях беспрецедентного санкционного давления на Россию и попыток парализовать имеющиеся транспортно-логистические цепочки Северный морской путь приобретает особую стратегическую значимость. Со своей стороны НАТО демонстрирует стремление ограничить активность России в данном направлении, оспаривая ее исключительные права в этой области и указывая на необходимость международного контроля над ней²⁰⁵. Для НАТО Северный морской путь – это транспортный коридор, имеющий стратегическое значение и интересующий

²⁰² Журавель В.П. НАТО в Арктике: угроза национальной безопасности России (2010–2020 гг.) // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – № 3–2. – С. 79–84.

²⁰³ Трубицина О.П., Башкин В.Н. Геополитические риски углеводородного освоения российской Арктики // Жизнь Земли. – 2021. – Т. 43. – № 1. – С. 41–53.

²⁰⁴ Журавель В.П. НАТО и вопросы национальной безопасности России в Арктике // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 2. – С. 55–61.

²⁰⁵ Чернега В.С. Международные морские коммуникации в Арктике: политика России по защите национальных интересов в регионе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 50–62.

альянс в контексте того, в какой степени он может быть использован в качестве политического или военного инструмента силы, повлиять на свободу действий НАТО в Арктике, вызвать ощутимую стратегическую неопределенность в области будущего сдерживания России²⁰⁶. Призывы к интернационализации Северного морского пути направлены на ограничение сферы деятельности Российской Федерации, но одновременно с этим они создают возможности для Китая, который продолжает позиционировать себя как заинтересованную сторону для доступа к пространству Арктического региона и инвестировать коммерческие предприятия, чтобы продвигать себя в качестве «околоарктического» государства. В августе 2022 г. генеральный секретарь альянса Й. Столтенберг заявил, что расширяющееся практическое партнерство России и Китая в Арктике бросает непосредственный вызов «ценностям и интересам НАТО»²⁰⁷.

Анализируя сферы соприкосновения и расхождения интересов между Российской Федерацией и государствами-членами альянса, нельзя не отметить и важность экологии, науки и работы при ликвидации чрезвычайных ситуаций для обеих сторон. Так, с экологической точки зрения и Россия, и страны-члены НАТО заинтересованы в сохранении экологического равновесия в Арктике. Противоречия возникают при попытках государств западного блока политизировать экологические проблемы в регионе с целью дискредитировать Россию, представив ее как страну, не способную к ответственному поведению в природоохранной сфере на Крайнем Севере, для чего используются провокации, в т.ч. с участием Greenpeace²⁰⁸. Как подчеркивает в своем диссертационном исследовании К.В. Гадзацев, данная организация имеет практический опыт противодействия российским проектам нефтедобычи в Заполярье²⁰⁹.

²⁰⁶ Strategic Foresight Analysis Regional Perspectives Report on The Arctic and High North [Electronic resource] // The official website of the SFA Team at Allied Command Transformation (NATO). April 2021. URL: <https://www.act.nato.int/application/files/8516/3236/7596/regional-perspectives-2021-04.pdf> (accessed: 3.12.2021).

²⁰⁷ Столтенберг назвал сотрудничество России и Китая в Арктике вызовом для НАТО [Электронный ресурс] // РИА Новости. 25 августа 2022. URL: <https://ria.ru/20220825/arktika-1812045932.html> (дата обращения: 25.08.2022).

²⁰⁸ Гаврилов О.Ю. Состояние и перспективы развития системы региональной безопасности в Арктике // Военная мысль. – 2019. – № 6. – С. 34–49.

²⁰⁹ Гадзацев К.В. Вызовы и угрозы энергетической безопасности России в условиях обострения глобальной энергоэкологической проблемы: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. – М., 2020. – 194 с.

В области науки Арктика, несмотря на инициированное беспрецедентное давление на Россию со стороны государств Запада, не без испытываемых трудностей остаётся территорией широкой международной кооперации по ряду различных исследований арктического пространства. В научно-экспертном сообществе, в целом, имеется консенсус по поводу того, что в условиях быстрых и масштабных изменений в Арктике необходимо создание совместной международной системы наблюдений за регионом не только для мониторинга текущих экологических преобразований, вызванных изменением климата, но также для поддержки эффективности и безопасности судоходства. Такая система или сеть наблюдений обсуждалась в Арктическом совете, на встречах министров науки стран Арктики и в исследовательском сообществе Заполярья. Ее выгода очевидна, однако параллельно с ней в НАТО задумываются и о собственной системе мониторинга в Арктике с более выраженной военной составляющей, особенно в части слежения за действиями России (что не укрепляет доверие).

Следует констатировать, что российское научное сообщество исследователей Арктики с момента начала специальной военной операции на Украине в 2022 г. не перестает подвергаться сильнейшему давлению со стороны Запада. Так, скорейшая реакция, преследующая ограничительные меры, последовала от таких исследовательских организаций как Международный совет по науке и Международный арктический научный комитет²¹⁰. В марте 2022 г. крупнейший полярный международный сетевой проект отменил проведение Конгресса Университета Арктики в России (4–7 октября 2022 г.), подготовка к которому осуществлялась на базе МГУ имени М.В. Ломоносова. Вслед за вышеуказанным решением 4 апреля 2022 г. учредителями Университета Арктики было принято решение о приостановке членства России.

Важно подчеркнуть, что международные научные контакты сохраняются. Широкие дискуссии состоялись на XXV и XXVI Петербургском международном экономическом форуме в рамках сессий «Наука и стратегические решения в

²¹⁰ Журавель В.П. Проблема освоения Арктики в условиях санкционного давления на Россию // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 2. – С. 32–40.

Арктике» (16 июня 2022 г.) и «Арктика – территория диалога» (17 июня 2023 г.). Кризисному положению дел был посвящен круглый стол «Научное сотрудничество в Арктике» (проект Arctic Sessions), участниками которого стали эксперты-международники из России и США (13 августа 2022 г.). Успешно реализуются и другие мероприятия с участием зарубежных учёных.

В целом, подводя итог данному параграфу, можно констатировать наличие широкого круга областей потенциального взаимодействия и точек соприкосновения между Россией и странами-членами НАТО на Крайнем Севере, при этом любая сфера их арктических интересов может использоваться сторонами и для восстановления диалога, и для усиления напряженности между ними. Статус Арктики как общего пространства, необходимость осуществления на нем эффективного управления через институциональные структуры, потребность в сохранении мира, безопасности, рациональном использовании арктических ресурсов и защите окружающей среды при развитии соответствующей научной базы, составляют основу для возобновления полярного сотрудничества между Россией и государствами блока НАТО. В свою очередь, основными препятствиями для него выступают попытки стран Запада изолировать отечественную сторону на международной арене, несогласованность позиций по Арктике внутри НАТО, рекордно низкий уровень доверия между Россией и альянсом, в особенности в сфере безопасности, борьба за политическое лидерство в регионе, взаимное усиление военного присутствия (с явной количественной асимметрией в пользу западного блока), а также оспаривание странами НАТО исключительных прав и интересов России в ее арктической части, включая Северный морской путь. В ущерб укреплению взаимного доверия Североатлантический альянс как институт ведет работу по созданию собственной комплексной арктической стратегии с явной нацеленностью на сдерживание России, ограничение ее потенциала и возможностей в Арктике, для обеспечения собственного доминирования в данном регионе.

2.2. Экономические интересы России и государств-членов Североатлантического альянса в Арктике

Экономические интересы являются важной составляющей, обуславливающей внимание и России, и стран НАТО к Арктике и имеющей перспективы для роста в связи с быстрым таянием льдов. У Российской Федерации сформирована комплексная экономическая политика в регионе, к двум базовым направлениям которой обычно относят²¹¹ развитие нефтегазовой отрасли с акцентом на проект «Ямал СПГ» и становление Северного морского пути в качестве транспортного коридора мирового значения. Россия также считает важным поддержку предприятий, работающих в российской части Арктики, в особенности, в сфере геологоразведки и добычи полезных ископаемых; стимулирование проектов по освоению территории за счет софинансирования²¹².

Вместе с тем, стратегические документы, экспертные мнения и выступления политических деятелей последних лет позволяют выделить четыре основных экономических интереса России в современной Арктике: 1) осуществление добычи природных ресурсов; 2) развитие транспортной инфраструктуры с упором на Северный морской путь; 3) повышение уровня жизни граждан на северных территориях; 4) улучшение инвестиционной привлекательности Арктической зоны Российской Федерации, привлечение иностранных инвестиций для ее развития. Последовательно рассмотрим каждый из них.

²¹¹ Сазонова О.А., Сазонова Н.В. Некоторые проблемы и перспективы развития российской Арктики в современных политических и экономических условиях // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1 (23). – С. 32–43.

²¹² Арктические стратегии: энергетика, безопасность, экология и климат (Том 1): отчёт об исследовании [Электронный ресурс] / В. Киушкина, Р. Самсонов, М. Ишмуратова, З. Дускабилова, И. Родичкин и др. // Центр энергетике Московской школы управления СКОЛКОВО. Июль 2020. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_Arctic_Vol1.pdf (дата обращения: 13.12.2021).

Первый интерес – осуществление добычи природных ресурсов. На территории российской Арктики имеются значительные запасы двух групп полезных ископаемых: углеводороды и твердые полезные ископаемые (металлы и не металлы), важные для производства, включая редкоземельные, никель, кобальт, медь и пр. По экспертным данным, в Арктической зоне России ведется добыча 91% общероссийского природного газа и 80% газа промышленных категорий, открыты десятки месторождений в Карском, Баренцевом и Печорском морях, на шельфе Охотского моря. Нефтью особенно богаты шельфы Баренцева и Карского морей, Обская губа, Енисейский залив²¹³. Как отмечают исследователи ИНГГ СО РАН, дальнейшая разработка месторождений природного газа в Арктике позволит увеличить объемы добычи в 1,5 раза – до 150 млн кубометров в год²¹⁴. Освоение углеводородных месторождений и строительство энергетической инфраструктуры выступают как наиболее значимые мероприятия в рамках экономического развития российской Арктики.

Второй интерес – развитие транспортной инфраструктуры с упором на Севморпуть как важную морскую магистраль, имеющую стратегическое значение для России и одновременно стимулирующую экономическое развитие ее севера, развитие международного сотрудничества. Объем перевозок по Севморпути растет с 1996 г. (со значительной интенсификацией с 2017 г., см. Приложение б), при этом основной объем внутрироссийских перевозок приходится на углеводороды, продукцию компании «Норильский никель», грузовые поставки в северные регионы страны. По планам экономического развития грузопоток по Севморпути к 2024 г. должен составить 80 млн. тонн, важными задачами являются обеспечение круглогодичного использования Севморпути гражданами России для грузовых и пассажирских перевозок, модернизация морской инфраструктуры, ее связь с железнодорожной, автодорожной и авиационной.

²¹³ Синчук Ю.В., Власов Б.Е. Экономическая безопасность Арктики // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2018. – № 1 (794). – С. 82–88.

²¹⁴ Добыча газа в российской Арктике может вырасти в 1,5 раза [Электронный ресурс] // Министерство промышленности и геологии Республики Саха (Якутия): официальный сайт. 13 ноября 2020. URL: <https://minprom.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3241359> (дата обращения: 10.02.2022).

Следует отметить, что в условиях беспрецедентного санкционного давления, вызванного стремлением государств Запада изолировать Россию на международной арене, роль Северного морского пути как стратегически значимой и неотъемлемой национальной транспортно-логистической артерии неуклонно возрастает. Так, 1 августа 2022 г. был утвержден план развития Северного морского пути до 2035 года²¹⁵. Рассматриваемый документ предполагает реализацию более 150 крупномасштабных мероприятий с общим объемом финансирования в почти 1,8 трлн рублей. Кроме того, 1 августа 2022 г. в ходе оперативного совещания премьер-министр России М.В. Мишустин объявил о создании Главного управления Севморпути, основными задачами которого станут вопросы организации прохода кораблей по национальной морской артерии²¹⁶.

Третий интерес России в Арктике – это повышение уровня жизни граждан на северных территориях. Отечественная арктическая экономика характеризуется существенной удаленностью от рынков сбыта и, соответственно, высокими транспортными издержками, сезонностью, значительной ролью природных условий и экологических факторов²¹⁷. Показатели качества жизни в Арктике ниже среднероссийских, что приводит к сокращению численности населения российского севера, и это, в свою очередь, стимулирует ответные меры государства для остановки оттока граждан. В планах российского правительства запуск в течение следующих десяти лет нескольких сотен программ (в настоящее время реализуется уже более 460 проектов²¹⁸) и создание 200 тыс. рабочих мест, привлечение молодежи.

Четвертый интерес России – улучшение общей инвестиционной привлекательности Арктической зоны Российской Федерации. В настоящее время более 55% арктических инвестиций приходится на добычу углеводородов и

²¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 01.08.2022 г. № 2115-р «План развития Северного морского пути до 2035 года». – Москва, 2022. – 57 с.

²¹⁶ В РФ создают Главное управление Севморпути для организации движения по маршруту [Электронный ресурс] // ТАСС. 1 августа 2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15358435> (дата обращения: 26.08.2022).

²¹⁷ Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками / Под ред. В.А. Крюкова, Т.П. Скуфьиной, Е.А. Корчак. – Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2020. – 245 с.

²¹⁸ Совещание по вопросам развития Арктической зоны [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 13 апреля 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68188> (дата обращения: 28.08.2022).

других полезных ископаемых²¹⁹. Инвестиции осуществляют не только отечественные, но и зарубежные компании. Однако, в связи с ростом беспрецедентного санкционного давления на Россию начиная с марта 2022 г., в ряде западных компаний было принято решение о вынужденном выходе из взаимовыгодных и перспективных арктических проектов. Так, о приостановке сотрудничества с Россией на Крайнем Севере заявили: концерн British Petroleum, холдинг Baker Hughes, нефтегазовые компании Total и Wintershall Dea, инжиниринговая компания Technip Energies, энергетическая компания Equinor, конгломерат Siemens.

О пересмотре своих позиций к арктическим проектам заявили и некоторые азиатские компании. Не инвестировать в «Арктик СПГ-2» и «Восток Ойл» в ближайшей перспективе решила Индийская государственная нефтяная корпорация²²⁰. В июне 2022 г. о выходе из последнего вышеуказанного проекта заявил и сингапурский нефтетрейдер Trafigura. Тем не менее, ряд компаний сохранил свои позиции и сотрудничество с Россией в Арктике: к примеру, из Германии – так, Thyssen-Schachtbau GmbH ранее выступавшая подрядчиком для «Норильского никеля» по монтажным работам для горно-металлургического оборудования²²¹, продолжает деятельность на сооруженной инфраструктуре в г. Норильск. О намерении полностью выполнить свои обязательства, связанные с реализацией проекта по строительству Кольской ветряной электростанции, заявила итальянская компания Enel Green Power. Из азиатских стран остаётся активен Китай, который через свою Китайскую морскую судоходную компанию (COSCO) создал совместное предприятие с российской компанией ПАО «Совкомфлот» по эксплуатации танкеров для перевозки сжиженного природного газа с российского СПГ-проекта «Ямал» по Севморпути в пункты назначения в Северной Европе, Японии, Южной Корее и самом Китае; профинансировал крупные инфраструктурные проекты, включая Архангельский глубоководный

²¹⁹ Серова Н.А. Долгосрочная динамика экономического развития российской Арктики // Арктика и Север. – 2021. – № 43. – С. 32–44.

²²⁰ Журавель В.П. Проблема освоения Арктики в условиях санкционного давления на Россию // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 2. – С. 32–40.

²²¹ Котов А.В. Арктический вектор внешней политики Германии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 2. – С. 48–54.

порт, и большинство российских арктических проектов по производству сжиженного природного газа за счет прямых инвестиций по всему региону. Оставляет свою долю в «Ямал СПГ» и Фонд Шёлкового пути²²².

Проанализируем теперь экономические интересы стран-членов НАТО в Арктике. По состоянию на 2023 г. НАТО представляют 31 государство, их можно разделить на арктические государства НАТО (Канада, Дания, США, Исландия, Норвегия, Финляндия) и неарктические страны Альянса, среди которых государства Западной Европы (Бельгия, Франция, Люксембург, Нидерланды, Германия, Великобритания), страны Восточной Европы (Чехия, Венгрия, Польша, Болгария, Румыния, Словакия), Прибалтика (Эстония, Латвия, Литва), страны Южной Европы (Италия, Португалия, Греция, Испания, Словения, Албания, Хорватия, Черногория, Северная Македония) и Турция. В числе арктических стран необходимо отметить и остающуюся на пути вступления Швецию. Повышенное внимание Заполярью закономерно уделяют арктические государства, и самой большой северной территорией из них располагает Канада.

Для Канады приоритетом в посвященной Арктике стратегии заявлено²²³ создание развивающейся и стабильной экономики с постоянным улучшением благополучия северян. Основной акцент в ней сделан на разработке месторождений природных ресурсов, поскольку Канада является третьим по величине производителем алмазов в мире, располагает энергетическими ресурсами, а потому на государственном уровне активно финансирует геологоразведку энергетических и минеральных ресурсов севера, занимается управлением морских ресурсов, поддерживая рыболовство. Правительство Канады так же, как и Россия, видит своей задачей содействие социально-экономическому развитию северных территорий. Канада признает растущее значение арктического судоходства, однако считает, что внутренние водные пути страны, такие как Северо-Западный проход, вероятнее всего, не станут

²²² Вopilовский С.С. Зарубежные экономические партнёры России в Арктической зоне // Арктика и Север. – 2022. – № 46. – С. 33–50.

²²³ Canada's Arctic and Northern Policy Framework [Electronic resource] // The official website of the Government of Canada. September 2019. URL: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861> (accessed: 10.02.2022).

жизнеспособными маршрутами в ближайшем будущем, в т.ч. из-за того, что подвижный лед создает проблемы для безопасного прохождения кораблей²²⁴.

Арктическое государство НАТО – США – проявляет экономический интерес к региону в первую очередь в связи с Аляской, располагающей важными энергетическими, минеральными и рыбными ресурсами²²⁵. На севере Аляски находятся одни из крупнейших в стране месторождений нефти и природного газа, развивается горнодобывающая промышленность, ведется лов рыбы. Вместе с тем, в добыче нефти и газа на шельфе Аляски наблюдаются трудности, обусловленные ростом затрат на разработку, сложностью федеральной нормативно-правовой базы и пр., с чем столкнулись такие прекратившие в регионе деятельность компании как Shell Oil Company (в 2015 г.) и Hilcorp Alaska LLC (в 2020 г.)²²⁶. США видят перспективы в таянии арктического льда, однако этот процесс усиливает потребность инвестиций в северную инфраструктуру, включая постоянное присутствие береговой охраны и усиление поисково-спасательных возможностей, модернизацию портов, обеспечение доступа к новым энергоресурсам. В этой связи Инженерный корпус армии США совместно с руководством штата Аляска выступает за создание в Арктике порта для судов с осадкой до 35 футов²²⁷, т.к. до сих пор его нет, и многие американские корабли базируются за пределами Арктики. Устойчивый экономический интерес страны к Арктике зависит и от финансирования Конгрессом США строительства ледокольных судов: в рамках обсуждения потенциальных выгод американские эксперты констатируют²²⁸ отставание страны от международных конкурентов из-за устаревшего ледокольного флота и недостаточной инфраструктуры.

²²⁴ Рыжова А.В. Арктическая политика либерального правительства Канады // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 2 (59). – С. 155–173.

²²⁵ National Strategy for the Arctic Region [Electronic resource] // The official website of the White House. October 7, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (accessed: 10.02.2023).

²²⁶ Changes in the Arctic: Backgrounded Issues for Congress. CRS Report [Electronic resource] // Congressional Research Service. March 24, 2022. URL: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R41153.pdf> (accessed: 10.02.2022).

²²⁷ Ibid.

²²⁸ Fisher K. Foundation and Development of the Economic Interest of the United States in the Arctic Ocean in the Age of Global Warming // Ocean & Coastal Law Journal. – 2020. – Vol. 25. – No. 1. – P. 164–200.

Арктическое государство НАТО Дания в своих стратегических документах²²⁹ указывает на интерес к разработке минеральных ресурсов в регионе в соответствии с высокими международными стандартами безопасности, здоровья, окружающей среды; к добыче рыбы, моллюсков и морских млекопитающих. Отмечается, что в ближайшие годы будет создана оптимальная нормативно-правовая база для экспорта и инвестиций. Отдельное внимание Данией уделяется совершенствованию туристической индустрии в Арктике и подкреплению общего развития качественной инфраструктурой, поскольку туризм, уступая только рыболовству, является важнейшей отраслью Гренландии.

В экономической сфере Дании заметны противоречия с США вокруг Гренландии. В частности, необходимо упомянуть неудавшуюся попытку президента США Д. Трампа купить Гренландию в 2019 г., которая побудила датское правительство пересмотреть свою арктическую экономическую политику. Около половины бюджета Гренландии покрывается грантами от датского государства, при этом рассматриваемая автономная единица получает и экономическую помощь от США (в 2021 г. пакет американской финансовой поддержки составил 10 млн. долларов). Имеются у Дании противоречия и с Фарерскими островами, для которых свобода выбора экономических приоритетов традиционно важна. Однако, в 2022 г., под давлением стран Запада был полностью приостановлен жизненно важный для Фарерских островов экспорт рыбы в Россию (на ее долю приходилось 25% от всего экспорта). Автономный регион подвергается давлению со стороны США и из-за сотрудничества с Китаем.

Арктическое государство НАТО Исландия делает упор на развитие рыболовства и использование морских ресурсов, поддерживает укрепление инфраструктуры в Арктике, стимулирование экономического развития и благосостояния ее жителей, выступает за расширение торговли и сотрудничества в области услуг²³⁰. Страна расширяет связи с Китаем, подписав с КНР первой из

²²⁹ Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020 [Electronic resource] // The official website of the Government of Denmark. August 2011. URL: <http://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf> (accessed: 10.02.2022).

²³⁰ Iceland's Policy on Matters Concerning the Arctic Region [Electronic resource] // The official website of the Ministry for Foreign Affairs of Iceland. October 2021. URL: https://www.government.is/library/01-Ministries/Ministry-for-Foreign-Affairs/PDF-skjol/Arctic%20Policy_WEB.pdf (accessed: 11.02.2022).

европейских государств соглашение о свободной торговле²³¹. Экономические преимущества Исландии обусловлены ее расположением на арктических судоходных путях, высокоразвитой инфраструктурой и ее близостью к Гренландии, для которой она является воротами во внешний мир. Треть воздушных перевозок Гренландии осуществляется через Исландию, в 2020 г. их взаимодействие привело к объединению морской сети. Стороны имеют общие экономические интересы в таких ключевых областях, как транспорт, туризм, рыболовство и энергетика²³². Для Исландии значимо и развитие отношений в масштабе всей Арктики, участие в управлении ею и процессе принятия решений в областях, которые считаются важными для экономической безопасности²³³. Выступая председателем Арктического совета в 2019–2021 гг., Исландия провела большую работу по поиску инвестиций и развитию арктического туризма²³⁴.

Экономические интересы государства НАТО Норвегии в Арктике изложены в специальной стратегии²³⁵, где правительство указывает в качестве приоритета создание основы для реализации потенциала в широком спектре отраслей: океанской промышленности, морском секторе, нефтяном кластере, экологически чистом энергоемком производстве, добыче полезных ископаемых, сельском хозяйстве, в сфере услуг, туризма и строительства космической инфраструктуры. Нефтегазовая деятельность и разработка на континентальном шельфе должны способствовать развитию наукоемкой промышленности в Северной Норвегии.

²³¹ Robinson J. Arctic Space Challenge for NATO Emerging from China's Economic and Financial Assertiveness // Transforming Joint Air and Space Power (The Journal of the Joint Air Power Competence Centre). – 2020. – No. 30. – P. 35–40.

²³² Greenland and Iceland in the New Arctic [Electronic resource] // The official website of the Government of Greenland. December 2020. URL: https://naalakkersuisut.gl/en/Naalakkersuisut/Groenlands-Representation-i-Reykjavik/New_Arctic (accessed: 10.02.2022).

²³³ Ingimundarson V. Iceland as an Arctic State // The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics / Ed. by K.S. Coates, C. Holroyd. – Cham: Palgrave Macmillan, 2020. – P. 251–265.

²³⁴ Журавель В.П. Арктический совет: итоги первого года председательства Исландии // Арктика и Север. – 2021. – № 42. – С. 186–199.

²³⁵ The Norwegian Government's Arctic Policy [Electronic resource] // The official website of the Government of Norway. January 26, 2021. URL: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/arctic_policy/id2830120/#tocNode_42 (accessed: 11.02.2022).

Кроме того, страна делает ставку и на совместные проекты с Аляской для развития морской экономики в Арктике (к примеру, проект AlaskaNor²³⁶).

Швеция как арктическое государство, находящееся на пути вступления в НАТО, имеет собственную комплексную стратегию, в которой экономические интересы выступают в качестве неотъемлемой части видения на деятельность страны в полярном регионе²³⁷. Устойчивое развитие экономики в Арктике определяется в качестве одного из шести приоритетных направлений. Подход Швеции опирается на: 1) инвестиционные вложения в перспективные арктические проекты (разработка полезных ископаемых и др.); 2) поддержку устойчивой торговли в Заполярье; 3) содействие экономике коренных народов севера через развитие сферы оленеводства; 4) внедрение технологически и экологически эффективных решений в горнодобывающей промышленности в соответствии с целями устойчивого развития и «зеленым переходом» в Арктике²³⁸.

Следует отметить, что Швеция при обращении к экономическим интересам страны придает большое значение т.н. «зеленым технологиям». Сегодня страна выступает в качестве североевропейского центра ноу-хау в промышленной отрасли с нулевым уровнем выбросов в атмосферу. Объединение опыта ведущих шведских сталелитейных компаний и привлечение инвестиций позволяет переводить в практическую плоскость перспективные проекты: так, в районе Лулео идет строительство инфраструктурных объектов для производства стали без выбросов углекислого газа. Шведские компании успешно предлагают свои коммерческие услуги циркумполярным странам.

Арктическое государство Финляндия, ставшее полноправным членом НАТО 4 апреля 2023 г., как и Швеция, отражает приоритеты своей деятельности на Крайнем Севере в специальной стратегии, однако, в отличие от шведского подхода, в рассматриваемом документе экономические интересы государства не

²³⁶ Rottem S.V., Østhagen A. Governing the Blue Economy in Alaska and North Norway [Electronic resource] // The Arctic Institute. January 18, 2022. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/governing-blue-economy-alaska-north-norway/?cn-reloaded=1> (accessed: 11.02.2022).

²³⁷ Sweden's strategy for the Arctic region [Electronic resource] // The official website of the Government Offices of Sweden. November 10, 2020. URL: <https://www.government.se/4ab869/contentassets/c197945c0be646a482733275d8b702cd/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> (accessed: 30.08.2022).

²³⁸ Марченков М.Л. Последовательность и адаптивность: новые грани политики Швеции в Арктике // Арктика и Север. – 2022. – № 47. – С. 126–141.

выносятся отдельным разделом²³⁹. Они прослеживаются в каждом из четырех основных направлений деятельности Финляндии в Арктике: 1) минимизация последствий и адаптация к изменению климата; 2) поддержка населения (в т.ч. и содействие благополучию саамов – коренного народа Финляндии); 3) экспертиза, анализ имеющихся ресурсов для существования и проведение передовых исследований; 4) инфраструктура и логистика. В целом, прослеживается традиционное сходство экономических интересов Финляндии и Швеции в Арктике: уделяется особое внимание экологии и «зеленым технологиям» при реализации и инвестировании экономических проектов; безусловный учёт интересов коренного населения и поддержка отраслей их деятельности; наличие опыта предоставления высококлассных услуг, техники и оборудования финскими компаниями для работы в экстремальных условиях Крайнего Севера.

Все арктические государства НАТО и один северный партнёр блока, остающийся на пути вступления в альянс (Швеция), характеризуются наличием комплекса экономических интересов на Крайнем Севере. В отличие от них, у остальных, неарктических стран-членов НАТО, можно увидеть различное отношение к Арктике: от развитой стратегии и активного участия в ее освоении до отсутствия экономического интереса к этому региону.

Великобритания в 2023 г. опубликовала обновленную стратегию арктической политики Соединенного Королевства в Арктике²⁴⁰, в которой указала в качестве основных свои следующие экономические интересы: 1) развитие деловых и взаимовыгодных связей с каждым из арктических государств (за исключением России – первое серьезное изменение, отчетливо прослеживаемое в отличие от предшествующих стратегий²⁴¹); 2) использование северных маршрутов в качестве перспективных торговых путей; 3) развитие энергетики и добычи полезных ископаемых; 4) поддержка рыболовной отрасли. Особое значение для

²³⁹ Finland's Strategy for Arctic Policy [Electronic resource] // The official website of the Finnish Government. June 18, 2021. URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/163247/VN_2021_55.pdf (accessed: 30.08.2022).

²⁴⁰ Looking North: The UK and the Arctic. The United Kingdom's Arctic Policy Framework [Electronic resource] // The official website of the Government of the United Kingdom. February 9, 2023. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1135186/looking-north-the-uk-and-the-arctic-the-uks-arctic-policy-framework.pdf (accessed: 12.04.2023).

²⁴¹ Котов А.В., Лесной Д.С. Глобальная Британия в Арктике: баланс жесткой и мягкой силы // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2023. – №8 (305). – С. 11–17.

Великобритании на Крайнем Севере имеет возможность предоставлять миру свои финансовые услуги, т.к. британские финансовые учреждения имеют репутацию разработчиков инновационных продуктов, и их опыт охватывает ряд секторов, важных для Арктики, включая морское судоходство, добычу углеводородов и др.

Федеральное правительство Германии рассматривает²⁴² районы северных широт как регион с большим ресурсным потенциалом, поскольку для промышленности и потребителей в Германии важны стабильное энергоснабжение, бесперебойные поставки сырья, и в этой связи месторождения в Арктике могут быть использованы для снабжения ресурсами. Страна видит возможности для немецких компаний в предложении арктическим странам специализированных технологий. Признает заинтересованность Германия и в трансарктических перевозках, поскольку имеет третий в мире торговый флот²⁴³. Немецкие верфи Meyer Werft и Lürssen Norderwerft заинтересованы в строительстве судов, способных проходить через многолетний ледовый покров.

С позиции МИД Франции в современной Арктике экономический интерес представляют четыре составляющие²⁴⁴: 1) минеральные ресурсы Арктики; 2) морские пути для судоходства; 3) регулирование рыболовства в Заполярье; 4) разработка и внедрение новых технологий. Экономические интересы Франции в Арктике касаются и французских компаний нефтегазовой, горнодобывающей, рыболовной, судоходной отраслей, обеспечения для них выгодных условий и контрактов. Первая полярная стратегия Франции, принятая в апреле 2022 г.²⁴⁵, дополняет изложенное необходимостью проведения научных исследований (в т.ч. сопряженных с экономическими интересами) и пересмотра роли французских игроков в Арктике в зависимости от развития международной ситуации.

²⁴² Germany's Arctic policy guidelines [Electronic resource] // The official website of the German Federal Foreign Office. August 21, 2019. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2240002/eb0b681be9415118ca87bc8e215c-0cf4/arktisleitlinien-data.pdf> (accessed: 11.02.2022).

²⁴³ Basse D. Germany: A new (non-)Arctic power? // Arctic Yearbook 2019 / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes (eds.). – Akureyri: Arctic Portal, 2019. – P. 379–395.

²⁴⁴ France Diplomacy: Arctic [Electronic resource] // The official website of the French Ministry for Europe and Foreign Affairs. August 2021. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/arctic/> (accessed: 11.02.2022).

²⁴⁵ ÉQUILIBRER LES EXTRÊMES: Stratégie polaire de la France à horizon 2030 [Electronic resource] // The official website of the Government of France. April 1, 2022. URL: https://www.gouvernement.fr/upload/media/default/0001/01/2022_04_strategie_polaire_de_la_france_a_horizon_2030.pdf (accessed: 10.04.2022).

В арктической стратегии Нидерландов до 2025 г.²⁴⁶ в качестве экономических интересов страны указаны растущие возможности для соответствующей деятельности в Арктике по судоходству, рыболовству и добыче ресурсов, включая нефть и газ, а также намерение Нидерландов способствовать устойчивому управлению Крайнего Севера, лоббируя ужесточение критериев контролируемости и дополнительные строгие стандарты. Стоит отметить и решение правительства Нидерландов постепенно прекратить финансовую поддержку разведки и разработки новых запасов нефти и газа в Арктике после 2020 г. в связи с переходом ЕС к «зеленой» энергетике.

Помимо Франции, Германии, Великобритании и Нидерландов, из западноевропейских стран НАТО интерес к Арктике начинает активно проявлять Бельгия, где в 2021 г. депутаты приняли резолюцию к правительству с просьбой уделить повышенное внимание к циркумполярной зоне, в ней подчеркиваются стратегические и геоэкономические последствия потепления в регионе²⁴⁷. К примеру, руководствуясь видимыми перспективами и удобным географическим положением, один из крупнейших портов Бельгии Зебрюгге ранее вложил значительные средства, чтобы стать основным транзитным пунктом Европейского союза для российского СПГ. Однако, беспрецедентное санкционное давление на Россию с целью прекращения сотрудничества с ней будет неизбежно иметь коммерческие последствия для порта Зебрюгге, а потому Бельгии, в условиях санкционных потерь, предстоит существенно скорректировать вектор развития своего второго по величине грузового хаба. Представляется, что потери от столь экономически масштабного проекта, рассчитанного ранее на сотрудничество с «Ямал СПГ», в перспективе повлияют на будущие планы по расширению возможностей в изменяющейся Арктике.

Среди стран Восточной Европы в составе НАТО особо заинтересованным государством в экономическом освоении Арктики является Польша. Ее основное

²⁴⁶ The Netherlands' Polar Strategy 2021-2025 [Electronic resource] // The official website of the Government of the Netherlands. March 1, 2021. URL: <https://www.government.nl/binaries/government/documenten/publications/2021/03/01/polar-strategy/The+Netherlands+Polar+Strategy+2021-2025.pdf> (accessed: 11.02.2022).

²⁴⁷ Chuffart R. Is Belgium the Next Near-Arctic State? [Electronic resource] // The Arctic Institute. November 30, 2021. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/belgium-next-near-arctic-state/> (accessed: 11.02.2022).

внимание сосредоточено на таких перспективных территориях, как Северная Норвегия, Исландия и Гренландия, на горнодобывающей промышленности, строительстве и машиностроении. Польские компании из этих секторов уже закрепились в скандинавских регионах, они самостоятельно или совместно участвуют в геологоразведочных работах в Баренцевом море и Гренландии, выступают как поставщики оборудования, включая машины и измерительные приборы, и как субподрядчики при строительстве заводов в Норвегии²⁴⁸.

В отношении Прибалтики следует отметить, что до 2022 г. Эстония проявляла интерес к Севморпути, считая возможным стать крупным перевалочным пунктом²⁴⁹; эстонские компании до санкционной блокады России также предоставляли услуги для морских буровых установок в Карском море. Сегодня, принимая во внимание агрессивную политику Эстонии в отношении России, не представляется возможным позиционирование данной страны как одного из транспортно-логистических хабов с выходом к Севморпути. Эстония заявляет о наличии потенциала ее компаний в области экологически чистых технологий, медицины, IT-индустрии, который может быть применен в Заполярье. Для Литвы Арктика не является приоритетом, однако Латвия уделяет значительное внимание трансграничному сотрудничеству между северными и балтийскими странами в рамках инициативы Nordic-Baltic 5G, созданной для поддержки бизнеса и его финансирования²⁵⁰. Для Латвии важны и инфраструктурные проекты, включая Rail Baltica – строительство железной дороги, соединяющей Финляндию, Прибалтику, Восточную и Западную Европу.

Среди стран Южной Европы, входящих НАТО, особым экономическим интересом к Арктике отличаются Италия и Испания. Так, итальянское экономическое присутствие на Крайнем Севере широко, ее коммерческая деятельность осуществляется в рамках развития портовой и технологической

²⁴⁸ Łuszczuk M. et al. Poland's Policy towards the Arctic: Key Areas and Priority Actions. Policy Paper No. 11-113. – Warsaw: The Polish Institute of International Affairs, 2015. – 6 p.

²⁴⁹ Idarand T., Jüris F., Raik K., Ventsel A. Estonia's Interests and Opportunities in the Context of Global Developments in the Arctic. Policy Paper. – Tallinn: International Centre for Defence and Security, Estonian Foreign Policy Institute, 2021. – 18 p.

²⁵⁰ Dolzhenkova E., Mokhorov D. Latvia's role in the Arctic. Cooperation prospects [Electronic resource] // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2020. Vol. 539. Ar. 012046. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/539/1/012046/pdf> (accessed: 11.02.2022).

инфраструктуры, обеспечения безопасности на море в сложный период. Наиболее активна в регионе ENI – итальянская компания, работающая, в основном, в Баренцевом море через платформу «Голиаф», крупнейшую цилиндрическую плавучую установку для хранения и отгрузки нефти в мире²⁵¹. Компания Fincantieri активно работает в судостроении, в 2018 г. она передала Норвегии судно Kronprins Haakon, один из самых современных ледоколов. Итальянская компания Leonardo разрабатывает передовые технологические решения и предоставляет для миссий в Арктике вертолеты, самолеты, электронику, оборонные системы; осуществляет поддержку судоходства по арктическим маршрутам, постоянный мониторинг окружающей среды.

Основные экономические интересы Испании в Арктике включают в себя энергетику, рыболовство и туризм. Государство является одним из крупнейших импортеров энергоресурсов среди стран-членов ЕС, и часть импорта производится испанскими ТНК, включая Repsol, которая рассматривается как один из участников разработки и добычи энергоресурсов в Арктике²⁵². Рыболовство и туризм являются основными движущими силами испанской экономики, ее рыболовный флот – крупнейший в ЕС, при этом Испания опасается нехватки рыбы в Европе, поэтому настаивает на развитии рыболовства в арктической зоне. Испания так же – одна из крупнейших туристических стран мира и потому стремится развивать туризм в Арктике.

Экономический интерес к региону проявляет еще одна страна-член НАТО – Турция в контексте производства судов для полярных широт. Турецкая судостроительная промышленность имеет возможность строить различные типы полярных судов, в том числе исследовательские для Арктики, и видит своим приоритетом кораблестроение и поставку «инновационных и экологически чистых»²⁵³ судов. В условиях санкционной блокады Запада, Турция выступает как

²⁵¹ Prior G. Italy's Successful Race to the North [Electronic resource] // International Centre for Defence and Security (ICDS). September 20, 2021. URL: <https://icds.ee/en/italys-successful-race-to-the-north/> (accessed: 11.02.2022).

²⁵² Almazova-Ilyina A. etc. The “Arctic Vector” of Spanish Foreign Policy [Electronic resource] // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2020. Vol. 539. Ar. 012049. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/539/1/012049/pdf> (accessed: 11.02.2022).

²⁵³ Limon O. Arctic Interests and Policy of Turkey: Dilemmas, Approaches and Initiatives // Arctic Yearbook 2021 / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes (eds.). – Akureyri: Arctic Portal, 2021. – P. 158–172.

новый поставщик необходимой инфраструктуры для проекта «Арктик СПГ – 2» (например, плавучая электростанция турецкой компании Karpowership).

В целом, проведенный анализ экономических интересов России и стран НАТО в Арктике позволяет сделать следующие выводы:

1. Основными экономическими интересами России в Арктике являются осуществление добычи природных ресурсов, развитие транспортной инфраструктуры с упором на Северный морской путь, повышение уровня жизни граждан на северных территориях и улучшение инвестиционной привлекательности Арктической зоны Российской Федерации. У стран НАТО общих экономических интересов в Заполярье не наблюдается, поскольку из-за географической растянутости альянса с севера на юг лишь половина стран-членов проявляет экономический интерес к Арктике в последние годы.

2. В Североатлантическом альянсе наличием комплекса экономических интересов в Заполярье характеризуются арктические государства – США, Канада, Дания, Исландия, Норвегия и Финляндия, равно как и ранее нейтральная, всё еще находящаяся на пути вступления в НАТО Швеция, при этом в них они не едины, демонстрируют разное отношение к экономическому сотрудничеству с Китаем в Арктике, а также к положению Гренландии (против расширения экономической активности Соединенных Штатов Америки на этом острове выступает Дания, т.к. помощь США стимулирует движение за независимость Гренландии от нее).

3. Из не являющихся арктическими государствами стран-членов НАТО наиболее экономически заинтересованы в Арктике Великобритания, Германия, Франция, Нидерланды, Польша, Эстония, Латвия, Италия, Испания и Турция, при этом их объединяет стремление обеспечить выгодные условия для работы национальных компаний в регионе, использовать его развитие в качестве рынка сбыта для своей продукции арктического назначения. Кроме того, в стратегиях этих стран заметны критическое отношение к выгодам, которые может принести разработка циркумполярных месторождений (опасение издержек), а также акцент на экологических вопросах и необходимости безопасного освоения Арктики, в т.ч. с использованием европейских передовых технологий.

2.3. Военно-политические аспекты деятельности России и НАТО в Арктическом регионе

Военно-политические аспекты деятельности России и НАТО в Арктическом регионе связаны с попытками решения ими трех основных задач: 1) обеспечение физического присутствия (включая строительство соответствующей инфраструктуры в Арктике и развитие флота, в т.ч. ледокольного); 2) оптимизация управления вооруженными силами в Арктике (с решением различных вопросов организационного характера, в т.ч. связанных с командованием); 3) готовность отвечать на вызовы военного характера в Арктике (ради чего проводятся многочисленные учения)²⁵⁴. Рассмотрим каждую из них.

Первая задача – это обеспечение физического присутствия в Арктике. Для России она обусловлена тем, что в 1990-е гг. из региона был выведен практически весь воинский контингент, за исключением Мурманской области²⁵⁵, вследствие чего российская Арктика оказалась открытой, а объекты инфраструктуры в ней во многом пришли в негодность. Решением этой проблемы Россия занялась уже в XXI в., при этом стратегия развития отечественной Арктики предусматривает²⁵⁶ размещение воинских формирований, их оснащение вооружением и техникой, пригодными для использования в арктических условиях, развитие инфраструктуры в виде баз и пр. Важным фактором, вызвавшим у России потребность в обеспечении военного присутствия в Арктике стали ярко

²⁵⁴ Аржанов И.А. Военно-политическая деятельность России в Арктике в контексте соперничества с НАТО в XXI веке // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13. – № 1 (94). – С. 251–262.

²⁵⁵ Вызовы и угрозы национальной безопасности в Российской Арктике / Под науч. ред. В.С. Селина, Т.П. Скуфьиной, Е.П. Башмаковой. – Апатиты: КНЦ РАН, 2017. – 53 с.

²⁵⁶ Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 27.02.2023 г. № 126). – Москва, 2023. – 40 с.

выраженные сопернические действия НАТО как альянса, первым обратившего свой военно-политический взор на Арктику, включая следующие:

1) приостановка Североатлантическим альянсом разоруженческой политики в Заполярье в начале 2000-х гг.;

2) обращение к проведению масштабных военных манёвров стран-членов НАТО в Арктике с середины 2000-х гг., включая общие учения “Cold Response” с 2006 г., ежегодные комплексные мероприятия канадских вооруженных сил “Operation Nanook” с 2007 г. и мн. др.;

3) строительство военной инфраструктуры, в т.ч. арктической базы для подводных лодок в г. Йеллоунайф (Канада), превращение Норвегии в северный плацдарм альянса, развитие американской системы ПРО в Арктике и т.д.²⁵⁷;

4) подготовка и публикация материалов, оправдывающих расширение военного присутствия стран НАТО в Арктике соображениями природно-ресурсного характера – главным из таких документов стал геологический отчет США 2008 г., что подтвердил последовавший за его публикацией саммит альянса в Исландии, посвященный обсуждению арктических ресурсов²⁵⁸ и пр.

Расширение военного интереса НАТО к Арктике происходило на фоне исходящей из альянса совершенно неоправданной критики действий России, включая негативные оценки ее арктической доктрины 2008 г., экспедиции на Северный полюс «Арктика-2007» и т.д. Такая позиция Североатлантического альянса не могла рассматриваться Россией как конструктивная, транспарентная и мирная, НАТО не демонстрировало стремления к сотрудничеству (за исключением непродолжительного потепления в отношениях и интенсификации взаимодействия в Арктике в 2011–2013 гг.), декларируемые намерения альянса имели недружественный характер, следствием чего стало закономерное решение России принять меры по укреплению безопасности на Крайнем Севере, в т.ч. за счет восстановления и модернизации арктической военной инфраструктуры.

²⁵⁷ Журавель В.П. Активизация деятельности стран НАТО в Арктике // Зарубежное военное обозрение. – 2016. – № 12. – С. 14–20.

²⁵⁸ Воронков Л.С. Арктика на восьмерых. Эволюция роли НАТО в арктических широтах // Россия в глобальной политике. – 2013. – Т. 11. – № 3. – С. 177–189.

В результате, по данным Министерства обороны России²⁵⁹, в период 2012–2020 гг. в Арктике было возведено свыше 475 военных инфраструктурных объектов, где уже размещены солдаты, техника и вооружение. В восточной части российской территории Арктики созданы радиолокационные станции (РЛС) для наблюдения за входящими в Северный морской путь судами и пролетающей авиацией. В центральной части размещаются сложные системы ПВО, такие как Бастион-П и Панцирь-С1 для защиты побережья.

Министерство обороны России планирует²⁶⁰ возвести в Арктике в общей сложности 13 аэродромов, 1 авиационный полигон, завершить модернизацию базы для новых подводных лодок в Заозерске (обновление уже завершено в Гаджиево, в т.ч. реконструировано три причала для подводных лодок «Борей-А»), создать необходимое количество блочно-модульных военных городков для подразделений 3-й дивизии ПВО и хранения боеприпасов. На архипелаге Новая Земля и в северной части Якутии уже несут дежурство комплексы ПВО С-400 «Триумф» и зенитчики с системами С-300. Последние заступили на службу в апреле 2020 г. в составе нового зенитного ракетного полка с задачей охранять пространство над Якутией и близкий к ней участок Севморпути.

Восстановленные и вновь созданные аэродромы за полярным кругом станут местом постоянного базирования передовых моделей военных самолетов (до конца 2020-х – эксплуатация модернизированного истребителя МиГ-31БМ, на смену которому разрабатывается принципиально новый летательный аппарат проекта ПАК ДП), а также будут использоваться для дозаправки стратегических бомбардировщиков Ту-160, Ту-95, Ту-22 и пр. К подразделениям авиации в Арктике присоединяются представители Росгвардии, которые берут под охрану важные объекты – так, в 2019 г. она занялась охраной плавучей атомной электростанции «Академик Ломоносов» на Чукотке. Строятся гарнизоны на всем протяжении Крайнего Севера – от европейской части до Сибири и Дальнего

²⁵⁹ Анисимов П.А. Вызовы национальной безопасности РФ в арктическом регионе // Вестник РГГУ. Серия: Политология. – 2020. – № 4–1. – С. 74–83.

²⁶⁰ Журавель В.П. НАТО и вопросы национальной безопасности России в Арктике // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 2. – С. 55–61.

Востока, рассчитанные минимум на 20 тыс. военнослужащих²⁶¹. В июле 2023 г. Президент России В.В. Путин поручил завершить до 1 сентября 2023 г. процесс согласования плана по развитию инфраструктуры в Арктике, где сосредоточены воинские формирования²⁶². В августе 2023 г. Министр обороны России С.К. Шойгу лично проинспектировал арктические гарнизоны Северного флота²⁶³.

Таким образом, Россия активно восстанавливает и развивает военную инфраструктуру в Арктике за счет строительства аэродромов в Заполярье и военных баз, размещения на них техники и людей²⁶⁴. Она также занимается улучшением своих возможностей в сфере использования информации, кибернетики, радиоэлектронной борьбы на Крайнем Севере.

Для НАТО задача обеспечения физического присутствия в Арктике, в т.ч. за счет развития инфраструктуры и строительства флота, сохраняет не меньшую актуальность, чем для России. Российские исследователи отмечают, прежде всего, усилия НАТО по совершенствованию систем раннего предупреждения об атаках и развитию морской линии защиты ПРО, а также по размещению оружия морского базирования большой дальности. Из государств-членов альянса наибольшая ставка в этом контексте делается на Норвегию как наиболее активную страну блока в Арктике, постоянно обсуждающую вопросы обороны на полярных рубежах²⁶⁵. С точки зрения МИД Норвегии²⁶⁶, эта страна представляет собой северный фланг НАТО, военное присутствие на котором является значимым вкладом в безопасность западного блока, а ее декларируемой целью выступает сдерживание России на Крайнем Севере. Во имя данной цели Норвегия постепенно отказывается от принятых на себя ограничений времен холодной

²⁶¹ Журавель В.П. Новые угрозы национальной безопасности России в Арктике: проблемы противодействия // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 226. – № 6. – С. 85–98.

²⁶² Путин поручил к сентябрю согласовать план развития инфраструктуры в Арктике [Электронный ресурс] // РИА Новости. 21 июля 2023. URL: <https://ria.ru/20230721/arktika-1885386941.html> (дата обращения: 09.08.2023).

²⁶³ Шойгу проверил российскую группировку войск в Арктике [Электронный ресурс] // РИА Новости. 12 августа 2023. URL: <https://ria.ru/20230812/voyska-1889666600.html> (дата обращения: 12.08.2023).

²⁶⁴ Гриняев С.Н., Журавель В.П. Вопросы комплексной безопасности в Основах государственной политики России в Арктической зоне до 2035 г. // Арктика и Север. – 2020. – № 39. – С. 52–74.

²⁶⁵ Аржанов И.А. Россия, НАТО и Арктика: соперничество, безопасность, возможные сценарии развития геополитической конкуренции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21. – № 4. – С. 758–771.

²⁶⁶ Folland R. Arctic Security: Deterrence and Détente in the High North [Electronic resource] // The Arctic Institute. March 30, 2021. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/arctic-security-deterrence-detente-high-north/> (accessed: 12.03.2022).

войны в оборонной сфере. Отказ от этой политики, предложенный после украинского кризиса 2014 г. правительством Э. Сульберг, включал²⁶⁷ согласие на сменное присутствие морских пехотинцев США в центральной части Норвегии с 2017 по 2020 гг. и проведение национальных и международных учений на Крайнем Севере, включая зимне-весенние “Cold Response” в 2020 г.

В рамках обновленного военно-политического курса Норвегии в Арктике США в 2017 г. направили в скандинавское государство 330 морских пехотинцев, удвоив их число год спустя и продолжая это делать вплоть до реформы американского Корпуса морской пехоты США (USMC) в 2020 г., вследствие которой полугодовую ротацию заменили ежегодными масштабными учениями в Норвегии. Морские пехотинцы США размещались в 60 км от российской границы на территории строящейся радиолокационной станции²⁶⁸, при этом их совместная группировка с норвежцами была доведена до уровня российской 61-й бригады морской пехоты, размещенной на Кольском полуострове²⁶⁹.

Развивается сотрудничество и по линии ВВС – Норвегия предоставила северную часть своей территории для размещения и совместных тренировок своих и американских ВВС по программе F-35; американские бомбардировщики В-1 вместе с норвежскими истребителями пятого поколения F-35 регулярно выполняют полеты на северо-восточном фланге НАТО. В первой половине 2020 г. Норвегия завершила адаптацию порта Тромсё для размещения подводных лодок союзников Североатлантического альянса, и уже в августе 2020 г. там успешно всплыла американская атомная подводная лодка (АПЛ) класса Seawolf. В период с 2010 по 2020 гг. удвоилось количество заходов военных кораблей НАТО в порты Норвегии, при этом в инфраструктурные планы норвежской стороны входят строительство базы для АПЛ в Тромсё и возведение более мощной РЛС в Вардё для отслеживания воздушного пространства над Россией.

²⁶⁷ Szymański P. High North, high priority – Norway and the defence of NATO’s northern flank. OSW Commentary No. 303. – Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2021. – 8 p.

²⁶⁸ Журавель В.П. Арктика и вопросы военной безопасности РФ // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 3. – С. 42–47.

²⁶⁹ Трунов Ф. Крайний Северный фланг НАТО: вопросы усиления военного присутствия // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2018. – № 51 (67). – С. 5–7.

США убеждены в том, что северный фланг НАТО становится все более важным для сдерживания России, и потому заключили Дополнительное соглашение²⁷⁰ о сотрудничестве в области обороны с Королевством Норвегия в апреле 2021 г., существенно расширив доступ американских войск к ее военной инфраструктуре. В нем на 37 страницах излагаются положения, связанные с присутствием, подготовкой и учениями американских войск в Норвегии, в рамках которых они смогут использовать отдельные объекты и районы на авиабазах Ригге и Сола (на юге страны), а также на авиабазе Эвенес и военно-морской базе Рамсунд (на севере Норвегии). Соглашение направлено на расширение сотрудничества между двумя странами в области противовоздушной и морской обороны, а также на обеспечение ускоренного развертывания американских войск в Норвегии, если возникнет необходимость. В феврале 2022 г., был дан старт переговорам и о достижении аналогичного соглашения с Данией. По состоянию на 2023 г. стороны всё ещё не выработали соответствующий документ.

Следует отметить, что, в отличие от России, корабли военно-морских сил стран НАТО не базируются в Арктике на постоянной основе и не могут находиться в ней круглогодично, в т.ч. из-за нехватки береговой инфраструктуры, возведение которой осложняется погодными условиями и таянием льдов²⁷¹. Тем не менее, для стратегического изменения ситуации в этой сфере США в 2021 г. приняли решение о строительстве глубоководного порта в Аляске в Номе, т.к. он является самой северной из возможных точек для подобного строительства.

Для обеспечения присутствия и действий НАТО в Арктике используются такие объекты, как американо-канадская система воздушно-космической обороны NORAD, РЛС на Аляске и Гренландии, ледовые станции²⁷²; внимание уделяется восстановлению значимого для Альянса рубежа Гренландия – Исландия –

²⁷⁰ Supplementary Defense Cooperation Agreement Between The Government Of The Kingdom Of Norway And The Government Of The United States Of America [Electronic resource] // The official website of the Government of Norway. April 16, 2021. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/0a7035b6c001426daf41e6158e8f9b4c/sdca-english-version.pdf> (accessed: 12.03.2022).

²⁷¹ Загорский А.В., Тодоров А.А. Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряжённости и пути дэскалации // Арктика и Север. – 2021. – № 44. – С. 79–102.

²⁷² Лазарев В.М., Круглов А.А., Хабиров Р.Н. Арктика: военно-стратегическая обстановка, основные угрозы и пути их парирования Россией // Инновации. – 2018. – № 11 (241). – С. 13–23.

Великобритания, направленного против российских подводных лодок²⁷³. Принято решение о строительстве Канадой восьми патрульных кораблей по образцу норвежских боевых «Свальбардов», шести боевых ледоколов типа «Скайлард», а также о строительстве США 3 тяжелых и 3 средних ледоколов для Арктики. Строительством арктических судов меньшего водоизмещения, а также вертолетов с системами борьбы с обледенением (типа Х6) активно занимается Франция.

В рамках своего вклада в арктическую политику НАТО Исландия приняла решение об расконсервации авиабазы в Кефлавике, закрытой с 2006 г., для размещения морских патрульных самолетов США²⁷⁴. В 2019 г. в Кефлавике был создан и специализированный Центр морских операций, и в рамках нескольких проектов инфраструктура прошла модернизацию.

В настоящее время реализуются планы по совершенствованию военного потенциала в Арктике и со стороны России, и со стороны США. Об этом, в частности, свидетельствует и решение сделать базу ВВС Эйлсон на Аляске постоянным местом размещения истребителей F-35 с задумом использовать ее в качестве основного учебного полигона для союзников США по НАТО, приобретающих F-35. Военная база Форт-Грили на Аляске является частью развивающейся архитектуры ПРО США, Администрация Д. Трампа санкционировала строительство шахт для размещения ракет-перехватчиков, чтобы увеличить их количество с 20 до 40. С 2018 г. обсуждается и повторное открытие базы на острове Адак в цепи Алеутских островов с целью сделать ее постоянной площадкой для самолетов дальнего морского патрулирования. В июле 2021 г. на Аляске США завершили военное строительство и приступили к испытаниям радара дальнего действия для национальной системы ПРО.

Важно подчеркнуть, что отличительным трендом является т.н. догоняющее развитие, т.е. стремление НАТО компенсировать образовавшееся отставание в сфере военной арктической инфраструктуры от России и ориентация Альянса на

²⁷³ Загорский А.В. Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада // Арктика и Север. – 2018. – № 31. – С. 80–97.

²⁷⁴ Глотов В.И., Аржанов И.А. НАТО и безопасность в Арктике: проблемы, возможности, перспективы // Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9. – № 5. – С. 92–96.

возможности российских арктических частей как на передовой образец на Крайнем Севере, которому силы НАТО как минимум должны соответствовать.

Вторая значимая задача, решаемая Россией и НАТО в Арктике, – это задача оптимизации управления вооруженными силами в регионе. Военные реформы России в 2010-х гг., ставшие ответом, в том числе, и на расширение военного присутствия альянса в Арктике, были нацелены на улучшение способности отечественных вооруженных сил проводить совместные операции на различных территориях, а потому включали в себя реорганизацию региональных военных округов и создание объединенных стратегических командований. Так, с 2014 г. начало действовать новое Объединенное стратегическое командование «Север», а с 1 января 2021 г. Северный флот получил статус пятого военного округа²⁷⁵. Это позволило командованию Северного флота возглавить все находящиеся на его территории военные структуры и получить полноту ответственности над ними в Мурманской и Архангельской областях, Республике Коми, Ненецком автономном округе, что важно для эффективного управления.

Со своей стороны альянс НАТО в Арктике сосредоточился на морском управлении – с 2018 г. начал воссоздаваться и был закреплен за штаб-квартирой альянса второй флот ВМС США (может действовать под флагом НАТО)²⁷⁶. Идея объединенных стратегических командований, реализованная в России в 2014 г., оказалась воплощена и в рамках НАТО – было принято решение о создании объединенного командования тыла в Европе (2019 г.) и объединенного командования сил НАТО в Норфолке (2020 г.), рассматривается возможность создания централизованной системы контроля обстановки в северных широтах²⁷⁷.

Альянс поощрял арктические страны к укреплению региональной обороны и военного сотрудничества в рамках Северного оборонного сотрудничества NORDEFSCO: так, в 2018 г. был определен новый уровень взаимодействия для

²⁷⁵ Указ Президента Российской Федерации от 05.06.2020 г. № 374 «О военно-административном делении Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45591> (дата обращения: 12.03.2022).

²⁷⁶ Paul M., Swistek G. Russia in the Arctic. SWP Research Paper 2022/RP 03. – Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2022. – 42 p.

²⁷⁷ Хомкин А.А. Возможные военные угрозы в Арктике в среднесрочной перспективе // Военная мысль. – 2020. – № 5. – С. 112–120.

обмена разведывательными данными и в оборонном секторе с целью улучшения всеобъемлющей ситуационной осведомленности блока²⁷⁸. К 2020-м гг. в НАТО сложилось понимание²⁷⁹ того, что планирование арктических операций требует интеграции географических и функциональных военных командований.

Третьей задачей, решаемой Россией и НАТО в Арктике, является задача готовности размещаемых в регионе вооруженных сил отвечать на вызовы военного характера. В государственной политике России до 2035 г. указано²⁸⁰, что одна из основных задач страны в Арктике – это повышение боевых возможностей российских войск, поддержание их соответствующего потенциала на высоком уровне. Для этого регулярно проводятся учения, которые в значительной степени следует рассматривать как зеркальный ответ на аналогичные манёвры НАТО. Однако, что важно, отечественные учения в количественном измерении никак не могут быть сопоставлены с мероприятиями альянса в Арктике. С 2014 г. вследствие кризиса в отношениях между Россией и Западом из-за ситуации на Украине и роста общей враждебности НАТО к Российской Федерации масштабы отечественного военного присутствия, учений и демонстраций военной силы в Арктике начали вынужденно увеличиваться. Однако, исключительно оборонительный подход послужил поводом для умышленно искаженной трактовки действий России со стороны альянса.

В марте 2015 г. прошли единственные крупномасштабные учения без предварительного уведомления (внезапная проверка боевой готовности), в ходе которых 38000 военнослужащих, 110 самолетов и вертолетов, 41 корабль и 15 подводных лодок провели тренировки, в них участвовали истребители, бомбардировщики, обеспечивающие прикрытие крупномасштабного десантирования на Землю Франца-Иосифа военнослужащих из 98-й дивизии

²⁷⁸ Boulègue M. Russia's Military Posture in the Arctic: Managing Hard Power in a "Low Tension" Environment. NDC Research Paper. – Rome: NATO Defense College, 2019. – 71 p.

²⁷⁹ Anthony I., Klimenko E. A Strategic Triangle in the Arctic? Implications of China-Russia-United States Power Dynamics for Regional Security. SIPRI Insights on Peace and Security No. 2021/3. – Solna: Stockholm International Peace Research Institute, 2021. – 28 p.

²⁸⁰ Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 21.02.2023 № 112). – Москва, 2023. – 18 с.

ВДВ²⁸¹. В 2016 г. учения на Северном флоте приобрели длительный, многомесячный характер – с июля по сентябрь. Всеми участниками отрабатывалась стратегия защиты от внезапного масштабного удара со стороны противника с севера, причем в случае, если им будут задействованы авиация, ракеты, корабли для прорыва по Северному морскому пути.

Способность мобилизовывать и быстро передислоцировать силы, в том числе на Кольском п-ове и других арктических территориях России, отрабатывалась отечественными вооруженными силами в 2017 г. Так, наблюдатели из стран НАТО отмечали²⁸², что российские учения «Запад-2017», были сосредоточены не только на проведении имитационных операций, но также продемонстрировали способность быстро перебрасывать наземные и воздушные подразделения из одного региона страны в другой.

Ежегодные стратегические учения России увеличивались в масштабах на протяжении последнего десятилетия и все чаще включали арктические элементы – как, например, «Восток-2018» и, в некоторой степени, «Центр-2019», в ходе которых Россия проверяла совместимость и слаженность военных сил в Арктике²⁸³. Демонстрация новых отечественных военных возможностей в Заполярье проходила в рамках ежегодных учений ВМФ России «Океанский щит» – к примеру, в 2019 г. на них свыше 20 российских военно-морских кораблей участвовали в демонстрации способности блокировать атаки НАТО и выход к Балтийскому, Северному и Норвежскому морям. Также в них было задействовано 20 самолетов и вертолетов и более 4,5 тысяч военнослужащих²⁸⁴.

За 2019 г. Северный флот России провел в общей сложности 590 учений и свыше 900 тренировок²⁸⁵, выполнил 4,2 тыс. зачетных мероприятий – что на 10% выше, чем в 2018 г. (в сравнение, активность НАТО на Крайнем Севере за

²⁸¹ Загорский А.В. Безопасность в Арктике. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 114 с.

²⁸² Black J. etc. Enhancing deterrence and defence on NATO's northern flank. – Santa Monica: RAND Corporation, 2020. – 96 p.

²⁸³ Larssonneur J.-C. Security Challenges in the High North. Report 16 DSCTC 21 E rev.2 fin [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization Parliamentary Assembly. October 9, 2021. URL: <https://www.nato-pa.int/document/016-dsctc-21-e-security-high-north-report-larssonneur> (accessed: 12.03.2022).

²⁸⁴ Загорский А.В. Безопасность в Арктике. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 114 с.

²⁸⁵ Анисимов П.А. Вызовы национальной безопасности РФ в арктическом регионе // Вестник РГГУ. Серия: Политология. – 2020. – № 4–1. – С. 74–83.

рассматриваемый временной интервал выросла на 17%). При этом наиболее интенсивными тренировки были в акваториях Белого, Норвежского и Баренцева морей, причем и в летний, и в зимний периоды.

Пандемия в 2020 г. негативно повлияла на тренировочную активность. Тем не менее, она не помешала, например, проведению июньского сбор-похода с задействованием более 30 кораблей и 20 летательных аппаратов, а также проведению ряда тактических учений и других мероприятий. Как итог, подводя итоги 2020 г., командующий Северным флотом вице-адмирал А.А. Моисеев отметил, что несмотря на трудности, связанные с распространением коронавирусной инфекции, все задачи были выполнены в полном объеме²⁸⁶.

В 2021 г. учения на Северном флоте вернулись к практике их регулярного и устойчивого проведения на протяжении всего года. Так, в рассматриваемый период состоялись разнонаправленные тренировочные мероприятия. В их числе: противолодочные учения, межвидовые командно-штабные учения в Североморске, отработка рейдовых операций в Мурманской области, выход атомного крейсера «Петр Великий» на манёвры в Баренцевом море, плановые полёты стратегических бомбардировщиков Ту-95МС и Ту-160, общие мероприятия оперативно-стратегического объединения с привлечением свыше 3 тыс. человек и 500 единиц военной техники и др. Наиболее заметным событием, получившим неоправданно тревожную оценку на западе, стали весенние учения «Умка-21». Так, 26 марта 2021 г. вблизи архипелага Земля Франца-Иосифа три российские атомные баллистические подводные лодки одновременно всплыли, проломив лед толщиной 1,5 метра в радиусе 300 метров друг от друга, что было демонстрацией крайне сложного маневра, привлёкшего внимание наблюдателей со всего мира, из НАТО – в первую очередь²⁸⁷. Продолжилась подготовка и

²⁸⁶ На Северном флоте подведены итоги 2020 учебного года [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации: официальный сайт. 19 ноября 2020. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12325626 (дата обращения: 12.03.2022).

²⁸⁷ Журавель В.П. НАТО и вопросы национальной безопасности России в Арктике // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 2. – С. 55–61.

подразделений, способных производить десантные высадки на острова, льды и удаленные части побережья Северного Ледовитого океана²⁸⁸.

Как следует из заявления вице-адмирала А.А. Моисеева, по итогам учебного 2021 г. корабли, подводные лодки и суда обеспечения Северного флота выполнили 26 дальних походов²⁸⁹. Кроме того, в 2021 г. воинами-североморцами было обеспечено проведение свыше 70 испытаний отечественного вооружения.

В 2022 г., учитывая существенное осложнение военно-политической обстановки в Арктике и явный курс НАТО на милитаризацию региона, Северный флот продолжил учебные мероприятия, обстоятельно принимая во внимание складывающееся положение дел. В январе 2022 г. было объявлено, что практика полётов на противолодочных самолётах Ту-142 в международном воздушном пространстве над Арктикой и Атлантикой станет приоритетной. Последовательно реализовывались плановые тренировочные мероприятия, в числе которых масштабные учения с Арктической экспедиционной группировкой по защите Северного морского пути, охране гарнизонов Северного флота с привлечением 1200 человек и 140 единиц техники, ежегодные учения «Кумжа» и мн. др. Кроме того, в 2022 г., согласно заявлению адмирала А.А. Моисеева проведено 19 испытательных стрельб принципиально новых видов вооружения²⁹⁰.

В январе 2023 г. было вновь объявлено о приоритетности практики полётов противолодочных самолётов Ту-142 в Арктике²⁹¹, а в феврале состоялись плановые полёты двух Ту-95МС и Ту-160 над акваториями Баренцева и Норвежского морей. Как и ранее, в условиях дальнейшего роста соперничества со стороны НАТО в Арктике, на 2023 г. было запланировано проведение широкого спектра регулярных и рутинных учебных мероприятий, большинство из которых, по состоянию на конец 2023 г., успешно реализовано.

²⁸⁸ Грызлов В.М., Потяев П.Ю., Атрошкин Д.А. О совершенствовании воздушно-десантной подготовки будущих офицеров для действий в Арктике // Военная мысль. – 2021. – № 4. – С. 134–146.

²⁸⁹ Командующий Северным флотом подвёл итоги деятельности флота в 2021 учебном году [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации: официальный сайт. 18 ноября 2021. URL: <https://structure.mil.ru/structure/forces/navy/news/more.htm?id=12394443@egNews> (дата обращения: 12.03.2022).

²⁹⁰ Северный флот проведёт 19 испытательных стрельб нового оружия в 2022 году [Электронный ресурс] // RT. 1 июня 2022. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1010036-severnyi-flot-strelby> (дата обращения: 31.08.2022).

²⁹¹ Экипажи дальней авиации продолжают полеты над Арктикой и Атлантикой [Электронный ресурс] // РИА Новости. 3 января 2023. URL: <https://ria.ru/20230103/polet-1842949254.html> (дата обращения: 16.03.2023).

Как и Россия, Североатлантический альянс продолжает уделять внимание подготовке своих сил в рамках учений в Арктике, непропорционально наращивая их масштаб из года в год, отказавшись от многочисленных предложений России понизить частоту и уровень военных учений вплоть до полного прекращения их проведения в районах соприкосновения Российской Федерации и стран-членов НАТО. В 1990-х гг. в арктических широтах количество учений альянса в рамках общей «демилитаризации» было сокращено, но они возобновились в 2006 г., когда Норвегия пригласила союзников принять участие в крупных военных учениях под руководством ее национальных сил обороны “Cold Response”²⁹².

За период с 2006 по 2019 гг. странами-членами НАТО было проведено несколько серий военных учений в Арктике, а именно: по семь регулярных манёвров “Cold Response” (2006, 2007, 2009, 2010, 2012, 2014, 2016 гг.) и “Dynamic Mongoose” (2012, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 гг.), четыре – “Arctic Challenge” (2013, 2015, 2017, 2019 гг.), три – “Northern Viking” (2007, 2008, 2011 гг.), по одному разу – “Loyal Arrow” (2009 г.), “Brilliant Arrow” (2013 г.), “Trident Javelin” (2017 г.), “Joint Viking” (2017 г.), “Brilliant Jump” (2018 г.), “Northern Wind” (2019 г.), “Trident Juncture” (2018 г.)²⁹³. Следует отметить, что количество стран-участниц учений альянса постоянно росло, и, например, как итог, все государства НАТО участвовали в северных “Trident Juncture” в 2018 г. Рассматриваемые манёвры являются крупнейшими тренировочными мероприятиями альянса с момента завершения холодной войны²⁹⁴.

Кроме того, отдельные страны НАТО активно практикуют проведение собственных ежегодных учений в Арктике и географически сопредельных с ней

²⁹² Depledge D. Train Where You Expect to Fight: Why Military Exercises Have Increased in the High North // *Scandinavian Journal of Military Studies*. – 2020. – Vol. 3. – No. 1. – P. 288–301.

²⁹³ Прим. автора: перечень учений, представленный в исследовательской публикации британского эксперта Д. Депледжа (см. далее) содержит не все из перечисленных маневров, в связи с чем данный список был дополнен и расширен самостоятельно. Цель – используя ретроспективный подход (в 2023 г.), отразить количество реализованных Альянсом мероприятий до усугубления кризиса в 2020-х гг. См.: Depledge D. Train Where You Expect to Fight: Why Military Exercises Have Increased in the High North // *Scandinavian Journal of Military Studies*. – 2020. – Vol. 3. – No. 1. – P. 288–301.

²⁹⁴ Аржанов И.А. Рост активности НАТО в Арктике как угроза национальной безопасности Российской Федерации // *Либерально-демократические ценности*. – 2020. – Т. 4. – №3–4. – С. 9–16.

территориях (с приглашением в них коллег по блоку)²⁹⁵. Появляются новые форматы военного взаимодействия: с 2018 г. в Заполярье с периодичностью раз в два года проходят американо-канадские²⁹⁶ учения “Arctic Edge”. Интенсивность тренировочных манёвров НАТО на Крайнем Севере и вокруг него последовательно и целенаправленно увеличивалась с 2006 г.: с одного учения каждые один-два года до двух или трех в год, достигнув пика в четыре в 2019 г. Это объясняется призывами Норвегии и Исландии к членам альянса повысить осведомленность о происходящем на Крайнем Севере из-за изменения климата и таяния льдов; высказываемыми ими – в первую очередь, Норвегией – опасениями из-за наблюдений за растущими военными возможностями России в Арктике; информационным нажимом блока; курсом НАТО на возвращение в Европу.

С началом третьего десятилетия отчетливо прослеживается дальнейшее усиление присутствия альянса в Арктике. Расширяется число участников уже имеющихся и успешно проводимых военных манёвров отдельных стран: так, например, в регулярные учения ВМС США “ICEX” активно вовлекаются союзники по НАТО – Канада, Великобритания, Норвегия. Происходит и активное вытягивание неарктических членов НАТО в Заполярье.

В 2020 г. на фоне распространения коронавирусной инфекции ряд учений не состоялся в полном объеме – к ним, например, можно отнести “Cold Response”. Напротив, такие тренировочные мероприятия как “Arctic Edge” и “ICEX” прошли без внесений корректировок. Вместе с тем, уже в 2021 г. учения стран НАТО в северных широтах вновь активизировались. Членами альянса были реализованы “Arctic Warrior”, “Amalgam Dart”, “Strike Warrior 21”, “Ragnar Viking” и др.

В 2022 г. плановыми учениями стали ранее “Cold Response”, объединившие около 30000 военнослужащих из 27 стран НАТО для тренировок в районе Норвегии на море, суше и в воздухе. Кроме того, в 2022 г. состоялись следующие учения стран-членов альянса в Арктике: “Brilliant Jump” в феврале-марте, “Arctic

²⁹⁵ Прим. автора: более подробное и структурированное изложение всех отмеченных в работе тренировочных мероприятий представлено в Приложении 5 к диссертационному исследованию. См.: Сводная таблица проведенных военных учений стран-членов НАТО в Арктике (за период с 2006–2023 гг.).

²⁹⁶ Изначально, в 2018 году, в первых учениях принимали участие только военнослужащие из США. Начиная с 2020 года в них активно вовлекается и Канада.

Edge”, “ICEX”, “Northern Viking” в марте-апреле, “Operation Noble Defender” в марте и июле, а также четырёхфазные, периодически возобновляемые в течение всего года канадские военные манёвры под названием “Operation Nanook”.

Январь 2023 г. ознаменовался первой фазой “Operation Noble Defender”. В марте 2023 г. одновременно прошли три крупных учения НАТО в Арктике, направленных на сдерживание России: “Joint Viking”, “Joint Warrior” и “Arctic Forge”. В апреле-мае 2023 г. на территории Швеции состоялись крупнейшие за 25 лет национальные учения (с участием стран-партнёров из Альянса) “Aurora”. Кроме того, в мае реализованы ставшие для НАТО регулярными тренировочные мероприятия “Dynamic Mongoose” и “Arctic Challenge”.

Приведенные примеры показывают сходство между НАТО и Россией в динамике учений в Арктике – в обоих случаях видна тенденция последовательного увеличения их количества и тренировок в период после переломного 2014 г., ознаменовавшегося глубоким кризисом в отношениях между Россией и Западом в связи с украинскими событиями и ростом взаимного недоверия. Также заметна тенденция к вовлечению максимального количества различных родов войск, вариантов техники, кораблей, типов самолетов, к выбору в качестве главной цели отработки эффективного взаимодействия между ними, что указывает на рассмотрение обеими сторонами варианта с началом полномасштабной войны между НАТО и Россией, а не только риска небольших столкновений в Арктике. Вместе с тем, учения, проводимые Российской Федерацией, являлись ответными и ограниченными действиями на масштабные, целенаправленные и регулярные учения НАТО, они показывают стремление отечественной стороны не допускать дальнейшей эскалации напряженности в регионе, а, напротив, способствовать ее снижению, достижению паритета и мира, в т.ч. регулярно до 2022 г. предлагая командованию Североатлантического альянса отказаться от арктических военных учений вовсе обеим сторонам (на линиях соприкосновения).

В целом, можно сделать вывод о том, что современная военно-политическая активность России и НАТО в Арктике обусловлена их стремлением к решению трех основных задач: обеспечение своего физического присутствия за счет строительства соответствующей инфраструктуры в Арктике, включая аэродромы, порты, гарнизоны для военных; оптимизация управления вооруженными силами в Заполярье за счет создания объединенных командных структур, а также готовность отвечать на вызовы военного характера – задача, которая решается при помощи проведения многоплановых учений в регионе с выраженным акцентом на повышение боевой слаженности различных родов войск.

Выводы по главе 2

В соответствии с установленной целью и планом диссертационной работы, в настоящей главе изложены результаты проведенного исследования по задачам 4–6 из перечня, представленного во введении.

В первом параграфе рассмотрены отечественные модели освоения Арктического пространства и основные группы интересов государств при реализации данной деятельности. Опираясь на проведенный анализ изложенных в научной литературе положений и классификаций, уточнено понятие «освоение территории» через определение его двух базовых характеристик – физическое и политико-правовое выражение. Автором определяются и последовательно раскрываются следующие шесть уровней пересекающихся и сталкивающихся интересов России и государств-членов НАТО в Арктике: стратегический, институциональный, осложненный наличием ряда фундаментальных проблем уровня безопасности, а также экономический, экологический и научный. Констатируется, что наличие широкого круга областей потенциального взаимодействия и пересекающихся интересов может быть использовано как для восстановления диалога, так и для дальнейшего усиления напряженности.

Во втором параграфе комплексно рассмотрен экономический спектр интересов России и государств-членов НАТО в Заполярье. Определены и последовательно раскрыты четыре ключевых экономических интереса России в регионе: 1) осуществление добычи природных ресурсов; 2) развитие транспортной инфраструктуры; 3) повышение уровня жизни граждан на северных территориях; 4) улучшение инвестиционной привлекательности Арктической зоны Российской Федерации. В отношении стран альянса установлено, что

наличием комплекса экономических интересов в Арктике отличаются арктические государства, а также остающаяся на пути вступления в блок Швеция. Из неарктических государств повышенный интерес проявляют Великобритания, Германия, Франция, Нидерланды, Польша, Эстония, Латвия, Италия, Испания и Турция.

В третьем параграфе изложены военно-политические аспекты деятельности России и НАТО в Арктике. В разделе предложена авторская концепция триады задач, решаемых сторонами посредством рассматриваемого вектора активности в Заполярье. В ней последовательно раскрываются следующие характерные задачи: 1) обеспечение физического присутствия; 2) оптимизация управления вооруженными силами в Арктике; 3) готовность отвечать на вызовы военного характера. Констатируется тенденция роста в динамике проводимых учений в Арктике с 2014 г. Особенно подчёркивается, что предпринимаемые меры по обеспечению национальной безопасности России носят вынужденный, ответный и исключительно оборонительный характер.

ГЛАВА 3. ДИНАМИКА СОПЕРНИЧЕСТВА РОССИИ И НАТО В АРКТИКЕ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ

3.1. Активизация деятельности НАТО в Арктике: тенденции к углублению соперничества

Главным нарративом неореалистского подхода является трактовка международных отношений как сферы столкновения государств, которые действуют в соответствии с собственными интересами и активно используют военную силу в качестве решающего фактора межгосударственного взаимодействия. Использование данного подхода позволяет рассмотреть политику НАТО в контексте растущего противостояния с Россией в Арктике.

Целесообразно проанализировать процесс формирования позиции альянса в отношении Арктики, последовательно раскрывающий развитие соперничества с Россией в Заполярье как углубляющейся со временем тенденции. Для аргументационного изложения результатов исследования диссертант предлагает использовать авторскую концепцию периодизации эволюции политики НАТО по отношению к Арктике, в рамках которой представляется обоснованным выделить четыре этапа²⁹⁷.

Первый этап (2000–2007 гг.) – это период, обусловленный тем, что такие вопросы как соперничество за лидерство в том или ином регионе, включая

²⁹⁷ Прим. автора: более расширенные результаты проведенного исследования ивент- и контент- анализа динамики политической риторики, специфики реализуемых устремлений и практических подходов к соперничеству НАТО с Россией в Арктике представлены автором диссертации в Приложении 1 и 4.

Арктику, временно не находились на повестке дня альянса в силу занятости военными операциями на Ближнем Востоке и в Южной Азии. Подход НАТО к Заполярью в течение некоторого времени после завершения эпохи биполярности был неоднозначным. Отсутствие обстоятельного внимания и снижение активности НАТО в Арктике западные исследователи объясняют деградацией отечественных военных возможностей в Заполярье с распадом СССР и нивелированием т.н. «прямой российской угрозы», что привело к относительно благополучной и выгодной для Запада геополитической обстановке в регионе²⁹⁸.

Как констатирует В.П. Журавель, анализ деятельности НАТО к середине 2000-х гг. свидетельствовал о приостановлении разоруженческой политики в Арктике, что привело к некоторому усилению военной активности²⁹⁹. Это нашло свое отражение в том, что несколько неарктических стран-членов (в первую очередь – Великобритания) продолжали направлять войска для проведения военных учений в северной Норвегии, придерживаясь традициям холодной войны³⁰⁰. В 2006 г. Норвегия впервые пригласила своих неарктических союзников принять участие в учениях “Cold Response”. Центральным приоритетом страны выступала потребность продемонстрировать России, что у неё всё ещё есть союзники, обладающие способностями, компетенцией и решимостью, чтобы встать на ее защиту в Заполярье и, в случае чего, сдерживать любую агрессию.

Второй этап (2007–2014 гг.) – это период, характеризующийся возобновлением интереса НАТО к Арктике, которое произошло во второй половине первого десятилетия XXI в., наиболее активно – с 2008 г. Изначально внимание альянса было официально озаглавлено новым контекстом, а именно – необходимостью проведения анализа геополитических последствий все более наблюдаемых климатических изменений в Заполярье³⁰¹.

²⁹⁸ Rumer E., Sokolsky R., Stronski P. Russia in the Arctic – A Critical Examination [Electronic resource] // Carnegie Endowment for International Peace. March 29, 2021. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/03/29/russia-in-arctic-critical-examination-pub-84181> (accessed: 04.10.2022).

²⁹⁹ Журавель В.П. Активизация деятельности стран НАТО в Арктике // Зарубежное военное обозрение. – 2016. – № 12. – С. 14–20.

³⁰⁰ Depledge D. Britain and the Arctic. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. – 156 p.

³⁰¹ Influence of Climate Change on the Changing Arctic and Sub-Arctic Conditions (NATO Science for Peace and Security Series C: Environmental Security) / J. Nihoul, A. Kostianoy (eds.). – Dordrecht: Springer, 2009. – 248 p.

Количество политических и экспертных совещаний с участием представителей НАТО в то время свидетельствовало о том, что рассматриваемый вопрос был очень популярен³⁰². Ярким свидетельством этого факта стал семинар, посвященный Крайнему Северу и роли альянса в регионе, организованный западным блоком и Исландией в январе 2009 г. в Рейкьявике. По оценке Х. Хафтендорна, семинар был запоздалой реакцией на установку российского флага на дне Северного Ледовитого океана в 2007 г. и войну в Грузии 2008 г.³⁰³. В своем выступлении бывший генеральный секретарь НАТО (в 2004–2009 гг.) Я.Г. де Хооп Схеффер отметил, что «Крайний Север в ближайшие годы потребует еще большего внимания Североатлантического альянса»³⁰⁴. По его мнению, роль НАТО должна была заключаться в создании «безопасного пространства для обсуждения» ситуации по таким не военным направлениям, как: сохранение транспортных коридоров, безопасность судоходства, аварийно-спасательные работы, энергетический кластер. Однако, выступление Я.Г. де Хооп Схеффера затрагивало и Россию – прямо с точки зрения выстраивания возможного взаимодействия, и косвенно – с позиции «некоторых арктических государств, наращивающих свои военные возможности».

Одним из результатов представленных выступлений и обсуждений на вышеупомянутом экспертном семинаре 2009 г. стала публикация стратегического исследования НАТО: «Перспективы безопасности на Крайнем Севере: геостратегическая оттепель или заморозка?»³⁰⁵, которое основательно затронуло военные аспекты присутствия в регионе. В нем подчеркивалось, что, хотя альянс и играет важную роль в Арктике в отношении вызовов «мягкой» безопасности, нельзя забывать, что военные средства являются первостепенным фактором для альянса, обеспечивающим устойчивое развитие и стабильность в регионе.

³⁰² Łuszczuk M. The Formation of NATO's Approach to the Arctic in the First Decade of the 21st Century // NATO Towards the Challenges of a Contemporary World / Ed. by R. Czulda, R. Łoś. – Warsaw: International Relations Research Institute, 2013. – P. 193–206.

³⁰³ Haftendorn H. NATO and the Arctic: is the Atlantic alliance a cold war relic in a peaceful region now faced with non-military challenges // European Security. – 2011. – Vol. 20. – No. 3. – P. 337–361.

³⁰⁴ Speech by NATO Secretary General Jaap de Hoop Scheffer on security prospects in the High North on 29 January 2009 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. February 9, 2009. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_50077.htm (accessed: 15.10.2022).

³⁰⁵ Security Prospects in the High North: Geostrategic Thaw or Freeze? NDC Forum Paper / S. Holtsmark, B. Smith-Windsor (eds.). – Rome: NATO Defense College, 2009. – 199 p.

Аналогичные вопросы, схожие по тональности с указанным выше документом, были представлены в интервью премьер-министра Норвегии (ранее – Министр иностранных дел) Й.Г. Стёре на сайте журнала «Вестник НАТО» в марте 2009 г. Он также отметил, что наряду с выстраиванием сотрудничества, Альянс должен выполнять традиционную роль сдерживания, и, кроме того, у Норвегии нет никаких иллюзий относительно возросшей военной активности России в Арктике – причина, по которой присутствие блока необходимо в регионе³⁰⁶.

Стоит полагать, что одной из причин, побудившей НАТО начать пересмотр своей концепции в отношении Заполярья стал алармистский подход отдельных стран-членов, зарубежных исследователей и СМИ, пытавшихся усмотреть в отечественной стратегии безопасности в Арктике тренд на милитаризацию региона³⁰⁷. Всё более настойчивыми становились призывы Норвегии к необходимости пересмотра концепции арктической безопасности. В 2007 г. бывший министр обороны А.-Г. Стрем-Эриксен утверждала, что наращивание военной мощи России и стратегическое значение Крайнего Севера иллюстрируют постоянную актуальность НАТО для обеспечения стабильности в регионе. На неформальной встрече министров Альянса в 2008 г. Норвегия выдвинула «Инициативу основной области»³⁰⁸, как неофициальный документ, с предложением о том, чтобы блок больше сосредоточился на своих основных задачах, а также на проблемах непосредственно на периферии альянса.

Данная инициатива была направлена на то, чтобы «вернуть НАТО к основам» (то есть к территориальной обороне). Можно говорить о том, что Норвегия действовала в духе либеральных нарративов, стремясь мотивировать третьих акторов содействовать ее интересам. Обратившись с инициативой к НАТО, страна продолжала и далее балансировать между обращением внимания альянса на регион (сдерживание) и необходимостью кооперации с Россией.

³⁰⁶ Interview: Norway's Minister of Foreign Affairs, Jonas Gahr Store [Electronic resource] // NATO Review. March 18, 2009. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2009/03/18/interview-norway-s-minister-of-foreign-affairs-jonas-gahr-store/index.html> (accessed: 16.10.2022).

³⁰⁷ См. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Ремилитаризация Арктики и безопасность России // Национальная безопасность. – 2013. – № 6. – С. 55–67.

³⁰⁸ Haraldstad M. Embetsverkets rolle i utformingen av norsk sikkerhetspolitikk: Nærområdeinitiativet // Internasjonal Politikk. – 2014. – Vol. 72. – No. 4. – P. 431–451.

В 2013 г. бывший генеральный секретарь альянса А. Фог Расмуссен четко обозначил нейтральную позицию, заявив, что НАТО не намерена наращивать свое присутствие и активность на Крайнем Севере. Однако, всё же, несмотря на позитивную официальную риторику, Североатлантический альянс продолжал проводить регулярные и достаточно крупномасштабные учения в регионе. В результате неоднородных западных оценок по отношению к России в Арктике, к 2014 г. складывалась дихотомия мнений: кто-то настаивал, что она представляет собой угрожающее военным присутствием государство с экспансионистскими планами на Арктику³⁰⁹, порой озабоченность по поводу отечественной деятельности формулировалась как «изменяющаяся среда безопасности в Заполярье»³¹⁰, а кто-то всё же просматривал взвешенное и мирное видение российской арктической политики³¹¹. Однако отечественный вектор оставался перманентно неизменным: как справедливо отметили В.Н. Конышев и А.А. Сергунин, Россия – это конструктивно вовлеченный в проблемы региона актер, учитывающий интересы своих арктических соседей и партнеров, открытый к сотрудничеству³¹².

Таким образом, возвращение циркумполярных вопросов в повестку дня НАТО в более обстоятельном ключе наблюдается к 2014 г. Стратегический императив для блока в отношении того, чтобы закреплять военный потенциал в Арктике или проводить военные учения на Крайнем Севере до рассматриваемого времени, в целом, продолжал оставаться умеренно ограниченным – многие страны на Западе были по-прежнему сосредоточены на улучшении отношений с Россией. Однако, наряду с учениями в практическом измерении, все более отчетливо прослеживались призывы к изменению политики НАТО в регионе.

Третий этап (2014–2020 гг.) – это период, в условиях которого к 2014 г. «картина спокойствия» в Арктике начала постепенно меняться. На фоне общего

³⁰⁹ Laruelle M. *Russia's Arctic Strategies and the Future of the Far North*. – New York: Routledge, 2014. – 280 p.

³¹⁰ Østhaugen A. *Norway's Arctic policy: still high North, low tension?* // *The Polar Journal*. – 2021. – Vol. 11. – No. 1. – P. 75–94.

³¹¹ Wilson Rowe E., Blakkisrud H. *A New Kind of Arctic Power? Russia's Policy Discourses and Diplomatic Practices in the Circumpolar North* // *Geopolitics*. – 2014. – Vol. 19. – No. 1. – P. 66–85.

³¹² Konyshov V., Sergunin A. *Is Russia a revisionist military power in the Arctic?* // *Defense & Security Analysis*. – 2014. – Vol. 30. – No. 4. – P. 323–335.

ухудшения отношений России и Запада в силу украинского кризиса отдельные северные члены НАТО были обеспокоены тем, что российская сторона также в ответ на неоднозначную политику альянса начала проводить оперативно-тактические учения в Арктике. Особенно это беспокоило внеблоковую Швецию, которая ссылалась на то, что в учениях России якобы фигурировала имитация авиаудара по военным объектам близ Стокгольма и на юге страны. В этой связи она настаивала на расширении сотрудничества в области противовоздушной обороны на Крайнем Севере. Безусловно, факт начала российских учений был обозначен тем, что уже несколько лет оборонное сотрудничество между скандинавскими государствами-членами НАТО и так углублялось, что привело к регулярным совместным учебным мероприятиям³¹³. США, Великобритания и другие союзники по НАТО получили приглашение к серии скандинавских учений “Arctic Challenge”. Данное действие стало четким сигналом о том, что страны Северной Европы, их союзники и партнеры по альянсу вступают в конфронтацию с Россией, используя в качестве формального прикрытия желание защищать воздушное пространство в регионе.

Поскольку конфликт в тот момент только начинался, то тон и заявления со стороны НАТО были достаточно сдержанными, выражающими надежды на быстрое улучшение ситуации. Воссоединение Крыма с Россией в марте 2014 г., окончательно обозначило распад военного сотрудничества между Российской Федерацией и странами альянса, что затронуло и столь хрупкое взаимодействие по Арктике. Отечественная сторона была исключена из различных арктических форумных площадок для диалога, таких как встречи начальников Генштабов вооружённых сил стран-членов Арктического совета и Круглый стол сил безопасности Арктики³¹⁴. Многие союзники по НАТО стали более резко критиковать российскую военную активность, в том числе на «европейском Крайнем Севере» и вблизи него: в ее число входили крупномасштабные учения России, а также утверждения о том, что отечественные вооруженные силы

³¹³ Efstad S. The Nordic Region // Security in Northern Europe: Deterrence, Defense and Dialogue / Ed. by J.A. Olsen. – London: Routledge, 2018. – P. 37–48.

³¹⁴ Бхагват Д. Арктическое военное присутствие и его влияние на развитие Северного морского пути // Арктика и Север. – 2022. – № 48. – С. 91–118.

нарушали территориальные воды и воздушное пространство стран Северной Европы и Балтии, имитировали бомбардировки военных объектов, создавали помехи для РЛС в районе учений НАТО “Trident Juncture”³¹⁵.

В сложных геополитических условиях начались первые признаки изменения стратегии альянса в отношении Арктики, выраженные в существенной активизации военных учений. В частности, с 2015 г. учения НАТО “Dynamic Mongoose” были вынесены на арктическую повестку дня альянса и стали ежегодными, якобы отражая растущую обеспокоенность российской активностью в Северной Атлантике и на Крайнем Севере. Активную позицию в сфере перевооружений заняли и северные соседи России по Арктике – в 2015 г. Норвегия одной из первых получила два новых самолета F-35 (всего страной заказано 52 машины такого типа³¹⁶) для обновления своих ВВС³¹⁷.

Если ранее акценты ряда северных стран НАТО на «российской угрозе» оставались незамеченными, то в условиях геополитического слома отношений после 2014 г. это начало приносить свои плоды на уровне общей повестки альянса. Приспосабливаясь к процессу адаптации блока в Арктике, официальная риторика менялась в сторону конфронтации. В апреле 2016 г. генеральный секретарь Й. Столтенберг подтвердил присутствие НАТО на Крайнем Севере, отметив, что датские, исландские и норвежские вооруженные силы являются опорными в регионе. Он подчеркнул, что альянс должен внимательно следить за развитием событий в Заполярье из-за российской военной активности³¹⁸.

В 2016 г. лидеры НАТО на саммите в Варшаве инициировали процесс адаптации структуры органов военного командования блока с целью сделать ее

³¹⁵ Boulègue M. Russia’s Military Posture in the Arctic: Managing Hard Power in a “Low Tension” Environment. NDC Research Paper. – Rome: NATO Defense College, 2019. – 71 p.

³¹⁶ Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 104 с.

³¹⁷ Mikkola H. The Geostrategic Arctic. Hard Security in the High North. Briefing Paper No. 259. – Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2019. – 8 p.

³¹⁸ Projecting Stability: Charting NATO's Future'. Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg to the Atlantic Council on 6 April 2016 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. April 8, 2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_129758.htm (accessed: 15.11.2022).

«более пригодной в изменившихся условиях безопасности»³¹⁹. В своем выступлении на сессии Парламентской ассамблеи НАТО в мае 2017 г. экс-заместитель генерального секретаря блока Р. Геттемюллер отметила, что альянс проанализирует военное измерение своей деятельности в Арктике³²⁰.

В 2018 г. в альянсе договорились создать два ранее упомянутых новых объединенных военных командования. В том же году Североатлантический альянс провел крупнейшие учения “Trident Juncture”, сценарий которых предполагает совместное отражение союзниками по блоку внешней военной агрессии в рамках статьи 5 устава НАТО о коллективной обороне. Кроме того, на рассматриваемых манёврах испытывались практические возможности альянса по кризисному управлению в условиях кибератак высокой интенсивности³²¹.

В 2019 г. альянс принял новую военную стратегию в рамках более широкой адаптации к изменившейся обстановке в области безопасности³²². На основе этого документа союзники одобрили, как концепцию практической реализации намеченных планов, так и основу для развития военного инструмента сил НАТО. И хотя этот подход принципиально распространяется на весь потенциальный театр военных действий, ни в документе, ни в Лондонской декларации глав государств и правительств стран НАТО³²³, вновь не упоминалась ни Арктика, ни Крайний Север, оставляя в них лишь броские фразы о «агрессивных действиях России как угрозы для безопасности» близ границ стран блока.

Можно говорить о том, что такие шаги, как создание Объединенного командования сил «Норфолк», проведение широкомасштабных регулярных учений и, в особенности, – начало практики откровенно антироссийских

³¹⁹ Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. July 1, 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (accessed: 15.11.2022).

³²⁰ Speech by NATO Deputy Secretary General Rose Gottemoeller at the NATO Parliamentary Assembly session on 29 May 2017 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. May 30, 2017. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144090.htm (accessed: 15.11.2022).

³²¹ Манойло А.В. Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 3. – С. 164.

³²² NATO: Ready for the Future. Adapting the Alliance (2018-2019) [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. November 21, 2019. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_11/20191129_191129-adaptation_2018_2019_en.pdf (accessed: 16.11.2022).

³²³ London Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London 3-4 December 2019 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. July 1, 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm (accessed: 16.11.2022).

тренировочных манёвров (как, например, “Trident Juncture”), сигнализировали о значительном изменении позиции НАТО в силу стремления использования Арктики, как попытки и инструмента давления на Россию. Менее ясным оставался вопрос наличия какой-либо совместно согласованной стратегии, лежащей в основе молчаливой трансформации подхода НАТО к Заполярью – альянс, по большей части, по-прежнему воздерживался от публичного обсуждения своей озабоченности по поводу коллективной обороны в Арктике.

Четвертый этап (2020 г. – настоящее время) – это период, отличающийся наиболее выраженным переходом НАТО от умеренной политики в Арктике с акцентом на усилении антироссийской риторики к ярко выраженному соперничеству. Уже в мае 2020 г. помощник генерального секретаря НАТО по оборонным инвестициям К. Гранд отметила, что «рабочее предположение 10 лет назад заключалось в том, что Крайний Север был скорее регионом, защищенным от стратегической конкуренции и рисков, тогда как сегодня мы видим нечто гораздо большее, чем игра силой»³²⁴.

Несмотря на отсутствие у блока профильного документа стратегического планирования по Крайнему Северу, в ноябре 2020 г. генеральный секретарь альянса представил доклад, где в качестве рекомендации для политики в регионе отмечается следующее: «НАТО должна повысить осведомленность о ситуации на Крайнем Севере и в Арктике, а также разработать стратегию, которая учитывает более широкие планы сдерживания»³²⁵. Вместе с тем, в документе содержатся призывы к тому, чтобы альянс был готов противостоять любой агрессии, которая исходит от государств в регионе и обеспечивать свободу судоходства в Заполярье.

На Брюссельском саммите НАТО 2021 г. термин «Крайний Север» упоминался один раз в традиционном векторе риторики о том, что блок продолжит осуществлять «необходимые и скоординированные действия в

³²⁴ Sprenger S. NATO’s Camille Grand on the alliance’s Arctic tack [Electronic resource] // Defense News. May 12, 2020. URL: <https://www.defensenews.com/global/europe/2020/05/11/natos-camille-grand-on-the-alliances-arctic-tack/> (accessed: 16.11.2022).

³²⁵ NATO 2030: United for a New Era. Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General on 25 November 2020 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. November 26, 2020. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (accessed: 18.11.2022).

поддержку интересов безопасности Североатлантического альянса в регионе»³²⁶. По итогам Вильнюсского саммита НАТО в 2023 г. данный тезис был дополнен цитированием из Стратегической концепции 2022 г. о «вызове» в Арктике³²⁷.

Тем не менее, в период до 2022 г. вновь можно заметить расхождение публичных заявлений и практических действий НАТО в Заполярье: в частности, начавшее работу в сентябре 2020 г. Командование объединенных сил в Норфолке, ставшее новым штабом альянса в Атлантике, в июле 2021 г. объявило о достижении полного оперативного потенциала и, следовательно, укрепило свои возможности в контексте курирования морского пространства Арктики. Второй флот США был воссоздан и передан штабу НАТО, находящемуся под управлением страны-лидера альянса, что может обеспечить заметное увеличение потенциала и большую гибкость для блока на обозримую перспективу.

Начало российской специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. обусловило новый виток перспектив военного укрепления западного блока в Заполярье. Не столь уверенная ранее официальная риторика НАТО по Арктике тоже претерпевает трансформацию – если посмотреть на заявления генерального секретаря альянса по вопросам региона и сравнить их даже с 2020–2021 гг., то налицо видны более решительные формулировки: «присутствие на Крайнем Севере абсолютно необходимо для всего альянса»³²⁸ или «возможности России в Заполярье являются стратегическим вызовом для Североатлантического альянса»³²⁹, чего не было еще и годом ранее. На официальном уровне, не скрывая ряда предпринимаемых мер отмечается, что: «В результате проецирования российской военной мощи в регионе арктические союзники по блоку опубликовали обновленные стратегии, активизировали патрулирование и учения

³²⁶ Brussels Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 14 June 2021 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. July 1, 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (accessed: 18.11.2022).

³²⁷ Vilnius Summit Communiqué. Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. July 11, 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (accessed: 12.07.2023).

³²⁸ Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the 68th Annual Session of the NATO Parliamentary Assembly on 21 November 2022 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. November 22, 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_209237.htm (accessed: 23.11.2022).

³²⁹ Joint press conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Prime Minister of Canada, Justin Trudeau on 26 August 2022 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. August 26, 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_206908.htm (accessed: 18.11.2022).

на Крайнем Севере, увеличили инвестиции в военно-оборонительные комплексы для улучшения ситуационной осведомленности в Заполярье»³³⁰.

Актуальной становится угроза расширения деятельности альянса на арктическое пространство в контексте недавнего решения Финляндии и Швеции о вступлении в НАТО, уже закрепленного практическими результатами (первое отмеченное государство стало членом блока 4 апреля 2023 г.). Посол по особым поручениям МИД России Н.В. Корчунов неоднократно отмечал, что вопрос принятия вышеуказанных стран в Североатлантический альянс внесет коррективы в развитие сотрудничества в Арктике. Изложенная позиция тесно увязывается с контекстом, на который рассчитывает Запад: присоединение Финляндии и Швеции к НАТО, очевидно, несет в себе новые вызовы и угрозы для национальной безопасности России со стороны северных рубежей. Вместе с этим важно отметить, что уже с состоявшимся вхождением Финляндии в блок, общая граница России с альянсом увеличилась более чем на 1200 км, достигнув значения в 2600 км.

Руководствуясь тезисом о стратегическом сдерживании, эксперт Д. Нагасима отмечает, что поскольку почти все страны, граничащие с Балтийским морем, станут членами НАТО, доступ России в ее «анклав Калининграда» станет более трудным, а деятельность отечественного флота будет «строго ограничена» в связи со значительным затруднением доступа к Атлантическому океану³³¹. Как указывает сербский исследователь В. Тодич, ряд польских аналитиков считает, что акватория рассматриваемого Балтийского моря может стать «озером НАТО», что, по их мнению, даст Западу стратегическое преимущество перед Москвой³³².

Обозначенные выше мнения не лишены здравого смысла, в подтверждение чего следует упомянуть об участии Швеции и Финляндии в учениях НАТО

³³⁰ Russia's Invasion of Ukraine and Climate Change Significantly Impact Short and Long-Term Arctic Stability [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization Parliamentary Assembly. September 23, 2022. URL: <https://www.nato-pa.int/news/russias-invasion-ukraine-and-climate-change-significantly-impact-short-and-long-term-arctic> (accessed: 21.11.2022).

³³¹ Nagashima J. What Membership for Finland and Sweden Would Mean for NATO's Evolution [Electronic resource] // The Sasakawa Peace Foundation. June 24, 2022. URL: https://www.spf.org/iina/en/articles/nagashima_12.html (accessed: 23.11.2022).

³³² Todić V. Postaje li Baltičko more 'NATO jezero (Is the Baltic Sea becoming a 'NATO lake?') [Electronic resource] // Politika. May 22, 2022. URL: <https://www.politika.rs/sr/clanak/507805/Postaje-li-Balticko-more-NATO-jezero> (accessed: 25.11.2022).

“BALTOPS 22” в Балтийском море. Остров Готланд (Швеция), на котором и вокруг которого проводились учения, с 2005 г. был полностью демилитаризован, но с 2018 г., опираясь на заявления об «угрозе возможной российской оккупации части прибалтийской страны»³³³, Швеция начала наращивание военной инфраструктуры, а в 2019 г. развернула обновленную систему ПРО.

Перспективы сценария придания новой роли Финляндии в НАТО и дальнейшего вступления Швеции, как представляется исходя из проведенного контент- и ивент-анализа деятельности альянса в Арктике, будут развиваться в соответствии с неореалистской теорией К. Уолтца³³⁴, когда направленные агрессивные импульсы одного актора будут побуждать к ответной реакции другого и международная система на длительное время погрузится в конкуренцию силы и анархии. На практике это рискует выглядеть следующим образом: усиление военного потенциала НАТО будет и далее провоцировать расширение ответных, но оборонительных мер со стороны России, что в свою очередь, вновь даст аналогичный эффект и приведет к новым провокациям со стороны стран альянса, которые и так на протяжении многих лет проводят регулярные крупномасштабные учения с четкой направленностью вблизи воздушного и водного пространства России, в последние годы только учащаясь. Кроме того, напряженность будет и далее нарастать из-за сосредоточения большего количества военных контингентов у границ Прибалтики и в Норвегии.

Изложенное дополняется и быстротекущей активизацией практических шагов стран-членов НАТО. Так, например, Армия США (сухопутные войска), на фоне роста внимания к Арктике, реорганизует свои подразделения в штате Аляска, преобразовав их в 11-ю воздушно-десантную дивизию, специально подготавливаемую для ведения потенциальных боевых действий в условиях низких температур. Кардинальное изменение военно-политического статуса двух арктических стран, вероятно повлечет за собой изменения и в развитии сотрудничества альянса в высоких широтах, так как в рассматриваемых странах в

³³³ Higgins I. How Sweden's idyllic Gotland island could become a strategic 'watchtower' in the north to keep an eye on Vladimir Putin [Electronic resource] // ABC News. June 25, 2022. URL: <https://www.abc.net.au/news/2022-06-26/sweden-gotland-island-could-be-key-to-nato-bid/101179346> (accessed: 27.11.2022).

³³⁴ Waltz K. Theory of International Politics. – New York: McGraw Hill, 1979. – 251 p.

перспективе могут появиться военные объекты НАТО, включая ударные средства, что, наряду с американской активностью в регионе, несет несомненную угрозу для национальных интересов России на северном направлении.

Интерпретировать наблюдаемые к 2022 г. нарративы и практические шаги по активизации деятельности НАТО в Арктике представляется возможным сквозь призму концепции баланса угроз С. Уолта³³⁵. Наглядно действия альянса демонстрируют все три переменные данного подхода: во-первых, периодическое обоснование географической близости и неизбежности «российской угрозы» в официальной риторике представителей высших должностных лиц НАТО; во-вторых, развертывание наступательного потенциала, выраженное в регулярных военных учениях вблизи российских северных границ и строительстве инфраструктуры; в-третьих, т.н. «намерения к действию», проявляющиеся в перманентных заявлениях и призывах северных союзников НАТО, подкрепляемые соответствующими шагами. Все это идет к единой цели – опираясь на изобретенный нарратив «российской угрозы» искусственно создать воплощение дилеммы безопасности, при которой усиление могущества одного актора привело к стратегически просчитанному увеличению расходов на оборону и активизации военно-политических устремлений в Арктике со стороны НАТО.

Итогом складывающихся геополитических реалий является тот факт, что конфликт в Арктике, в том числе, спровоцированный событиями вне региона, уже нельзя исключать. Как подчёркивает Р. Калфаоглу, складывающееся положение дел в Арктике может трансформировать ее в регион военной напряженности и острой конкуренции³³⁶. В свою очередь Ю.Я. Белобров уже рассматривает наблюдаемые в настоящее время негативные тенденции в Заполярье как переход к фазе жесткого противостояния³³⁷. Тем не менее, несмотря на возвращение риторики о сдерживании и желание «увидеть ослабление России в военном

³³⁵ Walt S.M. Alliance Formation and the Balance of World Power // *International Security*. – 1985. – Vol. 9. – No. 4. – P. 3–43.

³³⁶ Калфаоглу Р. Энергетическая политика России в Арктике: международный аспект: дисс. ... канд. полит. наук: 5.5.4. – М., 2022. – 205 с.

³³⁷ Белобров Ю.Я. НАТО - курс на дестабилизацию Арктики // *Международная жизнь*. – 2022. – № 10. – С. 70–83.

отношении»³³⁸, страны НАТО все еще, как представляется, обеспокоены необходимостью избегать любой прямой международной эскалации, при этом, арктический регион с большой вероятностью займет фундаментальное место в сетевой стратегии альянса по сдерживанию России (а в перспективе и Китая).

Вместе с этим необходимо отметить, что наблюдаемый в настоящее время пиковый период в общем системном противостоянии по линии Россия-Запад будет, как считает автор настоящего исследования, использоваться со стороны НАТО предельно эффективно. Таковой подход включает в себя не только ставшее уже традиционным отражение России как «угрозы», в связи чем возникает обоснование необходимости увеличения трат на военные нужды среди рядовых налогоплательщиков внутри стран альянса, но и принятие мер, направленных на выработку комплексной стратегии НАТО в Арктике. Ведущую роль в рамках данного вектора в альянсе может получить Финляндия – страна, которая в настоящее время нацелена на адаптацию к «реалиям новой холодной войны» и «продолжение разработки арктической стратегии для НАТО»³³⁹, выступает в качестве выгодной идеологической опоры для блока. В свете начала пересмотра и выработки новых региональных оборонительных концепций альянса на фоне исходящей т.н. «российской угрозы»³⁴⁰, не лишены возможной практической реализации и выдвигаемые в 2023 г. идеи о создании специального Арктического командования³⁴¹. Наблюдаемый сценарий неизбежно подталкивает НАТО к дальнейшему увеличению активности на Крайнем Севере³⁴².

Со стороны лидера НАТО – Соединенных Штатов Америки, тенденция, направленная на выстраивание соперничества и поддержание откровенно

³³⁸ Ryan M., Timsit A. U.S. wants Russian military ‘weakened’ from Ukraine invasion, Austin says [Electronic resource] // The Washington Post. April 25, 2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/25/russia-weakened-lloyd-austin-ukraine-visit/> (accessed: 30.11.2022).

³³⁹ Humpert M. New Finnish Government Report Finds More Complicated Arctic Security Environment [Electronic resource] // High North News. October 12, 2022. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/new-finnish-government-report-finds-more-complicated-arctic-security-environment> (accessed: 24.03.2023).

³⁴⁰ Wall C., Wegge N. The Russian Arctic Threat: Consequences of the Ukraine War. CSIS Briefs [Electronic resource] // The Center for Strategic and International Studies. January 25, 2023. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-01/230125_Wall_RussianArcticThreat_0.pdf (accessed: 24.03.2023).

³⁴¹ Mottola L. NATO's Arctic Command: A Case for the Expansion of NATO's Mission in the High North [Electronic resource] // The Arctic Institute. January 17, 2023. URL: <https://www.thearcticinstitute.org/nato-arctic-command-case-expansion-nato-mission-high-north/> (accessed: 24.03.2023).

³⁴² Cinciripini L. From East to North: New Frontiers for the EU-NATO Arctic Defence // Transatlantic Policy Quarterly. – 2023. – Vol. 21. – No 4. – P. 143–152.

антироссийской истерии³⁴³, вероятно, будет сохранена. Как отметил 15 февраля 2023 г. советник Государственного департамента США Д. Шолле: «Россия – важная держава в Арктике. Тем не менее наше с ней сотрудничество в регионе в обозримом будущем представляется невозможным»³⁴⁴.

В условиях современного хаоса, неразрывно связанного с наблюдаемым в настоящее время переходным характером международного порядка, США предпринимают безуспешные и отчаянные попытки зацепиться за всё более пребывающую в упадок собственную гегемонию, в том числе и в Заполярье. Применительно к Крайнему Северу это отчётливо прослеживается в актуальной редакции арктической стратегии США 2022 г., где, наряду с планами по наращиванию присутствия в регионе констатируется, что возобновление сотрудничества с Россией «возможно при определенных условиях»³⁴⁵. Однако совершенно очевидно, что под данной формулировкой понимается следование небезызвестному «порядку, основанному на правилах», а ее закрепление в рассматриваемой стратегии, как представляется, есть не что иное как очередная напористая попытка США последовательно выстроить фасад легитимности уже утратившего свою актуальность однополярного подхода и создать видимость общемирового консенсуса.

Ощущая риск и неопределённость, США концентрируют усилия и средства, которые направляются на любую возможность продлить своё утрачиваемое и относительное преимущество. В случае с Арктикой это отчетливо прослеживается в выстраиваемом курсе на наращивание физического военного присутствия, с приданием блоку НАТО особой роли в этой связи. Страны-члены альянса, выступающие одновременно и сателлитами США, продолжают следовать в фарватере политики своего лидера, усиливая вызовы и угрозы как для «мягкой», так и для «жесткой» безопасности в Арктике. Вместе с этим, начинают

³⁴³ Слущкий Л.Э. Чем больше американские притязания на мировое господство, тем больше шельмуется Россия // *Международная жизнь*. – 2018. – № 9. – С. 37–46.

³⁴⁴ США заявили, что не видят будущего сотрудничества с Россией в Арктике [Электронный ресурс] // РИА Новости. 15 февраля 2023. URL: <https://ria.ru/20230215/arktika-1852285089.html> (дата обращения: 24.03.2023).

³⁴⁵ National Strategy for the Arctic Region [Electronic resource] // The official website of the White House. October 7, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (accessed: 10.02.2023).

проявляться первые практические шаги по дальнейшему осложнению обстановки в военном измерении на Крайнем Севере, выраженные в целенаправленном освоении альянсом территории нового члена – Финляндии, получившей, кроме того, в августе 2023 г. одобрение от США на приобретение системы ПРО «Праца Давида»³⁴⁶. Как констатировал в этом же месяце Министр обороны Российской Федерации С.К. Шойгу, угрозы военной безопасности на северо-западе страны кратно возросли³⁴⁷, поскольку вероятное размещение сил и ударных вооружений НАТО в Финляндии влечет за собой возможность поражения критически важных объектов на территории рассматриваемого региона России³⁴⁸.

Подводя итог данному параграфу, можно говорить о том, что несмотря на кажущуюся новизну ситуации: это и постепенный «поворот НАТО на Север» с 2006 г., ускоренный после 2014 г. и возведенный в абсолют в 2020–2022 гг., планы на новые границы альянса в Балтике с приданием особой роли Швеции и Финляндии в Арктике, растущее военное присутствие неарктических союзников членом альянса в регионе и пр., стремление НАТО к Крайнему Северу и его обоснование являются частью давней закономерности.

Возвращаясь к неореализму американского политолога К. Уолтца, можно говорить о связи поведения акторов в международной системе (зависимая переменная) с её структурой (независимая переменная). Распределение власти между составляющими участниками прямо влияет на структуру международной системы, а также на их статус, но из-за перманентной анархии в ней все акторы должны самостоятельно заботиться о своей безопасности: с одной стороны, их выживание зависит от развития собственных средств, с другой стороны – это закономерно влияет на поведение других. Данная модель вполне накладывается на соперничество НАТО и России в Арктике: расширение присутствия альянса в регионе привело к осязаемому дисбалансу сил. В «анархической» системе международной политики блок постоянно стремится реагировать на любое

³⁴⁶ Правительство США одобрило продажу системы ПРО "Праца Давида" Финляндии [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2 августа 2023. URL: <https://ria.ru/20230802/pro-1887875029.html> (дата обращения: 02.08.2023).

³⁴⁷ Шойгу заявил об угрозе безопасности России со стороны Польши и Финляндии [Электронный ресурс] // РИА Новости. 9 августа 2023. URL: <https://ria.ru/20230809/ugrozy-1889044329.html> (дата обращения: 09.08.2023).

³⁴⁸ В Финляндии могут разместить дальнобойное оружие НАТО, заявил Шойгу [Электронный ресурс] // РИА Новости. 9 августа 2023. URL: <https://ria.ru/20230809/oruzhie-1889041387.html> (дата обращения: 09.08.2023).

расширение российской сферы влияния, с целью гарантировать собственную безопасность и продолжить извлекать геостратегические выгоды. Альянс планомерно возвращал в своей риторике и действиях «российскую угрозу», после чего намеренно реагировал на активность России с точки зрения расширения политического, экономического и военного присутствия в Арктике (независимая переменная), поскольку тем самым альянс якобы видел угрозу своей безопасности (промежуточная переменная). Это закономерно побудило Россию предотвратить дальнейшее одностороннее усиление военной мощи Запада в регионе, путем укрепления своего военно-оборонительного и экономического потенциала (зависимая переменная). Рассматриваемая причинно-следственная цепочка прослеживается во всей ретроспективе действий НАТО и России в Арктике.

Из вышеизложенного вытекает, что конфронтация альянса с Российской Федерацией при её глобальном осмыслении также не является чем-то новым, а стремление к выгодным арктическим позициям и ресурсам имеет решающее значение для способности поддерживать главную цель – ослабить Россию. В условиях обострения отношений, наблюдаемого в настоящее время, взаимные обвинения и предупреждения двух рассматриваемых сторон соперничества об угрозе, которую они представляют друг для друга, не с нулевой степенью вероятности рискуют превратиться в самосбывающееся пророчество. Сложившаяся ситуация демонстрирует классическую дилемму безопасности. При этом ни одна из сторон не проявляет готовности отступить от данного концепта: для НАТО это вопрос сохранения доверия к своей приверженности коллективной обороне; для России – ее главный оппонент продвинулся к границам, откровенно игнорирует призывы к возобновлению замороженного с 2014 г. диалога в военно-политическом измерении в Арктике и намерен отрицать как имеющиеся неотъемлемые национальные интересы страны на безопасность, так геополитические и экономические аспекты деятельности на Крайнем Севере. Необходимо констатировать, что рост напряженности в Арктике не является результатом взаимного недопонимания, так как действия обеих сторон вполне преднамеренны и отражают конфликт интересов.

3.2. Освоение Арктического региона Российской Федерацией: проблема восприятия со стороны государств-членов Североатлантического альянса

С завершением первого десятилетия XXI в. арктическая риторика вновь обрела конфронтационный характер, постепенно приобретая антироссийскую направленность. Целесообразным видится рассмотреть и детализировать процесс освоения Арктического региона со стороны России в его ретроспективе и эволюции (фиксируя при этом его восприятие странами Запада), применяя вторую разработанную по результатам проведенного исследования концепцию авторской периодизации, опирающуюся на четырёхэтапную структуру.

Первый этап (2000–2007 гг.) – это период низкой заинтересованности России в освоении Крайнего Севера. Если в советский период стремительно формировался так называемый «Арктический щит», включавший экономику, военно-стратегическую и транспортную мощь, то распад СССР и последующее перестраивание геополитической карты не могло не отразиться на арктической стратегии современной России. Как подчеркивает главный научный сотрудник ИРИ РАН Ю.Н. Жуков: «события 1991–1993 гг. разбили Арктический щит вдребезги»³⁴⁹. Активность России в Арктической зоне практически на десятилетие пришла в упадок. Как справедливо отмечают В.Н. Коньшев и А.А. Сергунин, с окончанием холодной войны Арктика потеряла для России военно-стратегическое значение, которое придавалось ей в период противостояния СССР с Западным блоком³⁵⁰. Временный уход Арктического региона из внутренней повестки дня привел к тяжелым условиям в социально-экономической обстановке Севера, а

³⁴⁹ Жуков Ю.Н. Сталин: Арктический щит. – М.: Вагриус, 2008. – 544 с.

³⁵⁰ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Российские подходы к арктической безопасности // Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир / Отв. ред. О.П. Иванов. – М.: Проспект, 2020. – С. 314–334.

попытки исправить положение, предпринимавшиеся правительством в переходный период 1990-х гг., были безуспешными. На рубеже веков данный период учёные ИМЭМО РАН описывали как «бедствие в российской Арктике»³⁵¹.

Только с началом XXI в. начали происходить продвижения в арктической стратегии страны, что во многом было обусловлено избранием на пост Президента России В.В. Путина в марте 2000 г. В ходе апрельского выступления 2000 г. в Мурманске он отметил, что «северные территории – наш стратегический резерв не только на следующий век, но и на более далекую перспективу ... они должны стать важнейшей опорой для развития российской государственности, весомым внешнеэкономическим и внешнеполитическим аргументом»³⁵². Россия оказалась в числе первых государств Заполярья, сформулировавших собственную арктическую стратегию (первой стала Норвегия в 2006 г.). Так, 14 июня 2001 г. был одобрен проект документа «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике»³⁵³. Тем не менее, чтобы разработать окончательный вариант первой арктической стратегии России, потребовалось ещё семь лет.

Второй этап (2007–2014 гг.) – это период, где наблюдать первую волну интереса Запада к отечественной арктической политике можно с экспедиции «Арктика-2007», в ходе которой на дне Северного Ледовитого океана был установлен титановый флаг России, что стало одним из выдающихся событий современного периода по сугубо научному освоению Арктики. Результаты экспедиции послужили опорой для проработки концептуальных основ ведения стратегии России по научно-техническому и экономическому освоению региона.

Именно с этого момента начинается открытие «арктического фронта» в противостоянии России и Запада. Представитель Госдепартамента США при администрации Дж. Буша Т. Кейси по итогам экспедиции заявил, что «действия

³⁵¹ Арктика: интересы России и международные условия их реализации / Авт. кол. Ю.Г. Барсегов (рук. проекта), В.А. Корзун, И.М. Могилевкин (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 2002. – 356 с.

³⁵² Выступление Президента России В.В. Путина на совещании по проблемам Северного морского пути и судостроения [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 5 апреля 2000. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21346> (дата обращения: 03.12.2022).

³⁵³ См.: Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике. Одобрены на заседании Правительства Российской Федерации 14 июня 2001 г. Протокол № 24, раздел III, п. 1. [Электронный ресурс] // Архивный сайт Управления экономики окружающей среды и природных ресурсов Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации (преобразовано в Министерство экономического развития Российской Федерации в 2008 г.). URL: <http://www.sci.aha.ru/econ/A111c.htm> (дата обращения: 21.11.2022).

России не имеют никакого юридического статуса»³⁵⁴. Аналогичную риторику поддержали и в Канаде – бывший глава МИД П. Маккей заявил, что «нельзя ездить по миру, устанавливая флаги и заявлять: «Это наша территория»»³⁵⁵.

В условиях существующей на тот момент стабильности в отношениях России и Запада, данная риторика вызвала недоумение и небезосновательную озабоченность. Как отметил глава МИД России С.В. Лавров, заявления коллег крайне удивили, а цель таких обыденных действий вполне обоснованна – так поступают любые первооткрыватели. Весьма емко западную риторику в ответ на российскую экспедицию озаглавили В.Н. Коньшев и А.А. Сергунин, назвав это ростом алармистских настроений³⁵⁶. Как итог, реакцией на научную экспедицию арктической страны стала необоснованная волна антироссийской истерии, подпитываемая Госдепом США и их союзниками, выразившими готовность противодействовать «претензиям Москвы на богатый ресурсами океанический шельф»³⁵⁷. Это не привело к изменению российского видения Арктики как зоны сотрудничества, но повлекло за собой некоторые шаги для оборонительных целей – в августе 2007 г. Россия, впервые с окончания холодной войны, возобновила патрулирование воздушного и морского пространства Заполярья³⁵⁸.

В сентябре 2008 г. Президент России в 2008–2012 гг. Д.А. Медведев утвердил «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»³⁵⁹. В шестистраничном документе были впервые перечислены национальные интересы страны в регионе: освоение ресурсов Арктики; превращение Северного морского пути в единый

³⁵⁴ Daily Press Briefing by Deputy Spokesman Tom Casey on 2 August 2007 [Electronic resource] // The official archive of the United States Department of State website (2001–2009). August 2, 2007. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/dpb/2007/aug/90016.htm> (accessed: 04.12.2022).

³⁵⁵ Арктический успех России не дает покоя США и Канаде [Электронный ресурс] // Известия. 3 августа 2007. URL: <https://iz.ru/news/405495> (дата обращения: 04.12.2022).

³⁵⁶ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? / Под ред. канд. геол.-минер. наук И.В. Прокофьева. – М.: РИСИ, 2011. – 194 с.

³⁵⁷ Габуев А. Холодная война пришла на север [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 4 августа 2007. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/792832> (дата обращения: 04.12.2022).

³⁵⁸ Аржанов И.А. Усиление присутствия НАТО в Арктике и нарастающее соперничество с Россией // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2021. – Т. 12. – № 3 (32). – С. 6–14.

³⁵⁹ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 г. N Пр-1969). – Москва, 2008. – 11 с.

неотъемлемый национальный транспортный коридор и линию сообщения; сохранение региона как зоны международного сотрудничества.

Вопросам обеспечения военной безопасности в стратегии практически не уделялось внимания. Малочисленные аспекты касались лишь «поддержания необходимого уровня боеспособности сил общего назначения», что можно рассматривать как крайне расплывчатую формулировку, преследующую цели обозначения необходимости защиты не столько территорий, сколько экономических интересов в регионе ввиду увеличения возможностей Северного флота. Результаты проведенного контент-анализа указывают на то, что обозначенный документ не преследовал стратегий внешнеполитического вектора деятельности и предназначался в основном для сугубо внутривластных нужд страны. Однако, даже этот факт вызвал серьёзное недовольство среди зарубежных аналитиков, которые были склонны к тревожной интерпретации документа, указывая на т.н. неясность в отношении реализуемой военной политики России в Заполярье (в т.ч. с акцентом на возможную подготовку к конфликту в регионе)³⁶⁰.

Важно констатировать, что курс страны в отношении Арктики в последующие годы оставался неизменным, направленным на дипломатию и сотрудничество с западными странами, а необходимость поддержания безопасности можно обусловить целями стабилизации ситуации на российском Севере после десятилетия стагнации с момента распада СССР. При этом неоднократные заявления о готовности поддерживать международное сотрудничество – отнюдь не являлись камуфляжем для постепенного наращивания военной инфраструктуры и деятельности (как в случае с политикой НАТО), они отражали реальное предпочтение российского руководства к развитию институциональных и политических связей с арктическими соседями.

Представляется, что Стратегия 2008 г. рассматривалась скорее как «пробный» документ, не содержащий в себе детализирующей конкретики и уточнений внешнеполитических интересов России в Арктике. Однако, на фоне

³⁶⁰ Huebert R. The Newly Emerging Arctic Security Environment. – Calgary: Canadian Defense & Foreign Affairs Institute, 2010. – 33 p.

ещё немногочисленных, но всё же присутствующих в западной риторике высказываний о т.н. «большой игре, движущейся на Север», перед Россией встала необходимость уточнения отдельных положений своей арктической доктрины и ее обновления в соответствии с геополитическими реалиями. В феврале 2013 г. Президентом В.В. Путиным была одобрена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г.»³⁶¹, ставшая продолжением и новым обрамлением документа 2008 г.

Тем не менее, стратегия не в полной мере отражала арктическую доктрину России, так как распространялась исключительно на отечественное Заполярье, а не на весь регион. В числе приоритетов в Арктической зоне обеспечение военной безопасности находилось на последнем, шестом, месте среди всех приоритетов, где отмечалось, что защита и охрана государственной границы страны возможна при поддержании необходимого уровня боеготовности войск. Это абсолютно стандартная практика для любого концептуального документа. Вполне логично, что для России существенные военно-политические меры по защите национальных интересов в Арктике находились попросту вне обстоятельного внимания – на фоне нейтральных отношений с Западом и «перезагрузки» между двумя сверхдержавами – Россией и США, военному соперничеству в Арктике значения не придавалось, акценты были сделаны на международной кооперации.

Руководство страны неоднократно подчеркивало, что не видит необходимости в присутствии в Арктике каких-либо военно-политических блоков³⁶². Неизменной оставалась и позиция МИД России, регулярно отмечавшего, что в регионе нет проблем, которые требовали бы применения военной силы. Но закономерно, что наращивание числа учений среди стран-членов НАТО в период 2012–2013 гг., все же вынужденно обратило взор России к отдаленному осмыслению расширения геополитической конкуренции в Арктике,

³⁶¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. (утв. Президентом РФ 08.02.2013 г. N Пр-232). – Москва, 2013. – 21 с.

³⁶² Шапаров А. НАТО и новая повестка дня в Арктике [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 24 сентября 2013. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato-i-novaya-povestka-dnya-v-arktike/> (дата обращения: 06.12.2022).

что побудило усилить присутствие в Заполярье с целью защиты национальных интересов. Автор диссертационного исследования полагает, что своеобразным предостерегающим действием в адрес России стали проводимые с 2006 г. учения альянса “Cold Response”, которые должны были «предупредить» Россию о том, что для НАТО любое военное возвращение в регион с ее стороны не приемлемо.

В сентябре 2012 г. Россия провела командно-штабные учения с участием военного контингента численностью 7 тыс. чел. в Баренцевом море, в ходе которых отрабатывались методы защиты критической инфраструктуры и навыки проведения морских операций в арктических условиях. Уже спустя год, как было отмечено на селекторном совещании под руководством Министра обороны С.К. Шойгу, состоялось возвращение военного присутствия России в Арктике³⁶³. По словам эксперта-международника А.В. Загорского, несмотря на регулярные учения ряда арктических стран НАТО и совместную координацию большей части военных планов, в том числе и с Россией в регионе, именно отечественные учения и планы по восстановлению утраченной инфраструктуры вызвали резонанс в западных кругах³⁶⁴. Некоторые российские исследователи еще в 2013 г. отмечали факт соперничества между НАТО и Россией в Арктике, который пытаются скрывать за осторожными терминами³⁶⁵. Занимавший на тот момент времени пост заместителя секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Е. Лукьянов крайне ясно обосновал военное присутствие в Заполярье и его размежевание с приверженностью страны к немилитаризации региона: «Следует четко различать защиту собственных национальных интересов, в первую очередь интересов безопасности, и возможные процессы, которые мы характеризуем как

³⁶³ Россия возобновляет свое военное присутствие в Арктике [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации: официальный сайт. 14 сентября 2013. URL: <https://mil.ru/mcis/news/more.htm?id=11839014> (дата обращения: 08.12.2022).

³⁶⁴ Загорский А.В. Арктические учения Северного флота [Электронный ресурс] // ИМЭМО РАН. 10 октября 2013. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/arkticheskie-ucheniya-severnogo-flota> (дата обращения: 08.12.2022).

³⁶⁵ Крамник И. «Арктический вызов»: военные игры США [Электронный ресурс] // Радио «Голос России» (архивная копия новостной страницы, сохраненная на портале Веб-архив.ру). 19 сентября 2013. URL: https://web.archive.ru/page?url=http%3A%2F%2Frus.ruvr.ru%2F2013_09_19%2FArkticheskij-vizov-voennye-igri-SSHA-7108%2F&date=20130920 (дата обращения: 08.12.2022).

милитаризация Арктики». Он особенно подчеркнул, что Россия обеспечивает защиту интересов исключительно в пределах юрисдикции³⁶⁶.

Третий этап (2014–2020 гг.) – это период, который обусловлен тенденциями глобальных изменений международной архитектуры и смещением центров силы с Запада на Восток, что затронуло конфликтный в своей основе характер мировой политики. Как показали предыдущие этапы, потрясения в отношениях России и Запада прошлых лет замедляли, но не нивелировали диалог по Арктике, но в то же время и не приводили к прекращению соперничества между ними, равно как и не предполагали новую эпоху глобального сотрудничества.

С началом нового витка международного кризиса России предстояло усилить составляющие компоненты безопасности в национальной арктической политике, укрепить свои военные возможности в Заполярье, о чем говорил на заседании Совета Безопасности по реализации государственной политики в Арктике Президент Российской Федерации В.В. Путин в апреле 2014 г.³⁶⁷.

Но даже в этой ситуации активность военного присутствия России в Арктике не была связана с трендами по милитаризации региона, которую постоянно усматривают западные аналитики. Ключевая цель, которую преследовала отечественная сторона, была связана с тем, чтобы модернизировать арктические вооруженные силы, сделать их более мобильными, обученными и обеспеченными необходимой инфраструктурой и техникой – все это неизменно преследовало исключительно оборонительные интересы. Пересмотр арктической стратегии России, в том числе, был подчеркнут и в актуальной редакции Военной доктрины от 26 декабря 2014 г.³⁶⁸. Хотя Арктика упоминается в документе всего один раз, примечательно, что впервые защита национальных интересов России в Заполярье в мирное время была закреплена за вооруженными силами страны. Однако несмотря на то, что новая доктрина сохранила всё тот же сугубо оборонительный характер, она вновь вызвала волну скептических сомнений.

³⁶⁶ Совбез РФ: Арктика не должна стать ареной военных игр [Электронный ресурс] // РИА Новости. 24 апреля 2013. URL: <http://ria.ru/interview/20130424/934284990.html> (дата обращения: 10.12.2022).

³⁶⁷ Заседание Совета Безопасности по вопросу реализации государственной политики в Арктике [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. 22 апреля 2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20845> (дата обращения: 10.12.2022).

³⁶⁸ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976). – Москва, 2014. – 29 с.

Следует отметить, что старт усилиям по совершенствованию отечественной военной компоненты был дан еще задолго до 2014 г. и обострения отношений с Западом в рамках третьей Государственной программы перевооружения 2007-2015 гг. Модернизация арктических вооруженных сил России предусматривает обновление флота – это затронуло восемь стратегических атомных подводных лодок (прежде всего, это субмарины класса «Дельта-IV», «Тайфун», «Борей»). К 2027 г. запланировано довести количество стратегических АПЛ проекта 955 «Борей» в составе Северного флота до пяти единиц. Плановой модернизации подверглась и стратегическая авиация – в рассматриваемый период на вооружение арктических сил поступили два Ту-95МС и два Ту-160³⁶⁹.

С учетом возрастания угрозы со стороны НАТО на Севере, стратегическое значение, придаваемое Северному флоту, нашло отражение в военно-административных изменениях, повысивших общее управление системой безопасности в Заполярье. Как было отмечено ранее, в 2014 г. создано объединенное стратегическое командование «Север» (на три года раньше, чем планировалось изначально). В январе 2015 г. сформирована первая арктическая бригада рядом с российско-финской границей в Алакуртти. Кроме того, анонсировано появление второго аналогичного формирования за Полярным кругом в Ямало-Ненецком автономном округе.

В июле 2015 г. Президент В.В. Путин утвердил новую версию Морской доктрины России, где Арктика определена как один из двух регионов, в котором активность НАТО и международная конкуренция за природные ресурсы и морские пути продолжали нарастать, что требовало от отечественной стороны адекватного ответа³⁷⁰. В октябре 2015 г. С.К. Шойгу объявил о создании арктической группировки войск к 2018 г.³⁷¹. По итогам 2018 г. завершено строительство ряда объектов военной инфраструктуры. Продолжался процесс комплектации баз техникой и личным составом. Россия разместила комплексы

³⁶⁹ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Российские подходы к арктической безопасности // Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир / Отв. ред. О.П. Иванов. – М.: Проспект, 2020. – С. 314–334.

³⁷⁰ Морская доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 26.07.2015 N Пр-1210). – Москва, 2015. – 46 с.

³⁷¹ Шойгу: Россия завершит создание арктической группировки войск к 2018 году [Электронный ресурс] // РЕН ТВ. 22 октября 2015. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/55463-shoigu-rossiia-zavershit-sozdanie-arkticheskoi-gruppirovki-voisk-k-2018-godu> (дата обращения: 11.12.2022).

ПВО и ПБРК «Бастион»³⁷². Однако, не все поставленные планы выполнены в полном объеме: к 2018 г. для усиления безопасности Севморпути не были созданы две запланированные специальные арктические дивизии.

В целом, в рассматриваемый период военная стратегия России в Арктике преследовала три основные цели: 1) подтвердить неотъемлемый суверенитет страны над ее исключительной экономической зоной и континентальным шельфом; 2) обеспечить постепенно назревавшую и необходимую защиту экономических интересов; 3) продемонстрировать странам Запада (в т.ч. и НАТО как блоку), что Россия сохраняет статус великой державы и по-прежнему обладает военным потенциалом мирового уровня (в т.ч. обладающей возможностями сдерживания любого противника в Арктике³⁷³).

Программы по модернизации вооруженных сил оставались довольно скромными и были направлены исключительно на цель обновления, а не на обеспечение их дополнительными наступательными возможностями или на провокацию региональной гонки вооружений, как это усматривал Запад³⁷⁴. Даже в условиях крайне трудных отношений с Западом, Россия сохраняла место для транспарентного диалога и неоднократно подчеркивала, что готова обсуждать любые вопросы по совместному освоению Арктики, исходя из учета национальных интересов всех сторон в многостороннем взаимодействии. В частности, в 2019 г. и последующие годы Россия предлагала возобновить военный канал связи путем возвращения формата встреч глав Генштабов арктических стран. Отечественной стороной выдвигались востребованные предложения по обоюдному понижению количества военных учений вплоть до их непроведения в непосредственной близости от границ друг друга³⁷⁵. Важно отметить, что неоднократные инициативы воспринимались негативно и оставались без

³⁷² Сидоров С.А., Фомина Н.В., Сахно В.П. Арктический регион в системе международных отношений Россия – США – Китай // *Право и государство: теория и практика*. – 2019. – № 12 (180). – С. 217–219.

³⁷³ *Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации* / Под ред. А.В. Загорского. – М.: Магистр, 2015. – 304 с.

³⁷⁴ Konyshov V., Sergunin A. Is Russia a revisionist military power in the Arctic? // *Defense & Security Analysis*. – 2014. – Vol. 30. – No. 4. – P. 323–335.

³⁷⁵ Черненко Е. «НАТО навязывает нам схему обеспечения безопасности времен холодной войны». Замглавы МИД РФ А. Грушко об отношениях с Североатлантическим альянсом [Электронный ресурс] // *Коммерсантъ*. 25 декабря 2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4207094> (дата обращения: 13.12.2022).

обстоятельного ответа, что свидетельствовало о явной неготовности НАТО вести конструктивную работу по укреплению региональной стабильности, с учетом взятого откровенно антироссийского курса. Можно говорить о том, что изменение политики Запада в отношении России затребовало более обстоятельного пересмотра приоритетов национального вектора в арктическом макрорегионе.

Четвертый этап (2020 г. – настоящее время) – это период, который характеризуется стремительной интенсификацией беспрецедентного наращивания антироссийской политики и становлением открытого соперничества со стороны НАТО. Не принижая значимость сотрудничества и выражая дальнейшую готовность к диалогу при равноценном учёте подходов всех заинтересованных сторон, главным образом обстоятельное внимание стало уделяться гарантированному обеспечению национальных интересов России дополнительными инструментами – непосредственно военно-политическими.

Вынужденное вынесение рассматриваемого вектора деятельности для обеспечения национальной безопасности в качестве одного из приоритетных наряду с международным сотрудничеством прослеживается уже в принятом 5 марта 2020 г. документе «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». Несмотря на то, что в нём присутствуют тенденции преемственности политики прошлых лет и указание на нацеленность выстраивания сотрудничества в Арктике³⁷⁶, они тесно переплетены с аспектами современных вызовов для национальной безопасности страны.

В этом видится концептуальная новизна рассматриваемого стратегического документа – он впервые содержит комплексный, системный обзор основных вызовов в контексте обеспечения национальной безопасности России в Арктике, ранее не фигурировавший в предыдущих посвященных рассматриваемому региону программных документах. В отличие от предшествовавшей редакции

³⁷⁶ Прим. автора: примечательным видится то, что документ был опубликован не только в условиях роста напряженности в отношениях между Россией и ее арктическими соседями, но и перед тем, как страна должна была возглавить Арктический совет в 2021 г. Отечественная сторона возлагала большие надежды на период своего председательства и готовила почву для дальнейшего выстраивания транспарентного и взаимовыгодного диалога с государствами региона. Идеи гармоничного освоения региона и недопущение привнесения элементов политики конфронтации и военного соперничества, в силу одностороннего подхода Запада по сдерживанию России в Арктике, как видится, обстоятельно восприняты не были.

2008 г., обновлённые Основы государственной политики Российской Федерации на первом из шести изложенных национальных интересов констатируют необходимость в обеспечении суверенитета и, как следствие, территориальной целостности страны (в версии от 2008 г. данный аспект в числе основных национальных интересов и вовсе отсутствовал). Важность сохранения зоны Крайнего Севера как региона мира и устойчивого сотрудничества располагается вслед за вопросами обеспечения безопасности. Кроме того, далее документе особо выделены проблемы наращивания иностранными государствами военного присутствия и возрастания конфликтного потенциала в Арктике³⁷⁷.

В целом же, можно говорить о том, что хотя в вышеизложенном документе и содержится несколько принципиально новых элементов, обусловленных односторонней риторикой НАТО о необходимости «сдерживания российской военной мощи»³⁷⁸, они не указывают на какие-либо радикальные сдвиги в отечественной арктической политике по сравнению с предыдущими стратегиями. Однако, Россия официально зафиксировала рост числа вызовов для национальной безопасности в Заполярье и решимость в укреплении военного потенциала – исключительно в оборонительном контексте.

Это получило свое выражение и на практике: к 2020 г. было завершено строительство патрульного корабля арктической зоны «Иван Папанин» для ВМФ России, оснащенного новейшими ракетами «Циркон», испытания которого начались в конце 2022 г. Россия ставит вопрос о повышении готовности и реагирования группировки общего назначения Вооруженных сил, воинских формирований и иных органов (ПС ФСБ России, Росгвардия) в Арктической зоне. В 2020–2021 гг. на боевые дежурства заступили АПЛ «Князь Владимир» (проект 955 «Борей-А»), «Казань» (проект 855М «Ясень-М»). В 2022 г. в ходе экспедиции «Умка-2022» подводные лодки производили учебные запуски новейших ракет

³⁷⁷ Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (дата обращения: 15.12.2022).

³⁷⁸ Gronholt-Pedersen J., Fouche G. NATO allies take bigger steps to counter Russian military force in the Arctic [Electronic resource] // Arctic Today. November 16, 2022. URL: <https://www.arctictoday.com/nato-allies-take-bigger-steps-to-counter-russian-military-force-in-the-arctic/> (accessed: 15.12.2022).

«Калибр»³⁷⁹. Успешно реализуются и ранее изложенные в параграфе 2.3. военные учения, планы по модернизации имеющейся инфраструктуры и пр.

Наделение с января 2021 г. Северного флота статусом пятого военного округа России было негативно воспринято на Западе: хотя в НАТО не давали прямой оценки ситуации, ряд экспертов по безопасности традиционно усмотрели во внутривнутриполитических действиях России очередную «угрозу»³⁸⁰, выраженную в «добавлении и расширении наступательных возможностей»³⁸¹.

Необходимо обозначить и дальнейшую преемственность акцентов на оборонительной политике России, нарративов о необходимости обеспечения национальной безопасности военно-политическими путями, в таких обновленных документах, как: 1) принятой в 2020 г. «Стратегии развития Арктической зоны России и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»³⁸²; 2) новой Морской доктрине, опубликованной в июле 2022 г.³⁸³; 3) утвержденном в августе 2022 г. Плане развития Северного морского пути до 2035 г.

На основе проведенного анализа новейших отечественных документов стратегического планирования в Арктике, можно говорить о том, что Россия отразила скорректированное видение геополитической ситуации, поняв стойкость и принципиальность одностороннего сопернического подхода НАТО в Заполярье. Важно отметить, что подход был сформирован в условиях, когда из года в год предложения о налаживании отношений и выстраивании диалога не находили отклика у коллективного Запада. Как итог, через все обновленные стратегические документы прослеживается тезис о росте конфликтного потенциала в Арктике и необходимых мерах по повышению российских военных и боевых возможностей.

³⁷⁹ Россия впервые за несколько десятилетий испытала дизельные подлодки в Арктике // Лента.ру. 27 декабря 2022. URL: https://lenta.ru/news/2022/12/27/podlodki_arktika/ (дата обращения: 27.12.2022).

³⁸⁰ Bott C. Responding to Russia's Northern Fleet [Electronic resource] // Proceedings. Vol. 147. No. 3. March 2021. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2021/march/responding-russias-northern-fleet> (accessed: 15.12.2022).

³⁸¹ Humpert M. Russia Elevates Importance of Northern Fleet Upgrading it to Military District Status [Electronic resource] // High North News. January 13, 2021. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/russia-elevates-importance-northern-fleet-upgrading-it-military-district-status> (accessed: 15.12.2022).

³⁸² Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 27.02.2023 г. № 651). – Москва, 2023. – 40 с.

³⁸³ Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации». – Москва, 2022. – 56 с.

В принятии большинства вышеуказанных документов западные аналитики усмотрели очередную тревожность. В своей традиционной двоякости восприятия милитаризации Заполярья, игнорируя количество учений НАТО вблизи российских границ, они интерпретируют отечественный оборонительный военно-политический курс в качестве «готовности к эскалации в случае конфликта» с Западом³⁸⁴. Кроме того, западные эксперты дополняют позицию утверждениями о том, что «в российском стратегическом мышлении нет четкого различия между наступлением и обороной»³⁸⁵.

В западных исследованиях и обзорах аналитических центров последних лет все отечественные военные мощности и деятельность в Арктике чаще всего характеризуются в едином ключе – как имеющие наступательный потенциал и представляющие реальную угрозу³⁸⁶. В СМИ утверждается, что Россия «активизировала свои провокационные действия близ Аляски», которые отличаются своей «агрессивностью»³⁸⁷. В публикации журнала “Politico” высказывается мнение, что «северный регион вновь стал линией фронта»³⁸⁸. М. Мелино и Х. Конли отмечают, что в «западной Арктике России сосредоточен не только самый передовой оборонительный, но и наступательный потенциал», а возвращение военного присутствия, создание системы обороны с развертыванием ЗРПК «Панцирь-С1», ПБРК «Бастион» и возведение инфраструктуры вдоль Северного морского пути «ограничивает передвижение и доступ НАТО»³⁸⁹.

³⁸⁴ Paul M., Swistek G. Russia in the Arctic. SWP Research Paper 2022/RP 03. – Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2022. – 42 p.

³⁸⁵ Zysk K. Myth 8: ‘Russia’s military build-up in the Arctic is defensive’ [Electronic resource] // Chatham House. July 14, 2022. URL: <https://www.chathamhouse.org/2022/07/myths-and-misconceptions-around-russian-military-intent/myth-8-russias-military-build> (accessed: 15.12.2022).

³⁸⁶ Прим. автора: особые опасения у западных аналитиков вызывает концепция «бастиона» в Арктике, которая, как отмечается, несёт реальную угрозу авианосным группам Североатлантического Альянса. См.: Boulègue M. Russia’s Military Posture in the Arctic: Managing Hard Power in a “Low Tension” Environment. NDC Research Paper. – Rome: NATO Defense College, 2019. – 71 p.

³⁸⁷ Baker M. Are We Getting Invaded? U.S. Boats Faced Russian Aggression Near Alaska [Electronic resource] // New York Times. November 12, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/11/12/us/russia-military-alaska-arctic-fishing.html> (accessed: 16.12.2022).

³⁸⁸ Прим. автора: также отмечается, что «битва за Арктику идёт полным ходом». См.: Rosen K. A Battle for the Arctic Is Underway. And the U.S. Is Already Behind [Electronic resource] // Politico. December 17, 2022. URL: <https://www.politico.com/news/magazine/2022/12/17/climate-change-arctic-00071169> (accessed: 18.12.2022).

³⁸⁹ Melino M. etc. The Ice Curtain: Russia’s Arctic Military Presence [Electronic resource] // Center for Strategic and International Studies. February 26, 2020. URL: <https://www.csis.org/features/ice-curtain-russias-arctic-military-presence> (accessed: 16.12.2022).

Видится, что с марта 2022 г. в политологическом споре о мирной Арктике начинает прослеживаться реалистический перевес. Наличие конфликтного потенциала в регионе официально признает и российское дипломатическое ведомство. Так, посол по особым поручениям МИД России Н.В. Корчунов в мае 2022 г. отметил тревожную тенденцию, указывающую на «превращение Арктического региона в интернациональный театр военных действий»³⁹⁰. Вместе с этим, заместитель Министра иностранных дел России А.В. Грушко, справедливо отметил следующее: «зная, насколько НАТО готово милитаризировать все, что находится в пределах досягаемости, мы не недооцениваем угрозу милитаризации Арктики, превращения ее в арену военного соревнования»³⁹¹. Мнение о нарастании негативных тенденций в военно-политической обстановке Заполярья выразил в октябре 2022 г. и командующий Северным флотом А.А. Моисеев³⁹².

Подводя итоги вышеизложенному, следует вновь вернуться к теоретическим рамкам исследования и подчеркнуть, что обращение в настоящем исследовании к «дилемме безопасности» в ее классической формулировке вполне способно объяснить, как защитные меры одного актора могут привести к негативным последствиям и угрозе нежелательного конфликта. В отношениях России и НАТО в Арктике прослеживается ситуация, при которой действия, предпринятые государством в объективных условиях (изначально намеренно инициированных западным блоком) для повышения собственной безопасности, вызывают искаженную и желаемую для альянса реакцию со стороны стран-членов, что, в свою очередь, приводит к выработке их дополнительных ответных мер (НАТО) и необходимости продолжения совершенствования защитной политики и военно-оборонительных мер первоначального государства (России). Однако, в данной связи представляется более уместным конструктивистское прочтение дилеммы безопасности, как подходящей теоретической линзы для

³⁹⁰ Вишневецкая А. Дипломат Корчунов заявил о превращении Арктики в театр военных действий [Электронный ресурс] // Газета.ру. 22 мая 2022. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/05/22/17784722.shtml> (дата обращения: 17.12.2022).

³⁹¹ Черненко Е. Семеро одного то ли ждут, то ли уже нет [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 17 мая 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5355496> (дата обращения: 17.12.2022).

³⁹² Командующий Северным флотом заявил о росте негативных тенденций в обстановке в Арктике [Электронный ресурс] // ТАСС. 21 октября 2022. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/16121093> (дата обращения: 17.12.2022).

понимания основ соперничества России и НАТО в Арктике. Интенсивная и повторяющаяся военно-политическая агитация альянса, описывающая Россию как угрожающего актора, на базе мнимых нарративов вводит страны Запада в заблуждение, заставляя их игнорировать действительность, что способствует т.н. «эпистемологической гордыне» – якобы они «знают» своего противника и это в любом случае будет российская сторона. Соответственно, официальная политическая риторика НАТО, продвигающая образ другой стороны – России, как угрозы, постепенно натурализовала предположения о враждебности, что приводит к мощной дилемме секьюритизации в рассматриваемых отношениях.

В условиях односторонней антироссийской позиции, занятой коллективным Западом со стремлением выдавливания России из Арктики, наращивания военных учений альянса вблизи границ и активной милитаризации региона, отечественный подход развивается предсказуемо и закономерно. Необходимость обеспечения собственной национальной безопасности выходит на первый план, смещая акценты на оборону без каких-либо притязаний на национальные интересы других арктических держав. Данная политика искажается в альянсе и преподносится в разряде ставшей уже традиционной «российской угрозы». В качестве ответа на подход НАТО в Арктике, России будет чрезвычайно важно строить внешнеполитические планы на основе реалистичной оценки западной стратегии, возможностей в регионе и движущих сил ее нейтрально-оборонительной политики.

3.3. Влияние переходного характера международного порядка на динамику соперничества России и НАТО в Арктике

События последних десятилетий свидетельствуют о том, что мировой порядок прочно вошел в турбулентное состояние. Наряду с дальнейшим закреплением роли и фактора силы в разрешении наиболее острых вопросов современной повестки дня, продолжающейся интенсивной деградацией формата нормативной мировой политики³⁹³ и проведением спекулятивных попыток одностороннего прочтения нерушимых постулатов международного права, основанных на стремлении установить «порядок, основанный на правилах», число взаимосвязанных кризисов способствует росту дальнейшей неопределенности, которая является постоянным спутником трансформационных тенденций последних лет. Ключевым вектором развития складывающейся архитектуры становится фрагментация. Уже сейчас на фоне разделения мира на три ключевых «центра силы»: Запад (США), Россия и Китай, можно проследить ряд характерных аспектов: возвращение жесткого режима границ, укрепление национальной государственности и неозтатизм в качестве доминирующей идеи. Представляется, что пандемия, связанная с распространением коронавирусной инфекции в начале третьего десятилетия XXI в., лишь усилила данные тренды³⁹⁴. Как подчеркивает академик РАН А.Г. Арбатов: «трудно отделаться от впечатления, что в начале XXI в. с его глобализацией и информационной

³⁹³ Капицын В.М. Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия // Русская политология. – 2016. – № 1. – С. 63–66.

³⁹⁴ См.: Volkov A. The Political Implications of COVID-19 for Globalization: Ways to Develop a Global World After the Pandemic // European Review. – 2022. – Vol. 30. – No. 6. – P. 773–787

революцией мир вдруг вернулся в первую половину XX в., с присущими тому времени территориальными захватами и геополитическим соперничеством»³⁹⁵.

Предпринимаются отчётливые, агрессивные и лишённые здравого смысла попытки диктовать условия формирования новой модели мироустройства со стороны США и их сателлитов. Ещё в 2012 г. стремление к американской гегемонии Президент Российской Федерации В.В. Путин охарактеризовал следующим образом: «США одержимы идеей обеспечить себе абсолютную неуязвимость, что утопично и нереализуемо как в технологическом, так и в геополитическом плане»³⁹⁶.

Применяя этот тезис к реалиям современности, необходимо особенно отметить, что внешнеполитические амбиции США по продвижению гегемонии и однополярного мира уже на протяжении длительного времени терпят поражение, но американское руководство упорно не хочет этого признавать. Если посмотреть на современную архитектуру мира, можно констатировать, что эпоха биполярного противостояния в его классическом понимании, о котором США продолжают активно продвигать нарративы: «началась новая холодная война, навязанная Западу агрессивным партнерством Си Цзиньпина и Владимира Путина»³⁹⁷, давно завершилась. Прошёл и период однополярности, когда американское лидерство не встречало сопротивления от внешнего мира³⁹⁸.

В России и Китае широко распространилось непредвзятое мнение о том, что события и потрясения последних десятилетий, в силу западного давления, подорвали систему международных отношений, которая строилась после окончания холодной войны. Столь мощные глобальные игроки не поддерживают ни американскую гегемонию, ни лидерство под началом США. Именно их активность способна выстраивать перспективы для формирования полицентричной модели глобальной системной организации.

³⁹⁵ Арбатов А. Крушение миропорядка? // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т. 12. – № 4. – С. 16–31.

³⁹⁶ Путин В.В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] // Московские новости. 27 февраля 2012. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 06.01.2023).

³⁹⁷ Abrams E. The New Cold War [Electronic resource] // Council on Foreign Relations. March 4, 2022. URL: <https://www.cfr.org/blog/new-cold-war-0> (accessed: 05.01.2023).

³⁹⁸ Constantini A. Russia and a New World Order [Electronic resource] // The American Conservative. February 1, 2022. URL: <https://www.theamericanconservative.com/russia-and-a-new-world-order/> (accessed: 07.01.2023).

На этом фоне видится возможным определить ключевую тенденцию, характеризующую современную эволюцию мирового порядка, а именно: структурное ослабление международной системы и последовательное формирование модели многополярности. Движение к новому мироустройству, вероятнее всего, займёт достаточно продолжительное время, а непосредственно переходный период будет неоднократно сталкиваться с элементами стихийности, потрясений и неустойчивости, генерируемыми со стороны США и их союзников. Все изложенное непосредственно влияет на Арктический регион: достигшая своего пика конфронтация в отношениях между Российской Федерацией и странами Запада ставит насущные вопросы о милитаризации Арктики и заморозке межгосударственного сотрудничества в регионе на неопределенный срок.

Принимая во внимание вышеизложенное, представляется важным построение общего прогноза положения и отношений России и НАТО в Арктике на краткосрочную и среднесрочную перспективы, а также разработка возможных сценариев развития событий в регионе. На базе применения сценарного анализа можно выстроить следующие варианты развития ситуации на Крайнем Севере.

Первый сценарий: углубляющееся соперничество России и НАТО на фоне милитаризации Арктики.

Данный сценарий основывается на том предположении, что одним из наиболее важных событий 2022–2023 гг. стал не столько распад или же деградация прежнего мирового порядка, сколько формирование нового, в процессе переходного периода к которому силовой основой традиционно остается военно-политическая мощь. Каждый его участник – в особенности такие «центры силы», как Россия и блок НАТО, будет самостоятельно и далее двигаться к собственной независимости, делая акцент на силовой позиции, способности максимально аккумулировать, а затем и задействовать собственные ресурсы. Россия же в данной конфигурации становится одним из важнейших, ключевых игроков в формируемой многополярной модели. Кроме того, ее отношения с Западом перешли черту военно-политического противостояния – переломный период в современной истории, искусственно и намеренно инициированный

США и их союзниками на фоне утраты способности напористо диктовать свой собственный порядок, основанный на правилах³⁹⁹. Ситуация закономерно обростает столкновением интересов, в первую очередь, между Западом и Россией, что приведет к нарастанию напряженности, превращая некогда второстепенную Арктику в зону повышенной политической, информационной, а главное – военной активности как на уровне сверхдержав (Россия – США), так и на уровне центров силы (Россия, НАТО, ситуативно – КНР как заинтересованный актор).

В рамках данного сценария представляется уместным говорить о том, что Заполярье продолжит оставаться регионом противостояния. Если в период холодной войны Арктика широко воспринималась как арена противоборства великих держав, то в условиях нового геополитического соперничества опасения и напряженность того времени не только возродились, но и продолжают углубляться. В свете длительной подпитки антироссийских нарративов, и наращивания западного военного присутствия в Арктике, ответные российские меры в регионе, направленные на дальнейшее наращивание оборонительных инициатив, теперь будет рассматриваться США и их союзниками только в единственной трактовке – как фактор, который усиливает вероятность обострения конфликта между Россией и странами-членами НАТО в регионе⁴⁰⁰.

В условиях занятой Западом односторонней антироссийской позиции на первый план будет выходить важность защиты и отстаивания национальных интересов – как для России, так и для членов Североатлантического альянса. Поскольку на данный момент не представляется возможным рассуждать о каких-либо сдвигах в потеплении и последующей нормализации отношений России с Западом, уместно предположить, что она продолжит выстраивать собственную арктическую политику с фокусировкой на совершенствовании оборонительной стратегии в условиях «северного» расширения альянса за счёт Швеции и

³⁹⁹ Бордачев Т. Старый мировой порядок умер [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 29 декабря 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/staryy-mirovoy-poryadok-umer/> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴⁰⁰ How Russia's Future With NATO Will Impact the Arctic [Electronic resource] // Foreign Policy. February 25, 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/02/25/arctic-ukraine-russia-china-eu-invasion-nato/> (accessed: 08.01.2023).

Финляндии, перманентных военно-политических провокаций НАТО и учащения военных учений вблизи российских границ.

С учетом сохранения в перспективе решения Арктического совета приостановить сотрудничество с Россией в Арктике, можно рассуждать о неизбежности накопления рисков и вызовов даже для «мягкой» безопасности. При сохранении антироссийских нарративов в своей политике, НАТО и страны-члены блока на неопределенный срок подорвут доверие и возможность к возвращению к транспарентному, взаимовыгодному и мирному взаимодействию между арктическими государствами. В этой связи стоит предполагать, что «жесткие» вопросы отстаивания национальных интересов и соперничество, выраженное в стремлении обеспечения собственной безопасности, станут доминирующими в Заполярье. Со стороны России это будет выражаться во взятом в последние годы курсе на нейтрально-оборонительную политику в Арктическом регионе, со стороны НАТО – в более интенсивном развитии сотрудничества в области безопасности между США и Северной Европой.

В складывающихся условиях невозможно обойти стороной и еще раз не упомянуть вопрос будущей стратегии альянса с учетом перспектив расширения на северном фланге. С учетом стратегических планов по увеличению числа стран-членов НАТО за счёт уже вошедшей Финляндии и ожидаемого приема Швеции в обозримой перспективе, Северная Европа, по всей видимости, будет все больше рассматриваться в качестве единого пространства и фланга альянса. В этом можно проследить принципиальное отличие долгосрочных и фундаментальных изменений в военно-политической обстановке, затрагивающей и Арктический регион. Так, для ситуации, существовавшей еще несколько лет назад, характерными являлись дискуссии по вопросам безопасности и «отражения российской угрозы», в большей степени, вокруг региона Балтийского моря. На сегодняшний день эта повестка перешла на сторону североευропейских представителей коллективного Запада и такой сдвиг, как полагают финские исследователи, можно рассматривать как ответ на стремление России формировать т.н. «стратегическую глубину» за счет выстраивания единой

оборонительной зоны от Арктики до Черного и Средиземного морей⁴⁰¹. Стоит полагать, что для НАТО и России регион Балтийского моря в определенной и ограниченной степени отойдет на второй план в сравнении с Арктикой, где роль альянса с учетом состоявшегося вступления Финляндии и близлежащего принятия Швеции будет усилена.

С учетом новых геополитических реалий, именно Финляндия будет стремиться использовать свои новообретенные преимущества от членства в военном блоке и получить роль проводника альянса в его арктической политике в отношении России, с акцентом на разработке циркумполярной стратегии НАТО⁴⁰². Это, в любом случае, приведет к изменению регионального баланса сил, корректировке отечественной оборонительной политики и к риску повышения порога применения военной силы, сделав Финляндию частью новой разделительной линии между Россией и НАТО в Арктике.

В такой ситуации региональный фокус будет сделан на стремлении двух рассматриваемых сторон поддерживать стабильность в Заполярье с упором на «жесткую» безопасность, что нивелирует и без того скромные возможности сотрудничества России и коллективного Запада в регионе на основе каких-либо дипломатических контактов. Это предположение видится особо показательным на фоне первого с момента образования в 1996 г. приостановления деятельности Арктического совета. Запад придерживается традиционной односторонней позиции по любым вопросам взаимодействия с Россией, и рассматриваемая организация не стала исключением – в случае с политическим разладом, наблюдаемым с 2022 г., между странами-членами на первый план выдвигаются национальные интересы США и их союзников, движущие новые идеи, вопреки заключенным договоренностям и многолетнему партнерству⁴⁰³.

⁴⁰¹ Орешина М. К вопросу о милитаризации Арктики [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 22 декабря 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-voprosu-o-militarizatsii-arktiki/> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴⁰² Koivurova T. etc. Arctic cooperation in a new situation: Analysis on the impacts of the Russian war of aggression. Government Report 2022:2 [Electronic resource] // The official website of the Finnish Government. December 21, 2022. URL: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/164521> (accessed: 08.01.2023).

⁴⁰³ Вяхирева Н. Диалог с Россией в Арктике на паузе [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 20 апреля 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dialog-s-rossiey-v-arktike-na-pauze/> (дата обращения: 20.04.2022).

Вероятнее всего, в скором времени не стоит ожидать возможности возвращения к привычному характеру взаимодействия в рамках Арктического совета: несмотря на то, что даже в столь сложной геополитической обстановке Россия все еще будет готова принять идею равноправного и взаимовыгодного диалога в Заполярье по невоенным и политически незаангажированным вопросам, западные страны склонны учитывать возможность дальнейших вариантов сотрудничества «семерки» без участия России⁴⁰⁴. Представители циркумполярных членов НАТО рассматривают идеи на перспективу о том, чтобы сформировать «Арктический совет 2.0» и продолжить функционирование в дискриминационном формате, не принимая во внимание позиции России, или платформу “Nordic Plus”, для выстраивания взаимодействия в Арктике между всеми заинтересованными странами, разделяющими ценностные ориентиры Европы и Северной Америки. На практике же невозможно представить эффективное сотрудничество по невоенным вопросам под исключительной эгидой западной «семерки» государств Арктики, включая исследования или взаимодействие в целях устойчивого развития в ближайшем будущем.

Как результат, рассмотренный первый сценарий, при котором Россия и коллективный Запад будут расширять структуру, суть и пределы своей конкуренции и соперничества в Арктике, позиционируется в качестве наиболее вероятной тенденции, формирующей политику и позиции сторон в кратко- и среднесрочной перспективе. Дополняется это и «опцией» по созданию дополнительного напряжения в регионе, главным образом – в силу односторонних шагов Запада, направленных на дискредитацию и изоляцию России, а также игнорирования (фактически – демарша и саботажа), любых российских инициатив, направленных на восстановление и стабилизацию транспарентного диалога с Западом. Указанные аспекты способствуют ухудшению комплексной системы взаимодействия в Арктике и обуславливают переход от созерцательного сотрудничества к системной конкуренции и

⁴⁰⁴ Wehrmann D. etc. What future for cooperation in the Arctic? Scenarios after Putin's war on Ukraine [Electronic resource] // German Institute of Development and Sustainability. March 16, 2022. URL: <https://blogs.idos-research.de/2022/03/16/what-future-for-cooperation-in-the-arctic-scenarios-after-putins-war/> (accessed: 09.01.2023).

конфронтации сторон, с наиболее вероятным исходом в виде ответного наращивания Россией инструментов сдерживания оппонентов в Заполярье.

Второй сценарий: стабилизация международной обстановки и шаги к сотрудничеству России и стран-членов НАТО в Арктике.

Рассматривая сценарий, результатом которого является последовательная стабилизация международной обстановки, в которой будет наблюдаться активизация шагов конкурирующих сторон, направленных на развитие и деэскалацию системы взаимодействия в Арктике, в первую очередь считаем важным отметить сугубо теоретический и гипотетический характер подхода и возможность его реализации лишь в долгосрочной перспективе.

Россия, акцентируя внимание на оборонительных инструментах, не может выступать агрессором, поскольку суть применяемых и разрабатываемых страной мер и механизмов не предполагает одностороннее проявление агрессии либо экспансию в Арктическом регионе. В то же время, акцент на оборонительном компоненте в регионе, будучи частью выстраиваемого подхода России и инструментом реагирования на внешние угрозы, а также антироссийскую политику, продвигаемую странами Запада, сохраняет в своей содержательной составляющей опцию по восстановлению диалога, с попутным отходом от эскалации, конфронтации сторон в Заполярье, и переходом к созерцательному, мирному и, что самое важное – прогнозируемому сотрудничеству.

Значимым фактором гипотетического сценария выступает то обстоятельство, что даже приостановка отношений между Россией и Западом по арктическому, а также иным направлениям в 2022–2023 гг., учитывая украинский кризис и наличие системных противоречий между сторонами, вероятно, будет ориентирована на долгосрочную перспективу. В то же время, ни одна из сторон не может быть сконцентрирована исключительно на конфронтационном характере формируемых отношений, что сохраняет нацеленность у сторон на развитие научных и гуманитарных связей, выступающих альтернативой военно-политическому соперничеству сторон. Суть данных направлений, равно как и их ценность, обусловлена возможностью поддержки взаимодействия на

неофициальном уровне. В этой связи необходимо отметить позицию М. Тредуэлла, бизнес-инвестора из США, бывшего председателя Комиссии США по арктическим исследованиям: «Мы не можем делать вид, что России не существует только потому, что мы с ними не согласны. Сказать – Россия ушла, давайте не будем обращать внимание на Россию – все равно, что сказать, что мы не будем обращать внимания на Арктику, окружающую среду, судоходство или коренные народы. Нам нужны личные связи, чтобы в какой-то момент мы могли восстановить правительственные контакты»⁴⁰⁵.

И хотя указанное мнение является частной позицией отдельного лица, важно констатировать, что в дальнейшем, по мере накопления усталости Запада от конфронтации, может наблюдаться последовательная популяризация указанной позиции – как на уровне научных, экспертных, исследовательских, так и политических кругов. Понимание ошибочности идеи изоляции России от внешнего мира, важности кооперации сторон в контексте противодействия общим вызовам и угрозам может создать условия для отказа от конфронтации с попутным переходом к созерцательным моделям взаимодействия, на основе равенства и безусловного учета интересов всех взаимодействующих сторон.

Реализация данной концепции может осуществляться «снизу-вверх» – пласт инициатив для восстановления сотрудничества может реализовываться не на высшем политическом уровне, а среди отдельных исследовательских, экспертных центров, в контексте развития взаимодействия Запада с российскими коллегами в неформальной обстановке, для решения насущных проблем в Заполярье.

Кроме того, важным элементом данного сценария выступает и тот факт, что стабилизация международной ситуации, с дальнейшим восстановлением отношений может быть осуществлена после окончания украинского кризиса, завершение которого также может быть связано с посреднической ролью Китая, США, стран ЕС и других акторов. Его разрешение может открыть двери и для официального возобновления всей структуры взаимодействия.

⁴⁰⁵ Breum M. Though official Arctic contacts with Russia are closed, an array of unofficial bridges could stay open [Electronic resource] // Arctic Today. October 19, 2022. URL: <https://www.arctictoday.com/though-official-arctic-contacts-with-russia-are-closed-an-array-of-unofficial-bridges-could-stay-open/> (accessed: 12.01.2023).

Успешное практическое продвижение может способствовать появлению опции по восстановлению военно-политического взаимодействия по оси «Россия – коллективный Запад», в рамках которого стороны, руководствуясь общими интересами при попутном отказе от конфронтации, будут заинтересованы в стабилизации системы сотрудничества в регионе, при безусловном неприятии милитаризации региона, главным образом – с целью сохранения баланса интересов и прогнозируемого характера военно-политической обстановки на Крайнем Севере. Появление рассматриваемой опции возможно только в случае отказа Запада от антироссийской риторики и действий, направленных на изоляцию, осознания ошибки исключения России из диалоговых площадок, что ограничивает как переговорный потенциал, так и возможности комплексного развития региона. В свою очередь, результатом решения данной проблемы будет восстановление позиций Российской Федерации не только в Арктическом совете, но и в рамках регулярных встреч начальников Генеральных штабов вооруженных сил стран-членов АС, а также Круглого стола сил безопасности Арктики.

Изложенные аспекты могут создать полноценные условия для системной «оттепели» в отношениях, рассмотрения и разработки новых вариантов сотрудничества, направленных на замещение западных идей конфронтации и разрядку напряженности в регионе, а также совместного снижения уровня и частоты военных учений, с перспективой объявления Арктики в качестве зоны, свободной от проведения подобных мероприятий.

Рассмотренные шаги могут позволить сформировать видение региона как общего пространства, исключающего деструктивную милитаризацию, но нуждающегося в осуществлении эффективного управления – к примеру, с помощью институциональных структур, в рамках которых стороны будут осуществлять взаимодействие исходя из таких интересов как сохранение мира, создание пространства безопасности, важность рационального использования арктических ресурсов, значимость экологических вопросов, потребность в реализации проектов защиты окружающей среды, ценность и незаменимость совместного научно-технического взаимодействия – каждый из данных пунктов

может послужить основой для системного восстановления полярного сотрудничества между Россией и государствами Запада, на основе общего видения, интересов и понимания перспектив Крайнего Севера.

Подытоживая вышеизложенное, считаем вновь необходимым отметить, что предложенный сценарий является сугубо гипотетическим и его реализация если и возможна, то лишь в крайне отдаленной перспективе – когда Запад осознает ошибочность конфронтации и откажется от идеи милитаризации всех регионов, в которых наблюдается непосредственное пересечение интересов Запада и России.

Третий сценарий: глокализация Арктического региона.

Заключительный сценарий основан на утверждении о том, что современная архитектура мирового порядка претерпевает ряд изменений, ключевые из которых сводятся к трансформации существующих форматов мироустройства и прежних практических механизмов глобализации. В силу продолжающихся объективных и поступательных мирополитических процессов, сложившаяся мировая архитектура вступила в фазу кризиса глобализма. Установившаяся к настоящему моменту «модель» глобализации стала активно реализовываться в мире в условиях установления геополитической и геоэкономической однополярности, когда «мировой центр», а также международные организации подконтрольные ему, опробовали практику формирования механизма глобального управления и контроля в собственных национальных интересах⁴⁰⁶.

В этой связи нынешний кризис глобализма обусловлен несколькими факторами. Центральным из них выступает усиление новых (незападных) «центров силы» и геоэкономического влияния данных акторов, что происходит параллельно с увеличением их количества, качества и дополняется практикой успешного «конвертирования» внешнеполитических целей рассматриваемых субъектов в стратегии и механизмы, способствующие развитию их консолидации в современной системе международных отношений. Ситуация существенно обострилась в условиях, когда Вашингтон с беспрецедентной позиции, в качестве

⁴⁰⁶ Arkhipov Y., Yeletsky A. Transformational changes of the modern world economy in the conditions of glocalization and crisis of globalism // Revista Inclusiones. – 2020. – Vol. 7. – P. 292.

главной действующей силы в международном пространстве, ошибочно оценивал свои возможности и пределы компетенций, злоупотреблял собственной властью «теряя союзников и ободряя врагов»⁴⁰⁷. С окончанием холодной войны США и их союзники стремились противодействовать любым проявлениям многополярности, с целью сохранить доминирование над миром и ключевыми глобальными управленческими процессами, отрицая любые возможности перераспределения власти⁴⁰⁸. Однако, в текущих условиях, факт того, как коллективный Запад теряет не только свое материальное господство, но и идеологическое влияние, свидетельствует о том, что мир уже возвращается к системе баланса сил между сверхдержавами, где каждый «центр силы» будет стремиться построить собственную модель удобного глокально-глобального будущего⁴⁰⁹.

В этом контексте своеобразным нарративом глокализации становится глобальное мышление при локальном действии (рассматриваемый подход, как отмечает А.И. Костин, был впервые озвучен в 1980 г.⁴¹⁰). В отношении Арктического региона его стоит рассматривать с точки зрения «идеи посредничества» между сложившейся глобальной системой и национальной идеей, гарантируя тем самым, что при выходе на мировую арену не будут забыты или утеряны (размыты) национальные особенности и приоритеты. В такой интерпретации глокализация Арктики является специфическим региональным сценарием для глобализации, когда ведущая роль отведена особенностям развития конкретной территории в рамках рассматриваемого региона. В этом контексте, еще С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» отмечал, что мир движется на пути к разделению на цивилизационные блоки, конфликт между которыми из-за принципиальных различий неизбежен⁴¹¹. Поэтому, несмотря на существование возможности точечного, дозированного влияния на разные регионы мира, это не спасает от неизбежного столкновения, ввиду

⁴⁰⁷ Zakaria F. The Self-Destruction of American Power // *Foreign Affairs*. – 2019. – Vol. 98. – No. 4. – P. 10.

⁴⁰⁸ Савин Л.В. *Ordo Pluriversalis. Возрождение многополярного мироустройства*. – М.: Издательский дом «Кислород», 2020. – С. 14–57.

⁴⁰⁹ Haass R., Kupchan Ch. The New Concert of Powers [Electronic resource] // *Foreign Affairs*. March 23, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers> (accessed: 14.01.2023).

⁴¹⁰ Костин А.И. *Экополитология и глобалистика*. – М.: Аспект Пресс, 2005. – С. 25.

⁴¹¹ Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. – М.: Издательство АСТ, 2021. – 576 с.

межцивилизационных конфликтов, смягчить которые порой может быть крайне трудно. Как отчетливо показывают события современности, противостояние между сильными акторами в интересующем регионе становится более активным, а глобальный мир на сегодняшний день – все менее взаимосвязанным.

В этой связи следует привести озвученную экономистом М.Л. Хазиним концепцию т.н. «валютных зон»: «незначительное количество очень крупных международных концернов-монополистов, мультивалютность, большое количество безработных, рост социальной напряженности и застой – все эти явления будут определять картину мировой экономики в течение как минимум десятилетия»⁴¹². Он обстоятельно акцентировал внимание на том, что процесс глобализации непременно застопорится и это неизбежно приведет к образованию новых союзов стран (макрорегионов), с наличием в каждом объединении собственного центра силы, все участники которого, при координации со стороны лидера, будут развивать свою экономику, валюту, промышленность, политический уклад, ориентированный на договорные и правовые начала.

Проецируя данный, сугубо экономический концепт, на современные реалии и пространство Арктического региона, можно констатировать, что Заполярье трансформируется и смешивается с геополитическими тенденциями – наблюдается переход идеи создания «валютных зон» из преимущественно экономического поля непосредственно и в военно-политическое. На первый план выходят новые «центры силы» (главным образом речь идет о США, ЕС как их сателлите, «жестком» инструменте в лице НАТО, России и Китае) и каждый из них будет стремиться не только к тому, чтобы в соответствующей «валютной зоне» на правах лидера отвечать за экономический порядок, но и обеспечивать политический баланс и, в особенности, – контроль безопасности⁴¹³. Таким образом, обозначенный тренд формирует переход Арктики к статусу раздробленного на «зоны» региона, в котором каждым из обозначенных «центров

⁴¹² Хазин М.Л., Кобяков А.Б. Закат империи доллара и конец «Pax Americana». – М.: РИПОЛ Классик, 2022. – С. 53.

⁴¹³ Почему американскую модель ждет крах, а Россия станет самым безопасным местом [Электронный ресурс] // Федеральный Бизнес-журнал. 16 марта 2022. URL: https://business-magazine.online/fn_1071812.html (дата обращения: 15.01.2023).

силы» будет вестись собственная глобализация на локальном уровне, охватывающая не только экономический уклад, но и военно-политический компонент взаимодействия.

С началом 2023 г., параллельно с формированием архитектуры нового глобального мироустройства, просматриваются и основные векторы возможного взаимодействия – с проекцией вышеизложенных тезисов на Арктический регион, можно констатировать, что его дальнейшее развитие будет двигаться в направлении разделения на отдельные «зоны ответственности»: 1) США (в т.ч. и их сателлиты-союзники по ЕС и НАТО); 2) Россия (в партнерстве с заинтересованными Арктикой дружественными акторами – странами БРИКС, ШОС и др.). С одной стороны, каждая «зона ответственности», находящаяся под «центром силы», будет выступать составляющим элементом глобальной Арктики, поскольку может представлять собой социальную и природную целостность; с другой – формируемые образования станут самостоятельными подсистемами военно-политического и экономического пространства региона. Изложенное демонстрирует, что в условиях кризиса традиционного восприятия Арктики как не милитаризованного пространства для сотрудничества и диалога, наиболее вероятным на среднесрочную перспективу, при сохранении стагнации отношений России и коллективного Запада, видится сценарий глокализации и фрагментации Заполярья, постепенно проявляющийся на практике в настоящее время. Он непосредственно подразумевает, что так называемые «арктические локалы» будут функционировать обособленно друг от друга, при сохранении соперничества и противостояния на общеарктическом уровне.

Стоит подытожить возможные перспективы развития модели «своей Арктики» в зависимости от инициатив того или иного «центра силы». Запад будет сосредоточен на стремлении подкрепить практическими действиями свою военную мощь в Заполярье, стремясь тем самым выдавить Россию с арктического пространства. Стоит полагать, что именно эта цель будет являться ключевой для НАТО при выработке единой стратегии альянса по Арктике. При этом национальные интересы стран-сателлитов США будут второстепенными.

Россия же будет стремиться к развитию своих арктических территорий, балансируя между необходимостью выстраивания нейтральной оборонительной политики, военной инфраструктуры и экономическим укреплением. С учетом значимости преобразования и обеспечения российской Арктики как «зоны ответственности», целесообразно предположить, что Россия обратится к дальнейшему сближению и блоку с Китаем. Появление в Арктическом регионе российско-китайского альянса способно стать своеобразной попыткой противовеса западному блоку, в том числе и в военном измерении⁴¹⁴.

В любом из вышеперечисленных сценариев, доктрина для российской арктической зоны и ее трансформация, как представляется, будет исходить из текущих и ожидаемых геополитических реалий, а также прогнозируемых политическим руководством страны тенденций, ключевой из которых, в свою очередь, будет являться практика по системному противодействию агрессивной антироссийской риторике и поведению, а также усилия, направленные на констатацию деструктивности идеи изоляции России от внешнего мира, в т.ч. и в Арктическом регионе. Вторым направлением будет выступать препятствование комплексному выдавливанию страны из Арктики, а также создание условий для ограничения вызовов, исходящих на фоне роста активности НАТО, главным образом – за счет усиления боевых способностей, инфраструктуры и проведения учений. Третий вектор связан с формированием соразмерного ответа на угрозы милитаризации региона для защиты национальных интересов и безопасности в Заполярье, с неукоснительным и безусловным приоритетом исключительно оборонительных целей и задач.

⁴¹⁴ Лукин А.Л., Юнхуэй Л., Кейдун И.Б. Россия и Китай в Арктике: состояние и перспективы двустороннего сотрудничества // Известия Восточного института. – 2022. – № 1. – С. 128.

Выводы по главе 3

В соответствии с определенной в рамках диссертационной работы целью и установленным структурным планом, в рассматриваемой главе изложены результаты проведенного исследования по заключительным задачам 7–9 из перечня, представленного во введении.

В первом параграфе с опорой на предложенную автором четырехэтапную концепцию эволюции политики НАТО по отношению к Арктике представлен комплексный анализ процесса формирования позиции блока в отношении Крайнего Севера, указывающей на последовательное развитие сопернического вектора с Россией в Заполярье как углубляющейся со временем тенденции. В дополнение к разделу проведен ряд отдельных исследований, изложенных в Приложениях 1, 3, 4. В их числе: 1) общий системный анализ политики соперничества НАТО с Россией в Арктике; 2) проведенный с применением метода интервьюирования опрос ведущих зарубежных экспертов-международников из США, Великобритании и Швеции, поле научных исследований которых непосредственно включает, затрагивает вопросы безопасности в Арктическом регионе (в т.ч. и деятельность блока НАТО на Крайнем Севере); 3) исследование динамики трансформации военно-политической активности Североатлантического альянса в Арктике в период 2006-2023 гг. с применением кодировочной системы ивент-анализа WEIS и установленной шкалы Гольдштейна к ней (кроме того, автором расширен потенциал данных инструментов посредством введения новых кодов и их практического веса).

Во втором параграфе детализирован процесс освоения Арктики Россией и проблема восприятия данной деятельности со стороны стран НАТО, опираясь на аналогично предложенную автором четырёхэтапную концепцию. Отмечается, что полноценное возвращение России в Арктику последовательно вызывало негативную реакцию: от резких заявлений и до намеренного искажения, преподнесения деятельности в качестве непосредственной угрозы для альянса. Кроме того, в рассматриваемом вопросе восприятия представляются значимыми результаты изложенного в Приложении 7 дополнительного исследования с применением метода когнитивного картирования, демонстрирующего расхождение официальной риторики и практических действий НАТО в отношениях с Россией на Крайнем Севере.

В третьем параграфе, применяя сценарный анализ, представлены три возможных варианта развития ситуации в регионе: 1) дальнейшее углубляющееся соперничество России и НАТО на фоне милитаризации Заполярья; 2) стабилизация международной обстановки и появление шагов к сотрудничеству России и стран-членов альянса в Арктике; 3) глокализация Арктического региона. Для России, в любом из сценариев, в числе приоритетных будут выступать следующие задачи: 1) системное противодействие попыткам проведения государствами-членами НАТО откровенно антироссийского курса; 2) противостояние политике «выдавливания» России из Арктики, создание условий для ограничения нарастающих вызовов, связанных с расширением присутствия НАТО на Крайнем Севере; 3) формирование сбалансированного и соразмерного ответа на угрозы милитаризации Арктики с целью защиты неотъемлемых национальных интересов России в данном регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время Арктический регион переживает первый с момента окончания холодной войны и последующего формирования институциональных площадок для диалога на Крайнем Севере серьёзный кризис, инициированный в одностороннем порядке рядом стран – США и их сателлитами, к которым, как было отмечено министром иностранных дел России С.В. Лавровым в марте 2022 г., уместно применять следующую уже устоявшуюся формулировку – государства коллективного Запада⁴¹⁵. На смену уникальному, доказавшему свою эффективность, образцу регионального международного сотрудничества в лице Арктического совета предлагаются лишённые здравого смысла проекты альтернативных институциональных образований, в которые, как предполагается, сможет войти вышеуказанный блок стран, а также те, кто прямо и неукоснительно готов разделять западные ценности. Как подчеркнул в ходе взятого автором диссертационного исследования интервью⁴¹⁶ британский исследователь К. Доддс, в настоящее время вопрос о том, сможет ли Арктика вновь выступить примером уникального и инклюзивного сотрудничества остаётся открытым. Решение данного вопроса, как представляется автору настоящего исследования, является задачей первостепенной важности.

Если многоаспектное и взаимовыгодное международное взаимодействие в рамках имеющихся институциональных площадок для диалога сталкивается с бойкотом и демаршем со стороны государств коллективного Запада, выраженного

⁴¹⁵ Лавров заявил, что коллективный Запад можно характеризовать как "США и их сателлиты" [Электронный ресурс] // ТАСС. 28 марта 2022. URL: <https://tass.ru/politika/14204949> (дата обращения: 22.03.2023).

⁴¹⁶ См. Приложение 2 «Результаты проведенного с применением метода интервьюирования опроса ведущих зарубежных экспертов-международников, поле научных исследований которых непосредственно включает, затрагивает вопросы безопасности в Арктическом регионе (в т.ч. и деятельность НАТО на Крайнем Севере)».

в установлении паузы в отношениях с Россией на неопределенный срок, то в военно-политическом измерении просматриваются наиболее отчетливые и деструктивные практические действия со стороны НАТО, являющиеся, главным образом, кульминацией и следствием реализации постепенно выстраиваемой на протяжении длительного времени сопернической риторики в Арктике.

В целом, по результатам проведенного исследования, в соответствии с поставленной целью и установленными девятью задачами, можно сделать следующие выводы:

1. Понятия «вражда», «соперничество» и «сотрудничество» обладают крайне широким спектром теоретических подходов, имеют чёткие разделительные линии между ними при обращении к их лингвистической специфике. В то же время многообразие и глубина имеющихся теоретических прочтений вызывает необходимость в формулировке предельно общих понятий, базирующихся на выделении ключевых квалифицирующих признаков (в связи с чем автором предпринята соответствующая попытка). Применительно к отношениям между Россией и НАТО, в зависимости от ситуационного контекста, допустимо использование всех трёх понятий.

2. Международное соперничество за освоение пяти общих пространств (морское, воздушное, космическое, информационное, а также приполярные территории Антарктиды и Арктики) имеет тенденцию к дальнейшему усилению. В Заполярье данный тренд объясняется наличием стратегических, военно-политических и экономических преимуществ, доступных к извлечению в ряде случаев как в настоящее время, так и в перспективе. В соперничестве за освоение общих пространств акторы преследуют три ключевые цели. Они ведут борьбу за: непосредственный и свободный доступ, возможность использовать ресурсы, управление.

3. Международное взаимодействие в Арктике, в целом, прошло четыре последовательных и эволюционных периода: 1) этап международного освоения и сосуществования в Заполярье (XV в. – конец 1980-х гг.); 2) этап интенсивного международного освоения и коллективного управления (начало 1990-х гг. –

2007 г.); 3) этап международного освоения и глобальной конкуренции в Арктике (2007–2022 гг.); 4) этап неопределенности (2022 г. – настоящее время).

4. Понятие «освоение территории» следует рассматривать с позиции двух присущих ему ключевых измерений – физического и политико-правового. Российская Федерация и страны-члены Организации Североатлантического договора, при непосредственном освоении Арктического региона, имеют точки пересечения и столкновения интересов на следующих шести уровнях: стратегический, институциональный, уровень безопасности (осложнен наличием ряда фундаментальных проблем), экономический, экологический, научный. Применительно к Заполярью, каждая из перечисленных сфер может быть использована как для восстановления диалога после его одностороннего приостановления в 2022 г., так и для дальнейшего усиления напряженности.

5. Российская Федерация имеет четыре ключевых экономических интереса в Арктике: 1) осуществление добычи природных ресурсов; 2) развитие транспортной инфраструктуры (приоритет – Северный морской путь); 3) повышение уровня жизни граждан на северных территориях; 4) улучшение инвестиционной привлекательности Арктической зоны Российской Федерации. Установлено, что при обращении к анализу экономических интересов стран-членов НАТО в Заполярье, целесообразно их разделение на две группы. К первой относятся арктические государства альянса, характерным отличием которых выступает наличие неотъемлемых для них комплексов экономических интересов в Арктике: США, Канада, Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия. К ним же относится и Швеция как страна, находящаяся на пути вступления в НАТО. Вторая группа включает в себя государства, не являющиеся арктическими и отличающиеся повышенным экономическим интересом к Заполярью: Великобритания, Германия, Франция, Нидерланды, Польша, Эстония, Латвия, Италия, Испания и Турция.

6. Военно-политическая деятельность как, с одной стороны, России, так и с другой – блока НАТО в Арктике, направлена на решение трёх следующих задач: 1) обеспечение физического присутствия (в т.ч. строительство

инфраструктуры и развитие флота); 2) оптимизация управления вооруженными силами в Заполярье (включая организационные вопросы, формирование командований); 3) готовность отвечать на военные вызовы на Крайнем Севере. Для НАТО характерной тенденцией деятельности в Арктике выступает догоняющее развитие, выраженное в стремлении сократить разрыв в потенциале с Россией. С 2014 г. на фоне кризиса и дальнейшего роста взаимного недоверия прослеживается увеличение числа учений в Заполярье.

7. Процесс формирования курса НАТО на соперничество с Россией в Арктике как постепенно углубляющейся тенденции прошёл четыре хронологически последовательных этапа: 1) 2000–2007 гг.; 2) 2007–2014 гг.; 3) 2014–2020 гг.; 4) 2020 г. – настоящее время. До 2020-х гг. альянс, в целом, пытался придерживаться неявного политического курса в Арктике при явных и отчётливо просматриваемых практических действиях: от старта многонациональных учений НАТО в Заполярье в 2006 г., их последующего расширения, интенсификации при параллельных заявлениях об отсутствии намерения расширять деятельность в Арктике, и до декларирования необходимости усиления присутствия в регионе.

8. Интенсификация сопернического курса НАТО находится в тесной зависимости с вопросом восприятия деятельности по освоению Арктического региона со стороны Российской Федерации, прошедшей четыре аналогичных этапа: 1) 2000–2007 гг.; 2) 2007–2014 гг.; 3) 2014–2020 гг.; 4) 2020 г. – настоящее время. Соперничество постепенно видоизменялось: от резких высказываний элит стран-членов альянса, связанных с откровенным неприятием «возвращения» российской стороны в регион во второй половине 2000-х гг., усиления активности, и до официального обозначения России в качестве «стратегического вызова» для НАТО в Арктике. Отечественная военно-политическая деятельность, неукоснительно опирающаяся исключительно на защиту национальных интересов в Арктике, намеренно искажается со стороны НАТО и преподносится в качестве непосредственной «угрозы» для блока.

9. Сценарный анализ позволяет выстроить три возможных варианта дальнейшего развития ситуации в Заполярье: 1) углубляющееся соперничество Российской Федерации и НАТО на фоне милитаризации Крайнего Севера; 2) стабилизация международной обстановки и появление шагов к сотрудничеству России и стран-членов альянса в Арктике; 3) глокализация Арктического региона (разделение Заполярья на «зоны ответственности»). В сложившихся условиях, вне зависимости от реализации того или иного из предложенных сценариев, в числе ключевых для Российской Федерации будут выступать следующие задачи: 1) дальнейшее повышение боевых способностей, строительство инфраструктуры и проведение учений в Арктике; 2) противостояние политике «выдавливания» из Арктики с опорой на дипломатический инструментарий и выстраивание конструктивного международного сотрудничества в регионе с заинтересованными государствами (в том числе с неарктическими из БРИКС, ШОС); 3) недопущение гипотетического сценария эскалации военно-политической напряженности в Арктике путем системного использования мер конвенционального и не конвенционального характера.

Таким образом, соперничество в Арктике находится в самом начале своего пути. Смягчение или преодоление данной тенденции напрямую зависит от степени готовности государств коллективного Запада переосмыслить текущий подход, основанный на асимметричности и игре с нулевой суммой, в которой, как известно, может быть исключительно один победитель.

Как итог, в наблюдаемой на настоящий момент времени ситуации хаоса и неопределенности выдвигаемая российской научной мыслью перспективная теоретическая модель-концепция, сочетающая в себе «новый регионализм» и «глобальный регион», применительно к субнациональному уровню управления Арктикой, временно уходит на второй план в силу стремительно развивающихся геополитических процессов в регионе и неприятия России в этой связи. Вместе с этим, как применительно к Заполярию, так и к более широкому международному уровню, начинает логично прослеживаться рост числа отечественных научных публикаций, фокус которых определяется на непосредственном жёстком

соперничестве (в т.ч. осмысляющих возможность построения стратегии устрашения и применения ядерного оружия в контексте текущего противостояния с Западом на Украине⁴¹⁷). Представляется, что российскому академическому сообществу, применительно к Арктике, необходимо продолжить широкие научные дискуссии и исследования, учитывающие не только наблюдаемую деструктивную политику государств коллективного Запада и, в частности, блока НАТО в Заполярье, но и принимающие во внимание возможность ограниченного и прагматичного сотрудничества, не просматриваемого в обозримом будущем.

В целом, принимая во внимание многоаспектную сложность и наблюдаемую в настоящее время турбулентность переходного характера международного порядка, а также его влияние на динамику соперничества России и НАТО в Арктике, необходимо отметить, что проведенное в диссертации комплексное исследование, прямо и непосредственно учитывающее один из ключевых рубежей обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, выполнено в полном объеме, достигло поставленных цели и девяти установленных задач. Положения, выносимые на защиту, а также представленные выводы, в процессе исследования получили стройное логическое и аргументированное подтверждение.

⁴¹⁷ Караганов С.А. Тяжкое, но необходимое решение [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 13 июня 2023. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tyazhkoe-no-neobhodimoe-reshenie/> (дата обращения: 03.08.2023).

БИБЛИОГРАФИЯ

Официальные документы и источники на русском языке

1. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976). – Москва, 2014. – 29 с.
2. Выступление Президента России В.В. Путина на совещании по проблемам Северного морского пути и судостроения [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – 5 апреля 2000. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21346> (дата обращения: 03.12.2022).
3. Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО «Отношения Россия – НАТО: новое качество» от 28 мая 2002 г. [Электронный ресурс] // Организация Североатлантического договора: официальный сайт. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_19572.htm (дата обращения: 12.10.2022).
4. Добыча газа в российской Арктике может вырасти в 1,5 раза [Электронный ресурс] // Министерство промышленности и геологии Республики Саха (Якутия): официальный сайт. – 13 ноября 2020. – Режим доступа: <https://minprom.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3241359> (дата обращения: 10.02.2022).
5. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане, 15 сентября 2010 года // Президент России: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/707> (дата обращения: 21.10.2022).
6. Договор об Антарктике от 1 декабря 1959 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1901494> (дата обращения: 16.06.2021).
7. Заседание Совета Безопасности по вопросу реализации государственной политики в Арктике [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – 22 апреля 2014. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20845> (дата обращения: 10.12.2022).
8. Командующий Северным флотом подвёл итоги деятельности флота в 2021 учебном году [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации: официальный сайт. – 18 ноября 2021. – Режим

доступа: https://structure.mil.ru/structure/forces/navy/news/more.htm?id=12394443@e_gNews (дата обращения: 12.03.2022).

9. Конвенция о международной гражданской авиации (Чикаго, 7 декабря 1944 г.) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1902240> (дата обращения: 16.06.2021).

10. Морская доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 26.07.2015 N Пр-1210). – Москва, 2015. – 46 с.

11. На Северном флоте подведены итоги 2020 учебного года [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации: официальный сайт. – 19 ноября 2020. – Режим доступа: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12325626 (дата обращения: 12.03.2022).

12. Объем перевезенных грузов по Северному морскому пути (СМП) в 2022 году составил 34,034 млн тонн [Электронный ресурс] // Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»: официальный сайт. – 13 января 2023. – Режим доступа: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/obem-perevezennykh-gruzov-po-severnomu-morskomu-puti-v-2022-godu-sostavil-34-034-mln-tonn/> (дата обращения: 01.02.2023).

13. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора от 27 мая 1997 г. [Электронный ресурс] // Организация Североатлантического договора: официальный сайт. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 12.10.2022).

14. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 г. N Пр-1969). – Москва, 2008. – 11 с.

15. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике. Одобрены на заседании Правительства Российской Федерации 14 июня 2001 г. Протокол № 24, раздел III, п. 1. [Электронный ресурс] // Архивный сайт Управления экономики окружающей среды и природных ресурсов Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации (преобразовано в Министерство экономического развития Российской Федерации в 2008 г.). – Режим доступа: <http://www.sci.aha.ru/econ/A111c.htm> (дата обращения: 21.11.2022).

16. Распоряжение Правительства РФ от 01.08.2022 г. № 2115-р «План развития Северного морского пути до 2035 года». – Москва, 2022. – 57 с.

17. Россия возобновляет свое военное присутствие в Арктике [Электронный ресурс] // Министерство обороны Российской Федерации: официальный сайт. – 14 сентября 2013. – Режим доступа: <https://mil.ru/mcis/news/more.htm?id=11839014> (дата обращения: 08.12.2022).

18. Совещание по вопросам развития Арктической зоны [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – 13 апреля 2022. – Режим

доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68188> (дата обращения: 28.08.2022).

19. Соглашение о сохранении белых медведей от 15 ноября 1973 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900923> (дата обращения: 08.08.2021).

20. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. (утв. Президентом РФ 08.02.2013 г. N Пр-232). – Москва, 2013. – 21 с.

21. Указ Президента Российской Федерации от 05.06.2020 г. № 374 «О военно-административном делении Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45591> (дата обращения: 12.03.2022).

22. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 27.02.2023 № 126). – Москва, 2023. – 40 с.

23. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 01.04.2023).

24. Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации». – Москва, 2022. – 56 с.

25. Указ Президента РФ от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 21.02.2023 № 112). – Москва, 2023. – 18 с.

Официальные документы и источники на иностранном языке

26. 174th Military Committee in Chiefs of Defence Session. Questions and answers [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – January 22, 2016. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/us/natohq/opinions_127395.htm (accessed: 12.12.2022).

27. Airline Competition [Electronic resource] // The official website of the Organisation for Economic Co-operation and Development. – 2021. – Mode of access: <https://www.oecd.org/competition/airlinecompetition.htm> (accessed: 16.06.2021).

28. America, Europe and the Pacific: Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Marines' Memorial Club Hotel in San Francisco on 9 July 2014 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – July 11, 2014. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/fr/natohq/opinions_111659.htm (accessed: 27.11.2022).

29. Brussels Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 14 June 2021 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – July 1, 2022. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (accessed: 18.11.2022).

30. Canada's Arctic and Northern Policy Framework [Electronic resource] // The official website of the Government of Canada. – September 2019. – Mode of access: <https://www.rcaanc-cirnac.gc.ca/eng/1560523306861> (accessed: 10.02.2022).
31. China's Arctic Policy [Electronic resource] // The official website of the State Council of the People's Republic of China. – January 26, 2018. – Mode of access: http://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (accessed: 12.08.2021).
32. Competition in international air transport [Electronic resource] // The official website of the International Civil Aviation Organization. – 2021. – Mode of access: <https://www.icao.int/sustainability/Pages/Competition-in-air-transport.aspx> (accessed: 16.06.2021).
33. Daily Press Briefing by Deputy Spokesman Tom Casey on 2 August 2007 [Electronic resource] // The official archive of the United States Department of State website (2001–2009). – August 2, 2007. – Mode of access: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/dpb/2007/aug/90016.htm> (accessed: 04.12.2022).
34. ÉQUILIBRER LES EXTRÊMES: Stratégie polaire de la France à horizon 2030 [Electronic resource] // The official website of the Government of France. – April 1, 2022. – Mode of access: https://www.gouvernement.fr/upload/media/default/0001/01/2022_04_strategie_polaire_de_la_france_a_horizon_2030.pdf (accessed: 10.04.2022).
35. Finland's Strategy for Arctic Policy [Electronic resource] // The official website of the Finnish Government. – June 18, 2021. – Mode of access: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/163247/VN_2021_55.pdf (accessed: 30.08.2022).
36. France Diplomacy: Arctic [Electronic resource] // The official website of the French Ministry for Europe and Foreign Affairs. – August 2021. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gouv.fr/en/country-files/arctic/> (accessed: 11.02.2022).
37. Full text of the Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative [Electronic resource] // The official website of the State Council of the People's Republic of China. – June 20, 2017. – Mode of access: http://english.www.gov.cn/archive/publications/2017/06/20/content_281475691873460.htm (accessed: 12.08.2021).
38. Germany's Arctic policy guidelines [Electronic resource] // The official website of the German Federal Foreign Office. – August 21, 2019. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2240002/eb0b681be9415118ca8-7bc8e215c-0cf4/arktisleitlinien-data.pdf> (accessed: 11.02.2022).
39. Greenland and Iceland in the New Arctic [Electronic resource] // The official website of the Government of Greenland. – December 2020. – Mode of access: https://naalakkersuisut.gl/en/Naalakkersuisut/Groenlands-Repraesentation-i-Reykjavik/New_Arctic (accessed: 10.02.2022).
40. Iceland's Policy on Matters Concerning the Arctic Region [Electronic resource] // The official website of the Ministry for Foreign Affairs of Iceland. – October 2021. – Mode of access: https://www.government.is/library/01-Ministries/Ministry-for-Foreign-Affairs/PDF-skjol/Arctic%20Policy_WEB.pdf (accessed: 11.02.2022).

41. International Environmental Governance of the Global Commons [Electronic resource] // The official website of the United Nations Environment Programme. – December 28, 2013. – Mode of access: <http://www.unep.org/delc/GlobalCommons/tabid/54404/Default.aspx> (accessed: 18.06.2021).

42. Interview: Norway's Minister of Foreign Affairs, Jonas Gahr Store [Electronic resource] // NATO Review. – March 18, 2009. – Mode of access: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2009/03/18/interview-norway-s-minister-of-foreign-affairs-jonas-gahr-store/index.html> (accessed: 16.10.2022).

43. Joint press conference with NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Prime Minister of Canada, Justin Trudeau on 26 August 2022 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – August 26, 2022. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_206908.htm (accessed: 18.11.2022).

44. Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020 [Electronic resource] // The official website of the Government of Denmark. – August 2011. – Mode of access: <http://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf> (accessed: 10.02.2022).

45. London Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London 3-4 December 2019 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – July 1, 2022. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm (accessed: 16.11.2022).

46. Looking North: The UK and the Arctic. The United Kingdom's Arctic Policy Framework [Electronic resource] // The official website of the Government of the United Kingdom. – February 9, 2023. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1135186/looking-north-the-uk-and-the-arctic-the-uks-arctic-policy-framework.pdf (accessed: 12.04.2023).

47. National Security Strategy of the United States of America 2022 [Electronic resource] // The official website of The White House. – October 12, 2022. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 02.10.2022).

48. National Strategy for the Arctic Region [Electronic resource] // The official website of the White House. – October 7, 2022. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (accessed: 10.02.2023).

49. NATO 2022 Strategic Concept [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – June 29, 2022. – Mode of access: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (accessed: 10.08.2022).

50. NATO 2030: United for a New Era. Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General on 25 November 2020 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – November 26, 2020. – Mode of access:

https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (accessed: 18.11.2022).

51. NATO: Ready for the Future. Adapting the Alliance (2018-2019) [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – November 21, 2019. – Mode of access: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_11/20191129_191129-adaptation_2018_2019_en.pdf (accessed: 16.11.2022).

52. NATO's Strategic Concept 2010 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – November 19, 2010. – Mode of access: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf (accessed: 21.10.2022).

53. Projecting Stability: Charting NATO's Future'. Speech by NATO Secretary General to the Atlantic Council on 6 April 2016 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – April 8, 2016. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_129758.htm (accessed: 15.11.2022).

54. Russia's Invasion of Ukraine and Climate Change Significantly Impact Short and Long-Term Arctic Stability [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization Parliamentary Assembly. – September 23, 2022. – Mode of access: <https://www.nato-pa.int/news/russias-invasion-ukraine-and-climate-change-significantly-impact-short-and-long-term-arctic> (accessed: 21.11.2022).

55. Speech by NATO Deputy Secretary General Rose Gottemoeller at the NATO Parliamentary Assembly session on 29 May 2017 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – May 30, 2017. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144090.htm (accessed: 15.11.2022).

56. Speech by NATO Secretary General Jaap de Hoop Scheffer on security prospects in the High North on 29 January 2009 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – February 9, 2009. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_50077.htm (accessed: 15.10.2022).

57. Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the 68th Annual Session of the NATO Parliamentary Assembly on 21 November 2022 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – November 22, 2022. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_209237.htm (accessed: 23.11.2022).

58. Strasbourg / Kehl Summit Declaration, issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council on 4 April 2009 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – May 8, 2014. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_52837.htm (accessed: 20.10.2022).

59. Supplementary Defense Cooperation Agreement Between The Government Of The Kingdom Of Norway And The Government Of The United States Of America [Electronic resource] // The official website of the Government of Norway. – April 16, 2021. – Mode of access: <https://www.regjeringen.no/contentassets/0a7035b6c001426daf41e6158e8f9b4c/sdca-english-version.pdf> (accessed: 12.03.2022).

60. Sweden's strategy for the Arctic region [Electronic resource] // The official website of the Government Offices of Sweden. – November 10, 2020. – Mode of access: <https://www.government.se/4ab869/contentassets/c197945c0be646a482733275d8b702cd/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> (accessed: 30.08.2022).
61. The Ilulissat Declaration. Ilulissat, Greenland, 27-29 May 2008 [Electronic resource] // The official website of the Government of Norway. – Mode of access: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/080525_arctic_ocean_conference_outcome.pdf (accessed: 12.08.2021).
62. The Netherlands' Polar Strategy 2021-2025 [Electronic resource] // The official website of the Government of the Netherlands. – March 1, 2021. – Mode of access: <https://www.government.nl/binaries/government/documenten/publicaties/2021/03/01/polar-strategy/The+Netherlands+Polar+Strategy+2021-2025.pdf> (accessed: 11.02.2022).
63. The Norwegian Government's Arctic Policy [Electronic resource] // The official website of the Government of Norway. – January 26, 2021. – Mode of access: https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/arctic_policy/id2830120/#tocNode_42 (accessed: 11.02.2022).
64. U.S. Interim National Security Strategic Guidance. March 2021 [Electronic resource] // The official website of The White House. – March 3, 2021. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed: 02.10.2022).
65. Unified Effort. Report of the Expert Commission on Norwegian Security and Defence Policy [Electronic resource] // The official website of the Government of Norway. – July 16, 2015. – Mode of access: <https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/fd/dokumenter/rapporter-og-regelverk/unified-effort.pdf> (accessed: 10.12.2022).
66. United Nations Convention on the Law of the Sea [Electronic resource] // The official website of the United Nations. – November 16, 1994. – Mode of access: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (accessed: 16.06.2021).
67. Vilnius Summit Communiqué. Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – July 11, 2023. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (accessed: 12.07.2023).
68. Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – July 1, 2022. – Mode of access: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (accessed: 15.11.2022).
69. Weekly press briefing by NATO Spokesman, James Appathurai on 28 January 2009 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. – January 29, 2009. – Mode of access: <https://www.nato.int/docu/speech/2009/s090128a.html> (accessed: 21.10.2022).

Монографии, словари, книги и учебные пособия на русском языке

70. Арктика: интересы России и международные условия их реализации: монография / Авт. кол. Ю.Г. Барсегов (рук. проекта), В.А. Корзун, И.М. Могилевкин (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 2002. – 356 с.
71. Голдин, В.И., Соколова, Ф.Х., Паникар, М.М. Международные отношения в Арктике: учеб.-метод. материалы / В.И. Голдин, Ф.Х. Соколова, М.М. Паникар; Российский совет по международным делам. – М.: НП РСМД, 2017. – 76 с.
72. Жильцов, С.С., Зонн, И.С. Арктика. Регион будущего развития / С.С. Жильцов, И.С. Зонн. – М.: Аспект Пресс, 2022. – 320 с.
73. Жуков, Ю.Н. Сталин: Арктический щит / Ю.Н. Жуков. – М.: Вагриус, 2008. – 544 с.
74. Загорский, А.В. Безопасность в Арктике: монография / А.В. Загорский. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 114 с.
75. Загорский, А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике: монография / А.В. Загорский. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 104 с.
76. Кант, И. К вечному миру / И. Кант // Соч.: в 8 т. / Под общ. ред. проф. А.В. Гулыги. – Т. 7. – М.: ЧОРО, 1994. – 496 с.
77. Коньшев, В.Н., Сергунин, А.А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество?: монография / В.Н. Коньшев, А.А. Сергунин; Под ред. канд. геол.-минер. наук И.В. Прокофьева. – М.: РИСИ, 2011. – 194 с.
78. Костин, А.И. Экополитология и глобалистика: учебное пособие для студентов вузов / А.И. Костин. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 418 с.
79. Маковельский, А. Досократики: книга / А. Маковельский. – Минск: Харвест, 1999. – 789 с.
80. Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации: монография / Под ред. А.В. Загорского. – М.: Магистр, 2015. – 304 с.
81. Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир: монография / Отв. ред. О.П. Иванов. – М.: Проспект, 2020. – 416 с.
82. О национально ориентированной теории международных отношений (к 80-летию профессора П.А. Цыганкова): монография / Под ред. Л.Э. Слуцкого, А.Ю. Шутова. – М.: Издательство Московского университета, 2021. – 863 с.
83. Платон. Собрание сочинений в 4 т. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – Т. 3. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
84. Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15. Ч. 2. / Отв. ред. В.И. Герасимов. – М.: ИНИОН РАН, 2020. – 1002 с.
85. Савин, Л.В. Ordo Pluriversalis. Возрождение многополярного мироустройства: монография / Л.В. Савин. – М.: Издательский дом «Кислород», 2020. – 594 с.
86. Хазин, М.Л., Кобяков, А.Б. Закат империи доллара и конец «Рах Americana» / М.Л. Хазин, А.Б. Кобяков – М.: РИПОЛ Классик, 2022. – 302 с.

87. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: Издательство АСТ, 2021. – 576 с.

88. Цыганков, А.П., Цыганков, П.А. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий: учебное пособие для студентов вузов / А.П. Цыганков, П.А. Цыганков. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 238 с.

89. Цыганков, П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика: монография / П.А. Цыганков. – М.: Издательство Московского университета, 2014. – 568 с.

90. Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками: монография / Под ред. В.А. Крюкова, Т.П. Скуфьиной, Е.А. Корчак. – Апатиты: ФИЦ КНЦ РАН, 2020. – 245 с.

91. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. – М.: МГУ, 1963–1965. – 399 с.

Монографии, книги и учебные пособия на иностранном языке

92. Auf den Spuren der Konkurrenz: Kultur- und sozialwissenschaftliche Perspektiven, Freiburger Studien zur Kulturanthropologie / K. Bürkert, A. Engel, T. Heimerdinger, M. Tauschek, T. Werron (eds.). – Münster: Waxmann, 2019. – 292 p.

93. Axelrod, R. The Evolution of Cooperation / R. Axelrod. – New York: Basic Books, 1984. – 243 p.

94. Buck, S.J. The Global Commons: An Introduction / S.J. Buck. – Washington D.C.: Island Press, 1998. – 225 p.

95. Burke, R.P. The Polar Pivot: Great Power Competition in the Arctic and Antarctica / R.P. Burke. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2022. – 261 p.

96. Buzan, B., Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Society / B. Buzan, O. Wæver. – Cambridge: The Press Syndicate of the University of Cambridge, 2003. – 564 p.

97. Buzan, B., Wæver, O., Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. Wilde. – London: Lynne Rienner Publishers, 1998. – 239 p.

98. Climate Change and Arctic Security: Searching for a paradigm shift / L. Heininen, H. Exner-Pirot (eds.). – Cham: Palgrave Pivot, 2020. – 164 p.

99. Competition in World Politics: Knowledge, Strategies and Institutions / D. Russ, J. Stafford (eds.). – Bielefeld: Transcript Verlag, 2021. – 306 p.

100. Depledge, D. Britain and the Arctic / D. Depledge. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2018. – 156 p.

101. Environmental Security in the Arctic Ocean (NATO Science for Peace and Security Series C: Environmental Security) / Ed. by P.A. Berkman, A.N. Vylegzhanin. – Dordrecht: Springer, 2012. – 459 p.

102. Glaser, C.L. Rational Theory of International Politics: The Logic of Competition and Cooperation / C.L. Glaser. – Princeton: Princeton University Press, 2010. – 328 p.

103. Herz, J.H. Political Realism and Political Idealism / J.H. Herz. – Chicago: University of Chicago Press, 1951. – 275 p.

104. Hough, P. International Politics of the Arctic. Coming in from the Cold / P. Hough. – London: Routledge, 2013. – 194 p.

105. Influence of Climate Change on the Changing Arctic and Sub-Arctic Conditions (NATO Science for Peace and Security Series C: Environmental Security) / J. Nihoul, A. Kostianoy (eds.). – Dordrecht: Springer, 2009. – 248 p.

106. Keohane, R. After Hegemony / R. Keohane. – N.J.: Princeton University Press, 1984. – 320 p.

107. Laruelle, M. Russia's Arctic Strategies and the Future of the Far North / M. Laruelle. – New York: Routledge, 2014. – 280 p.

108. Lindblom, C. The Intelligence of Democracy / C. Lindblom. – New York: Free Press, 1965. – 352 p.

109. Morgenthau, H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace / H.J. Morgenthau, K.W. Thompson. – 6th ed. – New York: Alfred A. Knopf, 1985. – 688 p.

110. NATO Towards the Challenges of a Contemporary World / Ed. by R. Czulda, R. Łoś. – Warsaw: International Relations Research Institute, 2013. – 316 p.

111. Pietraś, M., Olchowski, O. NATO w poziomnowjennym środowisku (nie)bezpieczeństwa / M. Pietraś, O. Olchowski. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2011. – 470 p.

112. Ripsman, N., Taliaferro, J., Lobell, S. Neoclassical Realist Theory of International Politics / N. Ripsman, J. Taliaferro, S. Lobell. – New York: Oxford University Press, 2016. – 208 p.

113. Security in Northern Europe: Deterrence, Defense and Dialogue / Ed. by J.A. Olsen. – London: Routledge, 2018. – 144 p.

114. The Global Arctic Handbook / M. Finger, L. Heininen (eds.). – Cham: Springer, 2019. – 306 p.

115. The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics / Ed. by K.S. Coates, C. Holroyd. – Cham: Palgrave Macmillan, 2020. – 568 p.

116. Walt, S.M. The Origins of Alliance / S.M. Walt. – Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 336 p.

117. Waltz, K. Theory of International Politics / K. Waltz. – New York: McGraw Hill, 1979. – 251 p.

118. Wendt, A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 450 p.

119. Wolfers, A. Discord and Collaboration / A. Wolfers. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. – 283 p.

120. Wright, Q. Problems of Stability and Progress in International Relations / Q. Wright. – Berkeley: University of California Press, 1954. – 378 p.

Статьи в научных, общественно-политических изданиях и сборниках на русском языке

121. Авхадеев, В.Р. Механизм международного сотрудничества по проблемам Арктики: развитие на современном этапе и в перспективе / В.Р. Авхадеев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 332–353.

122. Анисимов, П.А. Вызовы национальной безопасности РФ в Арктическом регионе / П.А. Анисимов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2020. – № 4–1. – С. 74–83.
123. Арбатов, А. Крушение миропорядка? / А. Арбатов // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т. 12. – № 4. – С. 16–31.
124. Аржанов, И.А. Военно-политическая деятельность России в Арктике в контексте соперничества с НАТО в XXI веке / И.А. Аржанов // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2023. – Т. 13. – № 1 (94). – С. 251–262.
125. Аржанов, И.А. Россия, НАТО и Арктика: соперничество, безопасность, возможные сценарии развития геополитической конкуренции / И.А. Аржанов // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21. – № 4. – С. 758–771.
126. Аржанов, И.А. Рост активности НАТО в Арктике как угроза национальной безопасности Российской Федерации / И.А. Аржанов // Либерально-демократические ценности. – 2020. – Т. 4. – №3–4. – С. 9–16.
127. Аржанов, И.А. Усиление присутствия НАТО в Арктике и нарастающее соперничество с Россией / И.А. Аржанов // Вестник Института мировых цивилизаций. – 2021. – Т. 12. – № 3 (32). – С. 6–14.
128. Аюшеева, С.Н., Михеева, А.С., Новиков, А.Н., Новикова, М.С., Осодоев, П.В. Экономический (хозяйственный) вид освоения территорий: специфика и соотношение с другими видами (теоретический анализ) [Электронный ресурс] / С.Н. Аюшеева, А.С. Михеева, А.Н. Новиков, М.С. Новикова, П.В. Осодоев // Интернет-журнал «Науковедение». – Сентябрь-октябрь 2014. – № 5 (24). – Статья № 139EVN514. – Режим доступа: <http://www.inrec.sbras.ru/files/public/1438350427.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).
129. Батюк, В.И. НАТО и Российская Федерация: эволюция взаимоотношений / В.И. Батюк // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2020. – Т. 12. – № 1. – С. 3–31.
130. Белобров, Ю.Я. НАТО - курс на дестабилизацию Арктики / Ю.Я. Белобров // Международная жизнь. – 2022. – № 10. – С. 70–83.
131. Белоглазов, А.В., Абдыжалалова, М.А. Международное сотрудничество в Арктике государств Северо-Восточной Азии / А.В. Белоглазов, М.А. Абдыжалалова // Международные отношения и общество. – 2020. – № 2. – С. 48–57.
132. Бордачев, Т. Старый мировой порядок умер [Электронный ресурс] / Т. Бордачев // Российский совет по международным делам (РСМД). – 29 декабря 2022. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/comments/staryy-mirovoy-poryadok-umer/> (дата обращения: 08.01.2023).
133. Боровский, Ю.В. Международное соперничество: теоретические и лингвистические аспекты / Ю.В. Боровский // Международные отношения. – 2018. – № 3. – С. 65–72.
134. Бхагват, Д. Арктическое военное присутствие и его влияние на развитие Северного морского пути / Д. Бхагват // Арктика и Север. – 2022. – № 48. – С. 91–118.

135. Вopilовский, С.С. Зарубежные экономические партнёры России в Арктической зоне / С.С. Вopilовский // Арктика и Север. – 2022. – № 46. – С. 33–50.
136. Воронков, Л.С. Арктика на восьмерых. Эволюция роли НАТО в арктических широтах / Л.С. Воронков // Россия в глобальной политике. – 2013. – Т. 11. – № 3. – С. 177–189.
137. Вылегжанин, А.Н., Киенко, Е.В. Консультативные совещания неарктических государств по статусу Арктики / А.Н. Вылегжанин, Е.В. Киенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12. – № 2. – С. 296–318.
138. Вяхирева, Н. Диалог с Россией в Арктике на паузе [Электронный ресурс] / Н. Вяхирева // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – 20 апреля 2022. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/dialog-s-rossiey-v-arktike-na-pauze/> (дата обращения: 20.04.2022).
139. Гаврилов, О.Ю. Состояние и перспективы развития системы региональной безопасности в Арктике / О.Ю. Гаврилов // Военная мысль. – 2019. – № 6. – С. 34–49.
140. Глотов, В.И., Аржанов, И.А. НАТО и безопасность в Арктике: проблемы, возможности, перспективы / В.И. Глотов, И.А. Аржанов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – Т. 9. – № 5. – С. 92–96.
141. Гольцов, А.Г. Международный порядок в Арктике: геополитическое измерение / А.Г. Гольцов // Мировая политика. – 2017. – № 4. – С. 44–55.
142. Гриняев, С.Н. Мотивы и интересы неарктических стран по освоению Арктики / С.Н. Гриняев // Арктика и Север. – 2016. – № 24. – С. 105–111.
143. Гриняев, С.Н., Журавель, В.П. Вопросы комплексной безопасности в Основах государственной политики России в Арктической зоне до 2035 г. / С.Н. Гриняев, В.П. Журавель // Арктика и Север. – 2020. – № 39. – С. 52–74.
144. Грызлов, В.М., Потяев, П.Ю., Атрошкин, Д.А. О совершенствовании воздушно-десантной подготовки будущих офицеров для действий в Арктике / В.М. Грызлов, П.Ю. Потяев, Д.А. Атрошкин // Военная мысль. – 2021. – № 4. – С. 134–146.
145. Гурлев, И.В. Проблемы обеспечения национальной безопасности России в Арктике / И.В. Гурлев // Вестник евразийской науки. – 2020. – Т. 12. – № 3. – С. 31–43.
146. Демчук, А.Л. Управление современными экологическими конфликтами в США и Канаде / А.Л. Демчук // США & Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – Т. 50. – № 5. – С. 100–112.
147. Дубровская, Т.В., Юськаева, Э.И. Семантика вражды в медиатизированном дискурсе международных отношений / Т.В. Дубровская, Э.И. Юськаева // Русский лингвистический бюллетень. – 2021. – № 4 (28). – С. 120–126.
148. Жилина, И.Ю. Международное сотрудничество в Арктике / И.Ю. Жилина // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2021. – № 16–1. – С. 977–981.

149. Журавель, В.П. Активизация деятельности стран НАТО в Арктике / В.П. Журавель // Зарубежное военное обозрение. – 2016. – № 12. – С. 14–20.

150. Журавель, В.П. Арктика и вопросы военной безопасности РФ / В.П. Журавель // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2020. – № 3. – С. 42–47.

151. Журавель, В.П. Арктический совет: итоги первого года председательства Исландии / В.П. Журавель // Арктика и Север. – 2021. – № 42. – С. 186–199.

152. Журавель, В.П. Арктический совет: основные вехи развития (к 25-летию образования) / В.П. Журавель // Арктика и Север. – 2022. – № 46. – С. 220–223.

153. Журавель, В.П. НАТО в Арктике: угроза национальной безопасности России (2010–2020 гг.) / В.П. Журавель // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. – 2020. – № 3–2. – С. 79–84.

154. Журавель, В.П. НАТО и вопросы национальной безопасности России в Арктике / В.П. Журавель // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 2. – С. 55–61.

155. Журавель, В.П. Новые угрозы национальной безопасности России в Арктике: проблемы противодействия / В.П. Журавель // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2020. – Т. 226. – № 6. – С. 85–98.

156. Журавель, В.П. О председательстве России в Арктическом совете: программа и первые итоги / В.П. Журавель // Научные труды вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 223. – № 1. – С. 147–167.

157. Журавель, В.П. Проблема освоения Арктики в условиях санкционного давления на Россию / В.П. Журавель // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 2. – С. 32–40.

158. Журавель, В.П. Чрезвычайное событие в Арктическом совете / В.П. Журавель // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2022. – № 12 (279). – С. 82–89.

159. Журавель, В.П., Тимошенко, Д.С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности / В.П. Журавель, Д.С. Тимошенко // Арктика и Север. – 2022. – № 49. – С. 105–124.

160. Загорский, А.В. Арктические учения Северного флота [Электронный ресурс] / А.В. Загорский // ИМЭМО РАН. – 10 октября 2013. – Режим доступа: <https://www.imemo.ru/news/events/text/arkticheskie-ucheniya-severnogo-flota> (дата обращения: 08.12.2022).

161. Загорский, А.В. Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада / А.В. Загорский // Арктика и Север. – 2018. – № 31. – С. 80–97.

162. Загорский, А.В., Тодоров, А.А. Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряжённости и пути деэскалации / А.В. Загорский, А.А. Тодоров // Арктика и Север. – 2021. – № 44. – С. 79–102.

163. Иванов, О.П. Ядерная доктрина НАТО в свете кризиса отношений с Россией / О.П. Иванов // Обозреватель–Observer. – 2018. – № 9. – С. 5–18.

164. Капицын, В.М. Полицентричный миропорядок и форматирование регуляторов насилия / В.М. Капицын // Русская политология. – 2016. – № 1. – С. 57–68.
165. Караганов, С.А. Тяжкое, но необходимое решение [Электронный ресурс] / С.А. Караганов // Россия в глобальной политике. – 13 июня 2023. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/tyazhkoe-no-neobhodimoe-reshenie/> (дата обращения: 03.08.2023).
166. Киенко, Е.В. Международно-правовые основы сотрудничества Китая с арктическими государствами / Е.В. Киенко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 2. – С. 64–68.
167. Ковалев, А.А. Движущие силы перемен в Арктике и их влияние на региональную безопасность / А.А. Ковалев // Международные отношения. – 2019. – № 3. – С. 38–50.
168. Козырев, Г.И. Коммуникация сотрудничества, соперничества, вражды в современном мире / Г.И. Козырев // Коммуникология. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 106–115.
169. Коневских, О.В. Противостояние России и США в арктическом регионе / О.В. Коневских // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2016. – № 7. – С. 61–66.
170. Конышев, В.Н., Сергунин, А.А. Ремилитаризация Арктики и безопасность России / В.Н. Конышев, А.А. Сергунин // Национальная безопасность. – 2013. – № 6. – С. 55–67.
171. Котов, А.В. Арктический вектор внешней политики Германии / А.В. Котов // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 2. – С. 48–54.
172. Котов, А.В., Лесной, Д.С. Глобальная Британия в Арктике: баланс жесткой и мягкой силы / А.В. Котов, Д.С. Лесной // Аналитические записки Института Европы РАН. – 2023. – №8 (305). – С. 11–17.
173. Круглов, В.В., Лопатин, М.А. О стратегическом значении Северного морского пути / В.В. Круглов, М.А. Лопатин // Военная мысль. – 2020. – № 9. – С. 92–102.
174. Крысанов, А.В. Международное сотрудничество: общетеоретическое и правовое измерение / А.В. Крысанов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2018. – № 4 (45). – С. 23–28.
175. Кучинская, М.Е. Арктика в фокусе внимания США и НАТО и интересы безопасности России / М.Е. Кучинская // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 1 (58). – С. 68–89.
176. Ладогин, О. Армия США нацелилась на господство в Арктике [Электронный ресурс] / О. Ладогин // Институт международных политических и экономических стратегий РУССТРАТ. – 1 апреля 2021. – Режим доступа: <https://russtrat.ru/analytics/1-aprelya-2021-0010-3674> (дата обращения: 10.08.2022).
177. Лазарев, В.М., Круглов, А.А., Хабиров, Р.Н. Арктика: военно-стратегическая обстановка, основные угрозы и пути их парирования Россией / В.М. Лазарев, А.А. Круглов, Р.Н. Хабиров // Инновации. – 2018. – № 11 (241). – С. 13–23.

178. Лукин, А.Л., Юнхуэй, Л., Кейдун, И.Б. Россия и Китай в Арктике: состояние и перспективы двустороннего сотрудничества / А.Л. Лукин, Л. Юнхуэй, И.Б. Кейдун // Известия Восточного института. – 2022. – № 1. – С. 123–131.
179. Лукин, Ю.Ф. Проблемы обеспечения кибербезопасности России в Арктике / Ю.Ф. Лукин // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1 (31). – С. 94–102.
180. Манойло, А.В. Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО / А.В. Манойло // Актуальные проблемы Европы. – 2020. – № 3. – С. 160–184.
181. Манойло, А.В., Пономарева, Е.Г., Трунов, Ф.О. Перспективные модели строительства вооруженных сил стран-членов НАТО (на примере Германии и Норвегии) / А.В. Манойло, Е.Г. Пономарева, Ф.О. Трунов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26. – № 1. – С. 67–81.
182. Марченков, М.Л. Последовательность и адаптивность: новые грани политики Швеции в Арктике / М.Л. Марченков // Арктика и Север. – 2022. – № 47. – С. 126–141.
183. Миршаймер, Д. Неизбежное соперничество / Д. Миршаймер // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. – № 1. – С. 166–181.
184. Набок, С.Д. Основные теоретические подходы в политических исследованиях Арктики / С.Д. Набок // Арктика и Север. – 2022. – № 47. – С. 142–163.
185. Орешина, М. К вопросу о милитаризации Арктики [Электронный ресурс] / М. Орешина // Российский совет по международным делам (РСМД). – 22 декабря 2022. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/k-voprosu-o-militarizatsii-arktiki/> (дата обращения: 08.01.2023).
186. Путин, В.В. Россия и меняющийся мир [Электронный ресурс] / В.В. Путин // Московские новости. – 27 февраля 2012. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 06.01.2023).
187. Репневский, В.А. Социологическое осмысление сотрудничества в международных отношениях в Арктике / В.А. Репневский // Евразийский научный журнал. – 2017. – № 3. – С. 233–236.
188. Рыжова, А.В. Арктическая политика либерального правительства Канады / А.В. Рыжова // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 2 (59). – С. 155–173.
189. Сазонова, О.А., Сазонова, Н.В. Некоторые проблемы и перспективы развития российской Арктики в современных политических и экономических условиях / О.А. Сазонова, Н.В. Сазонова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2021. – № 1 (23). – С. 32–43.
190. Серикова, У.С. История освоения Арктики / У.С. Серикова // История и педагогика естествознания. – 2016. – № 4. – С. 35–40.
191. Серова, Н.А. Долгосрочная динамика экономического развития российской Арктики / Н.А. Серова // Арктика и Север. – 2021. – № 43. – С. 32–44.

192. Сидоров, С.А., Фомина, Н.В., Сахно, В.П. Арктический регион в системе международных отношений Россия – США – Китай / С.А. Сидоров, Н.В. Фомина, В.П. Сахно // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 12 (180). – С. 217–219.

193. Синчук, Ю.В., Власов, Б.Е. Экономическая безопасность Арктики / Ю.В. Синчук, Б.Е. Власов // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2018. – № 1 (794). – С. 82–88.

194. Слуцкий, Л.Э. Чем больше американские притязания на мировое господство, тем больше шельмуется Россия / Л.Э. Слуцкий // Международная жизнь. – 2018. – № 9. – С. 37–46.

195. Соколова, Ф.Х., Шапаров, А.Е. Арктический вектор внешней политики США: динамика развития в конце XX – начале XXI века / Ф.Х. Соколова, А.Е. Шапаров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 2. – С. 30–41.

196. Столетов, О.В. Проблема правового регулирования международной информационной и кибербезопасности в современной мировой политике / О.В. Столетов // Российский журнал правовых исследований. – 2018. – № 1 (14). – С. 66–72.

197. Трубицина, О.П., Башкин, В.Н. Геополитические риски углеводородного освоения российской Арктики / О.П. Трубицина, В.Н. Башкин // Жизнь Земли. – 2021. – Т. 43. – № 1. – С. 41–53.

198. Трунов, Ф. Крайний Северный фланг НАТО: вопросы усиления военного присутствия / Ф. Трунов // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. – 2018. – № 51 (67). – С. 5–7.

199. Фененко, А.В. Военно-политические аспекты российско-американских отношений в Арктике: история и современность / А.В. Фененко // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2011. – № 2. – С. 129–157.

200. Фененко, А.В. Международное соперничество за освоение общих пространств / А.В. Фененко // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 14–30.

201. Фененко, А.В. Теория и практика международной космической безопасности / А.В. Фененко // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 2. – С. 94–116.

202. Фурсов, К.К. Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории / К.К. Фурсов // Социум и власть. – 2018. – № 5 (73). – С. 46–56.

203. Хлопов, О.А. Стратегия России и НАТО в Арктике: возможные сценарии / О.А. Хлопов // Социология. – 2021. – № 2. – С. 136–145.

204. Хомкин, А.А. Возможные военные угрозы в Арктике в среднесрочной перспективе / А.А. Хомкин // Военная мысль. – 2020. – № 5. – С. 112–120.

205. Хуашэн, Ч. Мировой порядок: фрагментация, сосуществование или соперничество? [Электронный ресурс] / Ч. Хуашэн // Россия в глобальной политике. – 14 октября 2020. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/mirovoj-poryadok> (дата обращения: 25.02.2021).

206. Цыганков, А.П., Цыганков, П.А. Снова русский урок? / А.П. Цыганков, П.А. Цыганков // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20. – № 1. – С. 51–58.

207. Цыганков, П.А., Слуцкий, Л.Э. Западный дискурс о «гибридной войне России против демократии»: новое вино в ветхие мехи / П.А. Цыганков, Л.Э. Слуцкий // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 12 (88). – С. 4227–4238.

208. Цыганков, П.А., Цыганков, А.П. Межгосударственное сотрудничество: возможности социологического подхода / П.А. Цыганков, А.П. Цыганков // Общественные науки и современность. – 1999. – № 1. – С. 131–142.

209. Чернега, В.С. Международные морские коммуникации в Арктике: политика России по защите национальных интересов в регионе / В.С. Чернега // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2021. – № 3. – С. 50–62.

210. Шапаров, А. НАТО и новая повестка дня в Арктике [Электронный ресурс] / А. Шапаров // Российский совет по международным делам (РСМД). – 24 сентября 2013. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato-i-novaya-povestka-dnya-v-arktike/> (дата обращения: 06.12.2022).

211. Ягья, В.С., Харлампыева, Н.К., Лагутина, М.Л. Арктика – новый регион внешней политики Китая / В.С. Ягья, Н.К. Харлампыева, М.Л. Лагутина // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 43–52.

Статьи в научных, общественно-политических изданиях и сборниках на иностранном языке

212. Abbasi, M. Security in Cyberspace in the Field of International Relations [Electronic resource] / M. Abbasi // Journal of Archives in Military Medicine. – December 2020. – Vol. 8. – No. 4. – Mode of access: <https://sites.kowsarpub.com/jamm/articles/114485.html> (accessed: 16.06.2021).

213. Abrams, E. The New Cold War [Electronic resource] / E. Abrams // Council on Foreign Relations. – March 4, 2022. – Mode of access: <https://www.cfr.org/blog/new-cold-war-0> (accessed: 05.01.2023).

214. Almazova-Ilyina, A. etc. The “Arctic Vector” of Spanish Foreign Policy [Electronic resource] / A. Almazova-Ilyina, M. Gabrielian, S. Kulik, K. Eidemiller // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2020. – Vol. 539. – Ar. 012049. – Mode of access: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/539/1/012049/pdf> (accessed: 11.02.2022).

215. Arkhipov, Y., Yeletsky, A. Transformational changes of the modern world economy in the conditions of glocalization and crisis of globalism / Y. Arkhipov, A. Yeletsky // Revista Inclusiones. – 2020. – Vol. 7. – P. 290–310.

216. Arndt, M. Realist-Constructivism and the India-Pakistan Conflict: A New Theoretical Approach for an Old Rivalry / M. Arndt // Asian Politics & Policy. – 2018. – Vol. 10. – No. 1. – P. 100–114.

217. Arnold, E. New Concepts but Old Problems: NATO’s New Strategic Concept [Electronic resource] / E. Arnold // RUSI. – July 1, 2022. – Mode of access: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/new-concepts-old-problems-natos-new-strategic-concept> (accessed: 12.01.2023).

218. Balton, D. Advancing U.S. Diplomacy in the Arctic / D. Balton // *The Foreign Service Journal*. – 2021. – Vol. 98. – No. 4. – P. 24–29.

219. Bartenstein, K. The ‘Common Arctic’: Legal Analysis of Arctic & non-Arctic Political Discourses / K. Bartenstein // *Arctic Yearbook 2015* / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Plouffe (eds.). – Akureyri: Northern Research Forum, 2015. – P. 264–280.

220. Basrur, R., Kliem, F. COVID-19 and International Cooperation: IR Paradigms at Odds / R. Basrur, F. Kliem // *SN Social Sciences*. – 2021. – Vol. 1. – P. 126–136.

221. Basse, D. Germany: A new (non-)Arctic power? / D. Basse // *Arctic Yearbook 2019* / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes (eds.). – Akureyri: Arctic Portal, 2019. – P. 379–395.

222. Benaissa, M. The Arctic Ocean: an Area of Contention for Influence between Contemporary International Powers [Electronic resource] / M. Benaissa // Atlas Institute for International Affairs. – May 29, 2021. – Mode of access: <https://www.internationalaffairshouse.org/the-arctic-ocean/> (accessed: 10.08.2021).

223. Bennett, D.S. Security, Bargaining, and the End of Interstate Rivalry / D.S. Bennett // *International Studies Quarterly*. – 1996. – Vol. 40. – No. 2. – P. 157–184.

224. Berkman, P. Common interests in the international space of Antarctica / P. Berkman // *Polar Record*. – 2010. – Vol. 46. – No. 1. – P. 7–9.

225. Blount, P.J. Cyberspace and the Problem of New Spaces [Electronic resource] / P.J. Blount // *E-International Relations*. – November 25, 2019. – Mode of access: <https://www.e-ir.info/2019/11/25/cyberspace-and-the-problem/> (accessed: 16.06.2021).

226. Borgerson, S. Arctic Meltdown: The Economic and Security Implications of Global Warming / S. Borgerson // *Foreign Affairs*. – 2008. – Vol. 87. – No. 2. – P. 63–77.

227. Bott, C. Responding to Russia’s Northern Fleet [Electronic resource] / C. Bott // *Proceedings*. Vol. 147. No. 3. – March 2021. – Mode of access: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/2021/march/responding-russias-northern-fleet> (accessed: 15.12.2022).

228. Boulègue, M., Depledge, D. It Is Time to Negotiate a New Military Security Architecture for the Arctic [Electronic resource] / M. Boulègue, D. Depledge // Polar Institute at the Wilson Center. – April 16, 2021. – Mode of access: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/no-5-it-time-negotiate-new-military-security-architecture-arctic> (accessed: 12.12.2021).

229. Brekke, K. NATO in the Arctic: Three Suggestions on NATO and Security in the Arctic. Civita-notat No. 10 [Electronic resource] / K. Brekke // Civita. – March 4, 2022. – Mode of access: https://civita.no/content/uploads/2022/03/Notat_10_2022_Three-Suggestions-on-NATO-and-Security-in-the-Arctic.pdf (accessed: 06.12.2022).

230. Buchanan, E., Strating, B. Why the Arctic is Not the ‘Next’ South China Sea [Electronic resource] / E. Buchanan, B. Strating // *War on the Rocks*. – November 5, 2020. – Mode of access: <https://warontherocks.com/2020/11/why-the-arctic-is-not-the-next-south-china-sea/> (accessed: 27.11.2022).

231. Byers, M. Cold, Dark and Dangerous: International Cooperation in the Arctic and Space / M. Byers // *Polar Record*. – 2019. – Vol. 55. – No. 1. – P. 32-47.

232. Cepinskyte, A., Paul, M. Arctic Security Environment in Flux: Mitigating Geopolitical Competition through a Military-Security Dialogue [Electronic resource] / A. Cepinskyte, M. Paul // The Arctic Institute. – February 11, 2021. – Mode of access: <https://www.thearcticinstitute.org/arctic-security-environment/> (accessed: 13.12.2021).

233. Charron, A. NATO and The Geopolitical Future of the Arctic / A. Charron // *Arctic Yearbook 2020* / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes (eds.). – Akureyri: Northern Research Forum, 2020. – P. 115-122.

234. Chuffart, R. Is Belgium the Next Near-Arctic State? [Electronic resource] / R. Chuffart // The Arctic Institute. – November 30, 2021. – Mode of access: <https://www.thearcticinstitute.org/belgium-next/> (accessed: 11.02.2022).

235. Cinciripini, L. From East to North: New Frontiers for the EU-NATO Arctic Defence / L. Cinciripini // *Transatlantic Policy Quarterly*. – 2023. – Vol. 21. – No 4. – P. 143–152.

236. Clackson, A. Conflict and Cooperation in International Relations [Electronic resource] / A. Clackson // *E-International Relations*. – February 1, 2011. – Mode of access: <https://www.e-ir.info/2011/02/01/conflict-and-cooperat/> (accessed: 25.02.2021).

237. Closson, S. Russian Foreign Policy in the Arctic: Balancing Cooperation and Competition [Electronic resource] / S. Closson // Wilson Center. – June 2017. – Mode of access: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no24-russian-foreign-policy-the-arctic-balancing-cooperation-and> (accessed: 04.11.2022).

238. Collins, A. State-Induced Security Dilemma. Maintaining the Tragedy / A. Collins // *Cooperation and Conflict*. – 2004. – Vol. 39. – No. 1 – P. 27–44.

239. Constantini, A. Russia and a New World Order [Electronic resource] / A. Constantini // The American Conservative. – February 1, 2022. – Mode of access: <https://www.theamericanconservative.com/russia-and-a-new/> (accessed: 07.01.2023).

240. Craig, K. The Arctic Frontier in International Relations / K. Craig // *Florida Political Chronicle*. – 2016–2017. – Vol. 25. – No. 1. – P. 85–107.

241. Dai, X., Snidal, D., Sampson, M. International Cooperation Theory and International Institutions [Electronic resource] / X. Dai, D. Snidal, M. Sampson // The Oxford Research Encyclopedia of International Studies. – November 20, 2017. – Mode of access: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-93> (accessed: 26.02.2021).

242. Depledge, D. NATO and the Arctic: The Need for a New Approach / D. Depledge // *The RUSI Journal*. – 2021. – Vol. 165. – No. 5–6. – P. 80–90.

243. Depledge, D. Train Where You Expect to Fight: Why Military Exercises Have Increased in the High North / D. Depledge // *Scandinavian Journal of Military Studies*. – 2020. – Vol. 3. – No. 1. – P. 288–301.

244. Dolzhenkova, E., Mokhorov, D. Latvia's role in the Arctic. Cooperation prospects [Electronic resource] / E. Dolzhenkova, D. Mokhorov // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. – 2020. – Vol. 539. – Ar. 012046. – Mode of access: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/539/1/012046/pdf> (accessed: 11.02.2022).

245. Doyle, M., Recchia, S. Liberalism in International Relations / M. Doyle, S. Recchia // *International Encyclopedia of Political Science* / B. Badie, D. Berg-Schlosser, L. Morlino (eds.). – Los Angeles: Sage, 2011. – P. 1434–1439.

246. Fisher, K. Foundation and Development of the Economic Interest of the United States in the Arctic Ocean in the Age of Global Warming / K. Fisher // *Ocean & Coastal Law Journal*. – 2020. – Vol. 25. – No. 1. – P. 164–200.

247. Folland, R. Arctic Security: Deterrence and Détente in the High North [Electronic resource] / R. Folland // The Arctic Institute. – March 30, 2021. – Mode of access: <https://www.thearcticinstitute.org/arctic-security-deterrence/> (accessed: 12.03.2022).

248. Gibler, D.M. Control the issues, control the conflict: The effects of alliances that settle territorial issues on interstate rivalries / D.M. Gibler // *International Interactions*. – 1997. – Vol. 22. – No. 4. – P. 341–368.

249. Goertz, G., Diehl, P. The Empirical Importance of Enduring Rivalries / G. Goertz, P. Diehl // *International Interactions*. – 1992. – Vol. 18. – No. 2. – P. 151–163.

250. Gold, J. Toward Norms in Cyberspace: Recent Progress and Challenges [Electronic resource] / J. Gold // The Canadian International Council. – January 7, 2019. – Mode of access: <https://thecic.org/toward-norms-in-cyber/> (accessed: 16.06.2021).

251. Goldstein, J.S. A Conflict-Cooperation Scale for WEIS Events Data / J.S. Goldstein // *The Journal of Conflict Resolution*. – 1992. – Vol. 36. – No. 2. – P. 369–385.

252. Haass, R., Kupchan, Ch. The New Concert of Powers [Electronic resource] / R. Haass, Ch. Kupchan // *Foreign Affairs*. – March 23, 2021. – Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers> (accessed: 14.01.2023).

253. Haftendorn, H. NATO and the Arctic: is the Atlantic alliance a cold war relic in a peaceful region now faced with non-military challenges / H. Haftendorn // *European Security*. – 2011. – Vol. 20. – No. 3. – P. 337–361.

254. Haraldstad, M. Embetsverkets rolle i utformingen av norsk sikkerhetspolitikk: Nærområdeinitiativet / M. Haraldstad // *Internasjonal Politikk*. – 2014. – Vol. 72. – No. 4. – P. 431–451.

255. Hensel, P. An Evolutionary Approach to the Study of Interstate Rivalry / P. Hensel // *Conflict Management and Peace Science*. – 1999. – Vol. 17. – No. 2. – P. 175–206.

256. Herz, J.H. Idealist Internationalism and the Security Dilemma / J.H. Herz // *World Politics*. – 1950. – Vol. 2. – No. 2. – P. 157–180.

257. Huebert, R. A new Cold War in the Arctic? The old one never ended! / R. Huebert // *Arctic Yearbook 2019* / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes (eds.). – Akureyri: Arctic Portal, 2019. – P. 75–78.

258. Hussain, W. Why should we care about competition? / W. Hussain // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. – 2018. – Vol. 21. – No. 5. – P. 570–585.

259. Keil, K. The Arctic: A new region of conflict? The case of oil and gas / K. Keil // *Cooperation and Conflict*. – 2014. – Vol. 49. – No. 2. – P. 162–190.

260. Knecht, S. Arctic Regionalism in Theory and Practice: From Cooperation to Integration? / S. Knecht // *Arctic Yearbook 2013* / L. Heininen (ed.). – Akureyri: Northern Research Forum, 2013. – P. 164–183.

261. Kobierecki, M.M. Aviation diplomacy: a conceptual framework for analyzing the relationship between aviation and international relations / M.M. Kobierecki // *Place Branding and Public Diplomacy*. – 2021. – Vol. 17. – No. 4. – P. 293–303.

262. Konyshov, V., Sergunin, A. Is Russia a revisionist military power in the Arctic? / V. Konyshov, A. Sergunin // *Defense & Security Analysis*. – 2014. – Vol. 30. – No. 4. – P. 323–335.

263. Kreß, C. Major Post-Westphalian Shifts and Some Important Neo-Westphalian Hesitations in the State Practice on the International Law on the Use of Force / C. Kreß // *Journal on the Use of Force and International Law*. – 2014. – Vol. 1. – No. 1. – P. 11–54.

264. Kubiak, K. Żegluga morska w Arktyce. Szanse i zagrożenia / K. Kubiak // *Studia Humanistyczno-Społeczne*. – 2011. – Vol. 5. – No. 1. – P. 125–131.

265. Lanteigne, M. The changing shape of Arctic security [Electronic resource] / M. Lanteigne // *NATO Review*. – June 28, 2019. – Mode of access: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2019/06/28/the-changing-shape-of-arctic-security> (accessed: 13.12.2021).

266. Lewis, J.A. Can We Compete in Cyberspace? [Electronic resource] / J.A. Lewis // *Center for Strategic and International Studies*. – November 2, 2020. – Mode of access: <https://www.csis.org/analysis/can-we-compete-cyberspace> (accessed: 16.06.2021).

267. Limon, O. Arctic Interests and Policy of Turkey: Dilemmas, Approaches and Initiatives / O. Limon // *Arctic Yearbook 2021* / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes (eds.). – Akureyri: Arctic Portal, 2021. – P. 158–172.

268. Lukaszuk, T. The Concept of Maritime Governance in International Relations / T. Lukaszuk // *International Relations*. – 2018. – Vol. 54. – No. 4. – P. 123–144.

269. Mason, D. The Rules-Based Order Applying to Antarctica [Electronic resource] / D. Mason // *Australian Institute of International Affairs*. – July 26, 2018. – Mode of access: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/the-rules-based-order-applying-to-antarctica/> (accessed: 16.06.2021).

270. McKenzie, M. Between Politics and Policy: International Cooperation Beyond COVID-19 [Electronic resource] / M. McKenzie // *E-International Relations*. – June 4, 2020. – Mode of access: <https://www.e-ir.info/2020/06/04/be> (accessed: 25.02.2021).

271. McKenzie, M. Securitising Transnational Crime: The Political Drivers of Police Cooperation between Australia and Indonesia / M. McKenzie // *Policing and Society*. – 2019. – Vol. 29. – No. 3. – P. 333–348.

272. McVicar, D. How the Russia-Ukraine War Challenges Arctic Governance [Electronic resource] / D. McVicar // *Council on Foreign Relations*. – May 10, 2022. – Mode of access: <https://www.cfr.org/blog/how-russia-ukraine-war-challenges-arctic-governance> (accessed: 10.06.2022).

273. Medeiros, B.P., Goldoni, L.R.F. The Fundamental Conceptual Trinity of Cyberspace / B.P. Medeiros, L.R.F. Goldoni // *Contexto Internacional*. – 2020. – Vol. 42. – No. 1. – P. 31–54.

274. Milner, H. International Theories of Cooperation: Strengths and Weaknesses / H. Milner // *World Politics*. – 1992. – Vol. 44. – No. 3. – P. 466–496.

275. Mottola, L. NATO's Arctic Command: A Case for the Expansion of NATO's Mission in the High North [Electronic resource] / L. Mottola // *The Arctic Institute*. – January 17, 2023. – Mode of access: <https://www.thearcticinstitute.org/nato-arctic-command/> (accessed: 24.03.2023).

276. Nagashima, J. What Membership for Finland and Sweden Would Mean for NATO's Evolution [Electronic resource] / J. Nagashima // *The Sasakawa Peace Foundation*. – June 24, 2022. – Mode of access: https://www.spf.org/iina/en/articles/nagashima_12.html (accessed: 23.11.2022).

277. Noetzel, T., Schreer, B. Does a multi-tier NATO matter? The Atlantic alliance and the process of strategic change / T. Noetzel, B. Schreer // *International Affairs*. – 2009. – Vol. 85. – No. 2. – P. 211–226.

278. Nye, J. Neorealism and Neoliberalism / J. Nye // *World Politics*. – 1988. – Vol. 40. – No. 2. – P. 235–251.

279. Ohnishi, F. The Struggle for Arctic Regional Order: Developments and Prospects of Arctic Politics / F. Ohnishi // *Eurasia Border Review*. – 2014. – Vol. 5. – No. 2. – P. 81–97.

280. Østhagen, A. Norway's Arctic policy: still high North, low tension? / A. Østhagen // *The Polar Journal*. – 2021. – Vol. 11. – No. 1. – P. 75–94.

281. Østhagen, A. The Arctic security region: misconceptions and contradictions / A. Østhagen // *Polar Geography*. – 2021. – Vol. 44. – No. 1. – P. 55–74.

282. Østhagen, A. The Different Levels of Geopolitics of the Arctic [Electronic resource] / A. Østhagen // *Georgetown Journal of International Affairs*. – December 5, 2019. – Mode of access: <https://gjia.georgetown.edu/2019/12/05/different-levels-of-arctic-geopolitics/> (accessed: 12.08.2021).

283. Østhagen, A., Sharp, G.L., Hilde, P. At Opposite Poles: Canada's and Norway's approaches to security in the Arctic / A. Østhagen, G.L. Sharp, P. Hilde // *The Polar Journal*. – 2018. – Vol. 8. – No. 1. – P. 163–181.

284. Pincus, R. Three-way power dynamics in the Arctic / R. Pincus // *Strategic Studies Quarterly*. – 2020. – Vol. 14. – No. 1. – P. 40–63.

285. Polkowska, M. Governance in the Context of Air and Space / M. Polkowska // *Modern Management Review*. – 2019. – Vol. 24. – No. 26(2). – P. 37–53.

286. Prior, G. Italy's Successful Race to the North [Electronic resource] / G. Prior // *International Centre for Defence and Security (ICDS)*. – September 20, 2021. – Mode of access: <https://icds.ee/en/italys-successful-race-to-the-north/> (accessed: 11.02.2022).

287. Ranganathan, S. Global Commons / S. Ranganathan // *European Journal of International Law*. – 2016. – Vol. 27. – No. 3. – P. 693–717.

288. Robinson, J. Arctic Space Challenge for NATO Emerging from China's Economic and Financial Assertiveness / J. Robinson // *Transforming Joint Air and*

Space Power (The Journal of the Joint Air Power Competence Centre). – 2020. – No. 30. – P. 35–40.

289. Rottem, S.V., Østhagen, A. Governing the Blue Economy in Alaska and North Norway [Electronic resource] / S.V. Rottem, A. Østhagen // The Arctic Institute. – January 18, 2022. – Mode of access: <https://www.thearcticinstitute.org/governing-blue/> (accessed: 11.02.2022).

290. Rowe, E. Analyzing frenemies: An Arctic repertoire of cooperation and rivalry [Electronic resource] / E.W. Rowe // Political Geography. – January 2020. – Vol. 76. – Ar. 102072. – Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0-962629818305158> (accessed: 10.08.2021).

291. Rumer, E., Sokolsky, R., Stronski, P. Russia in the Arctic – A Critical Examination [Electronic resource] / E. Rumer, R. Sokolsky, P. Stronski // Carnegie Endowment for International Peace. – March 29, 2021. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2021/03/29/russia-in-arctic-critical-examination-pub-84181> (accessed: 04.10.2022).

292. Sariak, G. The Global Commons: The Arctic and the Danger of a Sequel in Outer Space [Electronic resource] / G. Sariak // E-International Relations. – September 1, 2015. – Mode of access: <https://www.e-ir.info/2015/09/01/the-global-commons-the-arctic-and-the-danger-of-a-sequel-in-outer-space/> (accessed: 16.06.2021).

293. Saxena, A. The Return of Great Power Competition to the Arctic [Electronic resource] / A. Saxena // The Arctic Institute. – October 22, 2020. – Mode of access: <https://www.thearcticinstitute.org/return-great-power/> (accessed: 10.08.2021).

294. Schrijver, N. Managing the Global Commons: Common Good or Common Sink? / N. Schrijver // Third World Quarterly. – 2016. – Vol. 37. – No. 7. – P. 1252–1267.

295. Silverstein, B., Panda, A. Space Is a Great Commons. It's Time to Treat It as Such [Electronic resource] / B. Silverstein, A. Panda // Carnegie Endowment for International Peace. – March 9, 2021. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2021/03/09/space-is-great-commons.-it-s-time-to-treat-it-as-such-pub-84018> (accessed: 16.06.2021).

296. Steer, C. Global Commons, Cosmic Commons: Implications of Military and Security Uses of Outer Space / C. Steer // Georgetown Journal of International Affairs. – 2017. – Vol. 18. – No. 1. – P. 9–16.

297. Theys, S. Introducing Constructivism in International Relations Theory [Electronic resource] / S. Theys // E-International Relations. – February 23, 2018. – Mode of access: <https://www.e-ir.info/2018/02/23/introducing-co> (accessed: 2.03.2021).

298. Thompson, W. Constructing a General Model Accounting for Interstate Rivalry Termination [Electronic resource] / W. Thompson // The Oxford Research Encyclopedia of Politics. – July 27, 2017. – Mode of access: <https://oxfordre.com/politics/view/10.1093/acrefore/9780190228637.001.0001/acrefore-9780190228637-e-291> (accessed: 28.02.2021).

299. Vasquez, J., Leskiw, C. The Origins and War Proneness of Interstate Rivalries / J. Vasquez, C. Leskiw // Annual Review of Political Science. – 2001. – Vol. 4. – P. 295–316.

300. Vasquez, J.A. Distinguishing Rivals That Go to War from Those That Do Not: A Quantitative Comparative Case Study of the Two Paths to War / J.A. Vasquez // *International Studies Quarterly*. – 1996. – Vol. 40. – No. 4. – P. 531–558.

301. Volkov, A. The Political Implications of COVID-19 for Globalization: Ways to Develop a Global World After the Pandemic / A. Volkov // *European Review*. – 2022. – Vol. 30. – No. 6. – P. 773–787.

302. Walt, S.M. Alliance Formation and the Balance of World Power / S.M. Walt // *International Security*. – 1985. – Vol. 9. – No. 4. – P. 3–43.

303. Wegge, N. Arctic Security Strategies and the North Atlantic States / N. Wegge // *Arctic Review on Law and Politics*. – 2020. – Vol. 11. – P. 360–382.

304. Wehrmann, D. etc. What future for cooperation in the Arctic? Scenarios after Putin's war on Ukraine [Electronic resource] / D. Wehrmann, M. Łuszczuk, J. Götze, A. Riedel, K. Radzik-Maruszak // *German Institute of Development and Sustainability*. – March 16, 2022. – Mode of access: <https://blogs.idos-research.de/2022/03/16/what-future-for-cooperation-in-the-arctic-scenarios-after-putins-war/> (accessed: 09.01.2023).

305. Werron, T. On Public Forms of Competition / T. Werron // *Cultural Studies ↔ Critical Methodologies*. – 2014. – Vol. 14. – No. 1. – P. 62–76.

306. Wilson Rowe, E., Blakkisrud, H. A New Kind of Arctic Power? Russia's Policy Discourses and Diplomatic Practices in the Circumpolar North / E. Wilson Rowe, H. Blakkisrud // *Geopolitics*. – 2014. – Vol. 19. – No. 1. – P. 66–85.

307. Yost, D. NATO's evolving purposes and the next Strategic Concept / D. Yost // *International Affairs*. – 2010. – Vol. 86. – No. 2. – P. 489–522.

308. Young, O. Governing International Spaces: Antarctica and Beyond / O. Young // *Science Diplomacy: Antarctica, Science, and the Governance of International Spaces* / P.A. Berkman, M.A. Lang, D.W.H. Walton, O.R. Young (eds.). – Washington DC: Smithsonian Institution Scholarly Press, 2011. – P. 287–294.

309. Zakaria, F. The Self-Destruction of American Power / F. Zakaria // *Foreign Affairs*. – 2019. – Vol. 98. – No. 4. – P. 10–16.

310. Zysk, K. Myth 8: 'Russia's military build-up in the Arctic is defensive' [Electronic resource] / K. Zysk // *Chatham House*. – July 14, 2022. – Mode of access: <https://www.chathamhouse.org/2022/07/myths-and-misconceptions-around-russian-military-intent/myth-8-russias-military-build> (accessed: 15.12.2022).

Аналитические доклады, научные отчёты, проекты и исследования на русском языке

311. Арктическая политика России: международные аспекты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (г. Москва, апрель 2021 г.) / С.А. Караганов (рук. авт. кол.), А.Б. Лихачева, И.А. Степанов, Д.В. Суслов и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 56 с.

312. Арктические стратегии: энергетика, безопасность, экология и климат (Том 1): отчёт об исследовании [Электронный ресурс] / В. Киушкина, Р. Самсонов, М. Ишмуратова, З. Дускабилова, И. Родичкин и др. // Центр энергетике Московской школы управления СКОЛКОВО. – Июль 2020. –

Режим доступа: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_RU_Arctic_Voll.pdf (дата обращения: 13.12.2021).

313. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / Под науч. ред. д.э.н, проф. В.С. Селина, д.э.н., проф. Т.П. Скуфьиной, к.э.н., доц. Е.П. Башмаковой, к.э.н., доц. Е.Е. Торопушиной. – Апатиты: КНЦ РАН, 2016. – 420 с.

Аналитические доклады, научные отчёты, проекты и исследования на иностранном языке

314. Allers, R., Rácz, A., Sæther, T. Dealing with Russia in the Arctic. Between Exceptionalism and Militarization. DGAP Policy Brief / R. Allers, A. Rácz, T. Sæther. – Berlin: Deutsche Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V., 2021. – 20 p.

315. Anthony, I., Klimenko, E., Su, F. A Strategic Triangle in the Arctic? Implications of China-Russia-United States Power Dynamics for Regional Security. SIPRI Insights on Peace and Security No. 2021/3 / I. Anthony, E. Klimenko, F. Su. – Solna: Stockholm International Peace Research Institute, 2021. – 28 p.

316. Black, J. etc. Enhancing deterrence and defence on NATO's northern flank / J. Black, S.J. Flanagan, G. Germanovich, R. Harris, D.A. Ochmanek, M. Favaro, K. Galai, E.R. Gloinson. – Santa Monica: RAND Corporation, 2020. – 96 p.

317. Boulègue, M. Russia's Military Posture in the Arctic: Managing Hard Power in a "Low Tension" Environment. NDC Research Paper / M. Boulègue. – Rome: NATO Defense College, 2019. – 71 p.

318. Brundin, X. Antarctica – the Triumph of the Global Commons. Supervised Project Report PCAS 15 (2012/2013) [Electronic resource] / X. Brundin // University of Canterbury. – 2014. – 13 p. – Mode of access: https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/14123/HannaBrundin_Supervised_PC.pdf?sequence=1 (accessed: 16.06.2021).

319. Changes in the Arctic: Backgrounded Issues for Congress. CRS Report [Electronic resource] // Congressional Research Service. – March 24, 2022. – 82 p. – Mode of access: <https://sgp.fas.org/crs/misc/R41153.pdf> (accessed: 10.02.2022).

320. Coffey, L., Kochis, D. NATO Summit 2021: The Arctic Can No Longer Be an Afterthought. Issue Brief No. 6086 (Report) [Electronic resource] / L. Coffey, D. Kochis // The Heritage Foundation. – June 10, 2021. – 7 p. – Mode of access: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2021-06/IB6086.pdf> (accessed: 12.12.2021).

321. Consolati, J.J. Understanding Structures of Cyber Competition in an Era of Major Power Rivalry. Technical Report LLNL-TR-810296 / J.J. Consolati. – Livermore: Lawrence Livermore National Laboratory, 2020. – 18 p.

322. Dams, T., Schaik, L., Stoetman, A. Presence before power: China's Arctic strategy in Iceland and Greenland. Clingendael Report / T. Dams, L. Schaik, A. Stoetman. – The Hague: Netherlands Institute of International Relations, 2020. – 46 p.

323. Danoy, J., Maddox, M. Set NATO's sights on the High North / J. Danoy, M. Maddox // NATO 20/2020: Twenty Bold Ideas to Reimagine the Alliance after the 2020 US Election / C. Skaluba, C. Rodihan, G.R.A. Doyle (eds.). – Washington DC: The Atlantic Council Scowcroft Centre for Strategy and Security, 2020. – P. 75–79.

324. Dempsey, P.S., Manoli, M. Suborbital Flights and the Delimitation of Air Space Vis-à-Vis Outer Space: Functionalism, Spatialism and State Sovereignty / P.S. Dempsey, M. Manoli // *Annals of Air & Space Law*. – 2017. – Vol. 42. – P. 197–238.

325. Foxall, A. Russia's Policies towards a Changing Arctic: Implications for UK Security. Russia Studies Centre Research Paper No. 12 (2017) [Electronic resource] / A. Foxall // *The Henry Jackson Society*. – June 2017. – 16 p. – Mode of access: <https://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2017/09/Russias-Policies-towards-a-Changing-Arctic-1.pdf> (accessed: 14.10.2022).

326. Heininen, L. etc. Arctic Policies and Strategies — Analysis, Synthesis, and Trends. Scientific Report / L. Heininen, K. Everett, B. Padrtova, A. Reissell. – Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis, 2020. – 265 p.

327. Huebert, R. etc. Climate Change and International Security: The Arctic as a Bellwether. Report [Electronic resource] / R. Huebert, H. Exner-Pirot, A. Lajeunesse, J. Gullede // *Center for Climate and Energy Solutions*. – April 2012. – 54 p. – Mode of access: <https://www.c2es.org/document/climate-change-interna/> (accessed: 04.10.2022).

328. Huebert, R. The Newly Emerging Arctic Security Environment / R. Huebert. – Calgary: Canadian Defense & Foreign Affairs Institute, 2010. – 33 p.

329. Idarand T., Jüris F., Raik K., Ventsel A. Estonia's Interests and Opportunities in the Context of Global Developments in the Arctic. Policy Paper / T. Idarand, F. Jüris, K. Raik, A. Ventsel. – Tallinn: International Centre for Defence and Security, Estonian Foreign Policy Institute, 2021. – 18 p.

330. Käpylä, J., Mikkola, H. On Arctic Exceptionalism / J. Käpylä, H. Mikkola. – Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2015. – 22 p.

331. Kendall-Taylor, A., Townsend, J., Brigham, L.W., Lokker, N. Navigating Relations with Russia in the Arctic. Policy Brief [Electronic resource] / A. Kendall-Taylor, J. Townsend, L.W. Brigham, N. Lokker // *Center for a New American Security (CNAS)*. – November 18, 2021. – Mode of access: <https://www.cnas.org/publications/reports/navigating-relations-with-russia-in-the-arctic> (accessed: 13.12.2021).

332. Koivurova, T. etc. Arctic cooperation in a new situation: Analysis on the impacts of the Russian war of aggression. Government Report 2022:2 [Electronic resource] / T. Koivurova, M. Heikkilä, J. Ikävalko, S. Kirchner, S. Kopra, H. Mikkola, R. Pursiainen, S. Sepponen, M. Moisio, A. Stepien // *The official website of the Finnish Government*. – December 21, 2022. – 86 p. – Mode of access: <https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/handle/10024/164521> (accessed: 08.01.2023).

333. Larsonneur, J.-C. Security Challenges in the High North. Report 16 DSCTC 21 E rev.2 fin [Electronic resource] / J.-C. Larsonneur // *The official website of the North Atlantic Treaty Organization Parliamentary Assembly*. – October 9, 2021. – 35 p. – Mode of access: <https://www.nato-pa.int/document/016-dsctc-21-e-security-high-north-report-larsonneur> (accessed: 12.03.2022).

334. Łuszczuk, M. etc. Poland's Policy towards the Arctic: Key Areas and Priority Actions. Policy Paper No. 11-113 / M. Łuszczuk, P. Graczyk, A. Stępień, M. Śmieszek. – Warsaw: The Polish Institute of International Affairs, 2015. – 6 p.

335. Mazarr, M. etc. Understanding the Emerging Era of International Competition. Research Report No. 2276 [Electronic resource] / M. Mazarr, J.S. Blake,

A. Casey, T. McDonald, S. Pezard, M. Spirtas // RAND Corporation. – May 5, 2018. – 47 p. – Mode of access: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2726.html (accessed: 27.02.2021).

336. McClelland, Ch. A. World Event/Interaction Survey (WEIS) Project, 1966-1978 / Ch. A. McClelland. – 3rd ICPSR Edition. – Ann Arbor: Inter-University Consortium for Political and Social Research, 1978. – 30 p.

337. Melino, M. etc. The Ice Curtain: Russia's Arctic Military Presence [Electronic resource] / M. Melino, H. Conley, J. Alterman // Center for Strategic and International Studies. – February 26, 2020. – Mode of access: <https://www.csis.org/features/ice-curtain-russias-arctic-military-presence> (accessed: 16.12.2022).

338. Mikkola, H. The Geostrategic Arctic. Hard Security in the High North. Briefing Paper No. 259 / H. Mikkola. – Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs, 2019. – 8 p.

339. Paul, M., Swistek, G. Russia in the Arctic. SWP Research Paper 2022/RP 03 / M. Paul, G. Swistek. – Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2022. – 42 p.

340. Paulo, S. International Cooperation and Development: A Conceptual Overview. Discussion Paper 13/2014 / S. Paulo. – Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik, 2014. – 40 p.

341. Security Prospects in the High North: Geostrategic Thaw or Freeze? NDC Forum Paper / S. Holtmark, B. Smith-Windsor (eds.). – Rome: NATO Defense College, 2009. – 199 p.

342. Strategic Foresight Analysis Regional Perspectives Report on The Arctic and High North [Electronic resource] // The official website of the SFA Team at Allied Command Transformation (NATO). – April 2021. – 80 p. – Mode of access: <https://www.act.nato.int/application/files/8516/3236/7596/regional-perspectives-2021-04.pdf> (accessed: 3.12.2021).

343. Szymański, P. High North, high priority – Norway and the defence of NATO's northern flank. OSW Commentary No. 303 / P. Szymański. – Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2021. – 8 p.

344. Wall, C., Wegge, N. The Russian Arctic Threat: Consequences of the Ukraine War. CSIS Briefs [Electronic resource] / C. Wall, N. Wegge // The Center for Strategic and International Studies. – January 25, 2023. – 16 p. – Mode of access: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-01/230125_Wall_RussianArcticThreat_0.pdf (accessed: 24.03.2023).

345. Young, C. Eyes on the Prize: Australia, China, and the Antarctic Treaty System. Policy Brief [Electronic resource] / C. Young // Lowy Institute. – February 16, 2021. – Mode of access: <https://www.lowyinstitute.org/publications/eyes-prize-australia-china-and-antarctic-treaty-system/> (accessed: 16.06.2021).

Диссертационные исследования

346. Гадзацев, К.В. Вызовы и угрозы энергетической безопасности России в условиях обострения глобальной энергоэкологической проблемы: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04 / Кирилл

Владимирович Гадзацев: [место защиты Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова]. – М., 2020. – 194 с.

347. Калфаоглу, Р. Энергетическая политика России в Арктике: международный аспект: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 5.5.4 / Рабия Калфаоглу: [место защиты Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова]. – М., 2022. – 205 с.

348. Киккас, К.Н. Состояние и перспективы освоения арктического пространства циркумполярными странами: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук: 08.00.14 / Ксения Николаевна Киккас: [место защиты Санкт-Петербургский государственный экономический университет]. – СПб., 2021. – 471 с.

349. Матияк, Л.А. Энергетический фактор в международных отношениях в Арктике: диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук: 23.00.04 / Любовь Анатольевна Матияк: [место защиты Российский университет дружбы народов]. – М., 2017. – 212 с.

Материалы периодической печати и иных средств массовой информации, представленных в сети Интернет на русском языке

350. Арктика превращается в театр военных действий, заявили в МИД [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 22 мая 2022. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220522/arktika-1789986809.html> (дата обращения: 01.06.2022).

351. Арктический успех России не дает покоя США и Канаде [Электронный ресурс] // Известия. – 3 августа 2007. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/405495> (дата обращения: 04.12.2022).

352. В Дании рассказали о риске военной и политической эскалации в Арктике [Электронный ресурс] // ТАСС. – 31 января 2022. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13577845> (дата обращения: 01.02.2022).

353. В МИД заявили об усилении военной активности НАТО в Арктике [Электронный ресурс] // RT. – 22 мая 2020. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/news/748744-mid-nato-arktika> (дата обращения: 01.03.2022).

354. В МИД РФ отреагировали на подготовку США к конфликту в Арктике [Электронный ресурс] // Радио Sputnik. – 16 марта 2023. – Режим доступа: <https://radiosputnik.ria.ru/20230316/arktika-1858236538.html> (дата обращения: 01.04.2023).

355. В РФ создают Главное управление Севморпути для организации движения по маршруту [Электронный ресурс] // ТАСС. – 1 августа 2022. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/15358435> (дата обращения: 26.08.2022).

356. В Финляндии могут разместить дальнобойное оружие НАТО, заявил Шойгу [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 9 августа 2023. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230809/oruzhie-1889041387.html> (дата обращения: 09.08.2023).

357. Вишневская, А. Дипломат Корчунов заявил о превращении Арктики в театр военных действий [Электронный ресурс] / А. Вишневская // Газета.ру. – 22 мая 2022. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/05/22/17784722.shtml> (дата обращения: 17.12.2022).

358. Габуев, А. Холодная война пришла на север [Электронный ресурс] / А. Габуев // Коммерсантъ. – 4 августа 2007. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/792832> (дата обращения: 04.12.2022).

359. Емельяненко, А. Объем перевозок по Севморпути в 2022 году превысил целевой показатель, заложенный в нацпроекте [Электронный ресурс] / А. Емельяненко // Российская газета. – 15 декабря 2022. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/12/15/obem-perevozok-po-sevmorputi-v-2022-godu-prevysil-celevoj-rokazatel-zalozhennyj-v-nacproekte.html> (дата обращения: 01.02.2023).

360. К деятельности НАТО в Арктике возникают вопросы, заявил Лавров [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 17 мая 2021. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210517/arktika-1732647561.html> (дата обращения: 01.03.2022).

361. Как менялись отношения России и НАТО. Хронология [Электронный ресурс] // РБК. – 18 октября 2021. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/18/10/2021/616d7c029a7947fda3af9151> (дата обращения: 12.10.2022).

362. Командующий Северным флотом заявил о росте негативных тенденций в обстановке в Арктике [Электронный ресурс] // ТАСС. – 21 октября 2022. – Режим доступа: <https://tass.ru/armiya-i-opk/16121093> (дата обращения: 17.12.2022).

363. Крамник, И. «Арктический вызов»: военные игры США [Электронный ресурс] / И. Крамник // Радио «Голос России» (архивная копия новостной страницы). – 19 сентября 2013. – Режим доступа: https://web-arhive.ru/page?url=http%3A%2F%2Frus.ru%2F2013_09_19%2FArkticheskij-vizov-voennye-igri-SSHA-7108%2F&date=20130920 (дата обращения: 08.12.2022).

364. Лавров заявил, что коллективный Запад можно характеризовать как "США и их сателлиты" [Электронный ресурс] // ТАСС. – 28 марта 2022. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/14204949> (дата обращения: 22.03.2023).

365. Медведев заявил о борьбе НАТО с Россией в Арктике [Электронный ресурс] // RT. – 13 октября 2020. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/792208-medvedev> (дата обращения: 10.12.2020).

366. Николай Корчунов: военные учения НАТО в Арктике увеличивают риски [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 10 февраля 2022. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220210/korchunov-1772047103.html> (дата обращения: 01.03.2022).

367. Почему американскую модель ждет крах, а Россия станет самым безопасным местом [Электронный ресурс] // Федеральный Бизнес-журнал. – 16 марта 2022. – Режим доступа: https://business-magazine.online/fn_1071812.html (дата обращения: 15.01.2023).

368. Правительство США одобрило продажу системы ПРО "Праца Давида" Финляндии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2 августа 2023. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230802/pro-1887875029.html> (дата обращения: 02.08.2023).

369. Путин поручил к сентябрю согласовать план развития инфраструктуры в Арктике [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 21 июля

2023. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230721/arktika-1885386941.html> (дата обращения: 09.08.2023).

370. Путин сравнил военную активность России и НАТО [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 9 апреля 2019. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190409/1552521217.html> (дата обращения: 01.03.2022).

371. Путин: в Арктике сконцентрированы практически все направления безопасности России // RT. – 13 апреля 2022. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/news/989825-arktika-gos> (дата обращения: 01.05.2022).

372. Россия впервые за несколько десятилетий испытала дизельные подлодки в Арктике // Лента.ру. – 27 декабря 2022. – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2022/12/27/podlodki_arktika/ (дата обращения: 27.12.2022).

373. Северный флот проведёт 19 испытательных стрельб нового оружия в 2022 году [Электронный ресурс] // RT. – 1 июня 2022. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/russia/news/1010036-severnyi-> (дата обращения: 31.08.2022).

374. Совбез РФ: Арктика не должна стать ареной военных игр [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 24 апреля 2013. – Режим доступа: <http://ria.ru/interview/20130424/934284990.html> (дата обращения: 10.12.2022).

375. Столтенберг назвал сотрудничество России и Китая в Арктике вызовом для НАТО [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 25 августа 2022. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220825/arktika-1812045932.html> (дата обращения: 25.08.2022).

376. США заявили, что не видят будущего сотрудничества с Россией в Арктике [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 15 февраля 2023. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230215/arktika-1852285089.html> (дата обращения: 24.03.2023).

377. Черненко, Е. «НАТО навязывает нам схему обеспечения безопасности времен холодной войны». Замглавы МИД РФ А. Грушко об отношениях с Североатлантическим альянсом [Электронный ресурс] / Е. Черненко // Коммерсантъ. – 25 декабря 2019. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4207094> (дата обращения: 13.12.2022).

378. Черненко, Е. Семеро одного то ли ждут, то ли уже нет [Электронный ресурс] / Е. Черненко // Коммерсантъ. – 17 мая 2022. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5355496> (дата обращения: 17.12.2022).

379. Шойгу заявил об угрозе безопасности России со стороны Польши и Финляндии [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 9 августа 2023. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230809/ugrozy-1889044329.html> (дата обращения: 09.08.2023).

380. Шойгу проверил российскую группировку войск в Арктике [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 12 августа 2023. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230812/voyska-1889666600.html> (дата обращения: 12.08.2023).

381. Шойгу: Россия завершит создание арктической группировки войск к 2018 году [Электронный ресурс] // РЕН ТВ. – 22 октября 2015. – Режим доступа: <https://ren.tv/news/v-rossii/55463-shoigu-rossiia-zavershit-sozdanie-arkticheskoi-gruppirovki-voisk-k-2018-godu> (дата обращения: 11.12.2022).

382. Экипажи дальней авиации продолжают полеты над Арктикой и Атлантикой [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 3 января 2023. – Режим доступа: <https://ria.ru/20230103/polet-1842949254.html> (дата обращения: 16.03.2023).

Материалы периодической печати и иных средств массовой информации, представленных в сети Интернет на иностранном языке

383. Baker, M. Are We Getting Invaded? U.S. Boats Faced Russian Aggression Near Alaska [Electronic resource] / M. Baker // New York Times. – November 12, 2020. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2020/11/12/us/russia-military-alaska-arctic-fishing.html> (accessed: 16.12.2022).

384. Breum, M. Though official Arctic contacts with Russia are closed, an array of unofficial bridges could stay open [Electronic resource] / M. Breum // Arctic Today. – October 19, 2022. – Mode of access: <https://www.arctictoday.com/though-official-arctic-contacts-with-russia-are-closed/> (accessed: 12.01.2023).

385. Burke, D.C. Why the Arctic isn't a 'global commons' [Electronic resource] / D.C. Burke // The Conversation. – April 8, 2018. – Mode of access: <https://theconversation.com/why-the-arctic-isnt-a-global-commons-93976> (accessed: 18.06.2021).

386. Feiger, L., Wilson, M. The Countries Taking Advantage of Antarctica During the Pandemic [Electronic resource] / L. Feiger, M. Wilson // The Atlantic. – May 15, 2020. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2020/05/antarctica-great-power-competition-australia-united-states-britain-russia-china-arctic/611674/> (accessed: 18.06.2021).

387. Gronholt-Pedersen, J., Fouche, G. NATO allies take bigger steps to counter Russian military force in the Arctic [Electronic resource] / J. Gronholt-Pedersen, G. Fouche // Arctic Today. – November 16, 2022. – Mode of access: <https://www.arctictoday.com/nato-allies-take-bigger/> (accessed: 15.12.2022).

388. Higgins, I. How Sweden's idyllic Gotland island could become a strategic 'watchtower' in the north to keep an eye on Vladimir Putin [Electronic resource] / I. Higgins // ABC News. – June 25, 2022. – Mode of access: <https://www.abc.net.au/news/2022-06-26/sweden-gotland-island-could-be-key-to-nato-bid/101179346> (accessed: 27.11.2022).

389. Humpert, M. New Finnish Government Report Finds More Complicated Arctic Security Environment [Electronic resource] / M. Humpert // High North News. – October 12, 2022. – Mode of access: <https://www.highnorthnews.com/en/new-finnish-government-report-finds-more-complicated-arctic-security-environment> (accessed: 24.03.2023).

390. Humpert, M. New U.S. Department of Defense Arctic Strategy Sees Growing Uncertainty and Tension in Region [Electronic resource] / M. Humpert // High North News. – June 7, 2019. – Mode of access: <https://www.highnorthnews.com/en/new-us-department-defense-arctic-strategy-sees-growing-uncertainty-and-tension-region> (accessed: 18.12.2022).

391. Humpert, M. Russia Elevates Importance of Northern Fleet Upgrading it to Military District Status [Electronic resource] / M. Humpert // High North News. –

January 13, 2021. – Mode of access: <https://www.highnorthnews.com/en/russia-elevates-importance-northern-fleet-upgrading-it-military-district-status> (accessed: 15.12.2022).

392. Krauss, C. etc. As Polar Ice Turns to Water, Dreams of Treasure Abound [Electronic resource] / C. Krauss, S. Myers, A. Revkin // The New York Times. – October 10, 2005. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2005/10/10/science/as-polar-ice-turns-to-water-dreams-of-treasure-abound.html> (accessed: 26.10.2022).

393. Macalister, T. Climate change could lead to Arctic conflict, warns senior NATO commander [Electronic resource] / T. Macalister // The Guardian. – October 11, 2010. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/environment/2010/oct/11/nato-conflict-arctic-resources> (accessed: 30.10.2022).

394. NATO Exercise ‘Cold Response 2012’: A Crisis Response Operation or a Provocation to Russia? [Electronic resource] // NATO Watch. – 2012. – Mode of access: <https://natowatch.org/newsbriefs/2012/nato-exercise-cold-response-2012-crisis-response-operation-or-provocation-russia> (accessed: 14.10.2022).

395. Rosen, K. A Battle for the Arctic Is Underway. And the U.S. Is Already Behind [Electronic resource] / K. Rosen // Politico. – December 17, 2022. – Mode of access: <https://www.politico.com/news/magazine/2022/12/17/climate-change-arctic-00071169> (accessed: 18.12.2022).

396. Ryan, M., Timsit, A. U.S. wants Russian military ‘weakened’ from Ukraine invasion, Austin says [Electronic resource] / M. Ryan, A. Timsit // The Washington Post. – April 25, 2022. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/04/25/russia-weakened-lloyd-austin-ukraine-visit/> (accessed: 30.11.2022).

397. Simons, G., Giagnorio, M. Cold friendship or tepid panic? Behind the scenes of the Swedish narrative on Russia and NATO [Electronic resource] / G. Simons, M. Giagnorio // New Eastern Europe. – September 29, 2020. – Mode of access: <https://neweasterneurope.eu/2020/09/29/cold-friendship-or-tep/> (accessed: 16.02.2022).

398. Sprenger, S. NATO’s Camille Grand on the alliance’s Arctic tack [Electronic resource] / S. Sprenger // Defense News. – May 12, 2020. – Mode of access: <https://www.defensenews.com/global/europe/2020/05/11/natos-camille-grand-on-the-alliances-arctic-tack/> (accessed: 16.11.2022).

399. Todić, V. Postaje li Baltičko more ‘NATO jezero (Is the Baltic Sea becoming a ‘NATO lake’?) [Electronic resource] / V. Todić // Politika. – May 22, 2022. – Mode of access: <https://www.politika.rs/sr/clanak/507805/Postaje-li/> (accessed: 25.11.2022).

400. Topcu, N. Royal Holloway, University of London, Prof. Klaus Dodds: “Both China and Russia will avoid the Arctic Ocean becoming a “NATO Ocean” [Electronic resource] / N. Topcu // ANKASAM. – January 27, 2023. – Mode of access: <https://www.ankasam.org/royal-holloway-university-of-london-prof-klaus-dodds-both-china-and-russia-will-avoid-the-arctic-ocean-becoming/> (accessed: 16.02.2023).

Приложение 1. Системный анализ политики соперничества НАТО с Россией в Арктике

Для выявления и уточнения ключевых вызовов современного мира, с которыми в настоящее время сталкивается НАТО, следует отметить, что они во многом обусловлены трансформационной спецификой и, как следствие, наблюдаемыми политическими пертурбациями на мировой арене. Как справедливо указывает М. Петрас, альянс был создан в рамках традиционной (вестфальской) системы международных отношений, субъективные и функциональные измерения которой в первую очередь определялись биполярным противостоянием, лежащим в основе холодной войны⁴¹⁸. В настоящее время НАТО пытается функционировать в поствестфальской системе, которая с точки зрения западных исследовательских кругов представляет собой неустойчивую, неуверенную и непредсказуемую цельную единицу, где все ее субъекты имеют неоднородную структуру⁴¹⁹. Этот разрыв является частью нынешней трансформации международной системы, поэтому его следует рассматривать как один из основных (но далеко не единственных) источников значительно возрастающих потребностей или даже требований к НАТО в многоуровневой и многоаспектной адаптации к реалиям современного мира. По оценке немецких исследователей Т. Нетцеля и Б. Шреера, изложенной ими в совместной публикации в одном из старейших и наиболее цитируемых журналов по международным отношениям "International Affairs", сложившийся к концу первого десятилетия XXI в. опыт свидетельствует о том, что, несмотря на многочисленные неудачи в эффективном выполнении стоящих перед альянсом задач, Организация Североатлантического договора по-прежнему обладает относительно высоким потенциалом и может играть весомые, и, что важно,

⁴¹⁸ Pietraś M., Olchowski O. NATO w poziomnowjennym środowisku (nie)bezpieczeństwa. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2011. – 470 p.

⁴¹⁹ Kreß C. Major Post-Westphalian Shifts and Some Important Neo-Westphalian Hesitations in the State Practice on the International Law on the Use of Force // Journal on the Use of Force and International Law. – 2014. – Vol. 1. – No. 1. – P. 11–54.

различные роли на международной арене⁴²⁰. Представляется, что рассматриваемый тезис в определенной степени сохраняет свое значение и по сей день. Однако, необходимо отметить, что во втором десятилетии XXI в., на фоне острого системного кризиса в современных международных отношениях, наблюдается существенный рост публикаций, указывающих на значительные проблемы в функционировании альянса, в первую очередь связанные с отсутствием реальных целей для оправдания собственной деятельности на протяжении длительного временного периода с момента окончания холодной войны⁴²¹. Вместе с тем, существуют и вызовы для НАТО, на которые альянс не реагирует столь быстро и решительно, как того следовало бы ожидать, а иногда – и вовсе не в состоянии выработать и принять единодушный и конкретный подход. Как отмечает Д. Йост, такие ситуации связаны как с политической волей государств-членов по конкретным вопросам и их участием в совместном покрытии расходов альянса, так и с отсутствием единой стратегии⁴²².

Однако, следует также иметь в виду, что в настоящее время НАТО дополнительно сталкивается с изменениями, которые для всех остальных участников международных отношений являются не только принципиально новыми, но и процессами, трудно поддающимися для однозначной оценки и оперативного реагирования на них. В частности, к ним относится неприятие возрастающей роли России со стороны США и государств Запада. Основной акцент делается на её позиционировании в качестве угрозы исключительно доминированию последних на международной арене, что, следует отметить, прямо проистекает из американских стратегических документов внешнеполитического планирования, где Россия (и, в частности, Китай) значатся в роли стратегической угрозы и подрывников мировой демократии⁴²³. Усиление

⁴²⁰ Noetzel T., Schreer B. Does a multi-tier NATO matter? The Atlantic alliance and the process of strategic change // *International Affairs*. – 2009. – Vol. 85. – No. 2. – P. 211–226.

⁴²¹ Arnold E. New Concepts but Old Problems: NATO's New Strategic Concept [Electronic resource] // RUSI. July 1, 2022. URL: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/new-concepts-old-problems-natos-new-strategic-concept> (accessed: 12.01.2023).

⁴²² Yost D. NATO's evolving purposes and the next Strategic Concept // *International Affairs*. – 2010. – Vol. 86. – No. 2. – P. 489–522.

⁴²³ См.: National Security Strategy of the United States of America 2022 [Electronic resource] // The official website of The White House. October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris->

бездомовательного давления стран коллективного Запада на Российскую Федерацию, вылившееся в необходимость принятия мер по защите национальной безопасности и проведение в этой связи специальной военной операции на территории Украины, последовавшие весной 2022 года изоляционные санкции, в дополнении с уже протекающим кризисом, вызванным пандемией COVID-19, лишь усугубили мировую политическую конъюнктуру и ускорили трансформационные процессы. Многоаспектные последствия изменения системы международной безопасности, наблюдаемые в настоящее время, неизбежно обуславливают и возвышение геополитического значения Арктики для НАТО.

В годы холодной войны Арктика была основным полем противостояния между двумя сверхдержавами: США и СССР. Североатлантический альянс как геополитический инструмент, несомненно, был вовлечен в конкуренцию, поскольку для блока Крайний Север выступал в качестве одного из основных направлений деятельности, не только политической, но и военной, которая, однако, временно приостановилась в начале 1990-х гг.⁴²⁴.

Окончание соперничества времен холодной войны, в особенности – далеко идущие ограничения способности распадающегося СССР, а затем и постсоветской России, на первых порах использовать и проецировать силу, означало, что силовой потенциал стран-членов альянса в Арктике начал постепенно сокращаться, а внимание центров принятия решений, как политических, так и военных, было направлено на другие части мира⁴²⁵.

Такое положение дел привело не только к отсутствию какого-либо соперничества как углубляющейся тенденции в Арктике, но и даже к краткосрочному налаживанию диалога по линии Россия – НАТО в целом. Для практической демонстрации этого тезиса целесообразно кратко обозначить основные события, произошедшие в период конца XX – начала XXI вв. в

Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (accessed: 02.10.2022); U.S. Interim National Security Strategic Guidance. March 2021 [Electronic resource] // The official website of The White House. March 3, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (accessed: 02.10.2022).

⁴²⁴ Haftendorn H. NATO and the Arctic: is the Atlantic alliance a cold war relic in a peaceful region now faced with non-military challenges? // European Security. – 2011. – Vol. 20. – No. 3. – P. 337–361.

⁴²⁵ Huebert R. etc. Climate Change and International Security: The Arctic as a Bellwether. Report [Electronic resource] // Center for Climate and Energy Solutions. April 2012. URL: <https://www.c2es.org/document/climate-change-international-security-the-arctic-as-a-bellwether/> (accessed: 04.10.2022).

отношениях двух сторон. Обозначенный вышеуказанными хронологическими рамками этап характеризовался регулярными попытками налаживания диалога между двумя ранее противоборствующими сторонами. Данные шаги происходили по инициативе Российской Федерации, стремящейся укрепить дружественное партнерство с блоком НАТО. Например, в декабре 1991 г. Россия вступает в Совет североатлантического сотрудничества (программу для улучшения и развития отношений альянса со странами, не входящими в блок)⁴²⁶, а в 1994 г. она присоединилась к программе НАТО «Партнерство ради мира» и содействовала миротворчеству. Сотрудничество в Арктике между Западом и Россией также расширилось – благодаря таким инициативам, как Арктическое военно-экологическое сотрудничество 1996 г. В 1997 г. был подписан основополагающий акт Россия – НАТО⁴²⁷, ставший официальной основой двусторонних отношений, а в 1998 г. было учреждено дипломатическое представительство России при Североатлантическом альянсе. После событий 11 сентября 2001 г. сближение России и НАТО продолжилось на фоне общей повестки необходимости борьбы с международным терроризмом. Пик двусторонних отношений пришелся на 2002–2003 гг.: с подписанием римской декларации «Отношения Россия – НАТО: новое качество»⁴²⁸ был сформирован Совет Россия – НАТО, на который возлагались надежды по выработке общего видения мироустройства и обеспечения глобальной безопасности.

Помимо этого, отсутствие интереса альянса к Арктике некоторыми западными исследователями также объясняется и тем, что после событий 11

⁴²⁶ Как менялись отношения России и НАТО. Хронология [Электронный ресурс] // РБК. 18 октября 2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/10/2021/616d7c029a7947fda3af9151> (дата обращения: 12.10.2022).

⁴²⁷ Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора от 27 мая 1997 г. [Электронный ресурс] // Организация Североатлантического договора: официальный сайт. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 12.10.2022).

⁴²⁸ Декларация глав государств и правительств Российской Федерации и государств-членов НАТО «Отношения Россия – НАТО: новое качество» от 28 мая 2002 г. [Электронный ресурс] // Организация Североатлантического договора: официальный сайт. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_19572.htm (дата обращения: 12.10.2022).

сентября НАТО в основном сосредоточилась исключительно на «операциях вне зоны действия» – сначала в Афганистане, а затем в Ираке⁴²⁹.

Представляется, что в этот период несмотря на то, что у НАТО и России все еще были разногласия, не в последнюю очередь связанные с расширением Североатлантического альянса на Восток вплоть до отечественных границ, Москва всё ещё сохраняла надежды на возможность выстроить путь к более тесному сотрудничеству, основанному на взаимных интересах в обеспечении глобальной безопасности⁴³⁰. Изложенные шаги свидетельствуют о многочисленных инициативах и попытках России не вступать в конфронтацию по ключевым вопросам мировой повестки дня и налаживать двусторонний диалог.

Приверженность глобалистского подхода альянса к Арктике в начале XXI века периодически критиковалась в зарубежных исследовательских кругах. Разные авторы неоднократно упоминали о том, что отсутствие консенсуса и планов относительно масштабов и размаха деятельности НАТО на Крайнем Севере создает потенциальный разрыв между арктическими и неарктическими государствами альянса⁴³¹. Кроме того, немаловажный акцент делался на недооцененности возможной «российской угрозы», которую западные исследователи и аналитики усматривали в том, что уже во второй половине 2000-х гг. Москва начала следовать более «амбициозной» концепции в отношении Арктики, включающей аспекты обороны и безопасности⁴³².

В то время как концепции и структуры управления Североатлантического альянса были переформатированы сугубо для поддержки всеобъемлющей «войны с терроризмом», а подготовка и учения под руководством НАТО в Арктике были приостановлены, инициатива Норвегии о начале проведения арктических военных учений «Холодный ответ» с 2006 г. стала своеобразным прецедентом к

⁴²⁹ Depledge D. NATO and the Arctic: The Need for a New Approach // The RUSI Journal. – 2021. – Vol. 165. – No. 5–6. – P. 80–90.

⁴³⁰ Батюк В.И. НАТО и Российская Федерация: эволюция взаимоотношений // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2020. – Т. 12. – № 1. – С. 3–31.

⁴³¹ Charron A. NATO and The Geopolitical Future of the Arctic // Arctic Yearbook 2020 / L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes (eds.). – Akureyri: Northern Research Forum, 2020. – P. 115–122.

⁴³² Foxall A. Russia's Policies towards a Changing Arctic: Implications for UK Security. Russia Studies Centre Research Paper No. 12 (2017) [Electronic resource] // The Henry Jackson Society. June 2017. URL: <https://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2017/09/Russias-Policies-towards-a-Changing-Arctic-1.pdf> (accessed: 14.10.2022).

разработке двух других серий военных учений на Крайнем Севере с участием стран-членов НАТО: “Dynamic Mongoose” (с 2012 г.) и “Arctic Challenge” (впервые состоялись в 2013 г. под началом NORDEFCO, а с 2015 г. наблюдается рост числа участников от альянса).

Решение Норвегии 2006 г. предполагало, что учения должны проводиться под руководством страны, однако, приглашения были разосланы всем союзникам и партнерам по НАТО. Чтобы поощрить участие стран-членов альянса, тематика учений “Cold Response” была сосредоточена на сценарии кризисного реагирования, отражающим растущее внимание НАТО к коллективной безопасности «за пределами зоны действия», а не к блоковой обороне «на своей территории»⁴³³. Первоначально к учениям были приглашены только государства-члены альянса, но в 2012 г. участие в тренировочных манёврах предложено и странам программы «Партнерство во имя мира»⁴³⁴. Для непосредственных целей Норвегии именно фокус учений имел меньшее значение, чем непосредственно сам акт их проведения на территории собственного государства. Кроме того, долгая история именно «крайне осторожного» отношения Норвегии к России, а не излишней враждебности, означала, что открытые учения по коллективной защите от государства-агрессора (образ которого для большинства стран-членов НАТО и тогда ассоциировался с Россией) в то время, как утверждают западные исследователи, не имели особого смысла⁴³⁵.

Как можно видеть, даже несмотря на наличие неоднократных призывов Норвегии и других союзников (таких как, например, Исландия) к важности разработки целенаправленной стратегии альянса для Крайнего Севера, существенных сдвигов в общей позиции НАТО по данному вопросу ещё не наблюдалось, а среди стран-членов по этому поводу была разобщенность, и какой-либо консенсус в отношении Арктики продолжал отсутствовать.

⁴³³ Depledge D. Train Where You Expect to Fight: Why Military Exercises Have Increased in the High North // *Scandinavian Journal of Military Studies*. – 2020. – Vol. 3. – No. 1. – P. 288–301.

⁴³⁴ NATO Exercise ‘Cold Response 2012’: A Crisis Response Operation or a Provocation to Russia? [Electronic resource] // *NATO Watch*. 2012. URL: <https://natowatch.org/newsbriefs/2012/nato-exercise-cold-response-2012-crisis-response-operation-or-provocation-russia> (accessed: 14.10.2022).

⁴³⁵ Østhagen A., Sharp G.L., Hilde P. At Opposite Poles: Canada’s and Norway’s approaches to security in the Arctic // *The Polar Journal*. – 2018. – Vol. 8. – No. 1. – P. 163–181.

После проведения отечественной научной экспедиции «Арктика-2007» ситуация начала меняться и в НАТО стали проявлять интерес к региону, обосновывая его растущими вызовами безопасности и «российскими притязаниями на Север». Данная риторика поднималась после организованного западным блоком и Исландией в январе 2009 г. специального семинара по вопросам Крайнего Севера в Рейкьявике. Как отмечал по данному поводу исследователь Х. Хафтендорн, изначально планировалось, что ссылка в декларации на арктическую проблему, принятой по итогам последовавшего за семинаром апрельского саммита НАТО в 2009 г., будет более конкретной и всеобъемлющей, но из-за протеста Канады от нее пришлось отказаться, в результате чего остался малозначающий абзац (параграф 60), в котором Арктика затронута лишь косвенно⁴³⁶. Такую позицию представляется возможным объяснить нежеланием официальной Оттавы выносить на повестку дня альянса вопросы, которые бы повлияли на ее нейтральную арктическую политику (опасения Канады касались того, что активное внимание НАТО к Заполярью приведет к негативной реакции России, а это повлечет за собой необходимость для Оттавы изменить свою позицию в отношении спора по статусу Северо-Западного прохода⁴³⁷, что прямо зависимо с ее отношениями с Россией, которые канадцы на тот момент времени не хотели ухудшать). Аналогично Канада отказалась поддерживать просьбы Норвегии и Исландии о ссылках на «Арктику» или даже «Крайний Север» (в данном случае, интерпретируемом как «европейская Арктика») для их включения в текст Стратегической концепции НАТО 2010 г.⁴³⁸.

Ветирование Канадой большинства предложений по военному укреплению альянса в Арктике дает возможность рассуждать об отсутствии каких-либо существенных изменений в политике блока на северном фланге – даже несмотря

⁴³⁶ Haftendorn H. NATO and the Arctic: is the Atlantic alliance a cold war relic in a peaceful region now faced with non-military challenges // *European Security*. – 2011. – Vol. 20. – No. 3. – P. 337–361.

⁴³⁷ Kubiak K. Żegluga morska w Arktyce. Szanse i zagrożenia // *Studia Humanistyczno-Społeczne*. – 2011. – Vol. 5. – No. 1. – P. 125–131.

⁴³⁸ NATO's Strategic Concept 2010 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. November 19, 2010. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf (accessed: 21.10.2022).

на обеспокоенность некоторых стран-членов (Норвегии и Исландии), в большинстве стран Североатлантического альянса интерес к Арктике оставался низким, порой вызывая отторжение и среди арктических держав (например, у Дании). Рассматриваемая позиция отчасти может быть связана с тем, что в 2009 г. на пост генерального секретаря НАТО пришел бывший датский премьер-министр А. Фог Расмуссен, следовательно, власти страны были достаточно осторожны в своих высказываниях по поводу присутствия НАТО в Арктике, чтобы избежать неловких ассоциаций. Дания, будучи арктическим членом альянса, в силу своего территориального суверенитета над Гренландией, а также особых двусторонних отношений по военной линии с США на острове (там, например, расположена самая северная американская авиабаза «Туле»), рассматривала Крайний Север как зону всеобъемлющего многостороннего и мирного сотрудничества, поэтому отрицала необходимость присутствия НАТО в регионе, опасаясь, что это может привести к ненужной милитаризации⁴³⁹.

Представляется, что норвежская инициатива 2007–2008 гг. о необходимости укрепления роли НАТО в регионе (для противодействия арктическим интересам России) стала катализатором концепции, озвученной на семинаре 2009 г. в Рейкьявике. Именно она весьма конкретно обозначила дальнейшее развитие подхода блока НАТО к Арктике, о чем, как представляется, все же завуалированно свидетельствует ранее рассмотренная с противоположной позиции зарубежного исследователя Х. Хафтендорна итоговая апрельская декларация саммита Альянса 2009 г. В пар. 60 данного документа отмечалось, что: «События на Крайнем Севере привлекли обстоятельное международное внимание ... и НАТО приветствует инициативы по повышению интереса союзников к событиям, связанным с безопасностью на Крайнем Севере»⁴⁴⁰.

На одном из брифингов для СМИ в 2009 г. бывший пресс-секретарь НАТО Дж. Аппатурай, говоря о вопросах обороны, связанных с Заполярьем,

⁴³⁹ Haftendorn H. NATO and the Arctic: is the Atlantic alliance a cold war relic in a peaceful region now faced with non-military challenges // *European Security*. – 2011. – Vol. 20. – No. 3. – P. 337–361.

⁴⁴⁰ Strasbourg / Kehl Summit Declaration, issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council on 4 April 2009 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. May 8, 2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_52837.htm (accessed: 20.10.2022).

констатировал, что военное наращивание стран Заполярья стало очевидным фактом (прямо не называя Россию, хотя, безусловно, в данной связи речь шла о ней). Однако, в отношении интересов альянса на Крайнем Севере, он отметил, что НАТО будет более активно действовать в регионе только для того, чтобы укреплять существующий дух сотрудничества⁴⁴¹.

На протяжении нескольких последующих лет после семинара НАТО в Рейкьявике Североатлантический альянс придерживался, в целом, достаточно сдержанной позиции в отношении Арктики. Безусловно, озабоченность регионом присутствовала, обосновывалась она все также некоторыми членами блока НАТО якобы перманентным изменением безопасности на Крайнем Севере ввиду наращивания военного потенциала России. Но руководство Североатлантического альянса по-прежнему считало, что внутреннее единство и прогресс в решении проблем региональной безопасности лучше всего поддерживать, оставаясь «за горизонтом» всех событий. На практике это должно было означать, что, хотя НАТО и будет стремиться к повышению ситуационной осведомленности об Арктике, альянс не собирается руководить или координировать какую-либо крупную военную деятельность к северу от Полярного круга. Однако, количественные показатели реализуемых учений в Заполярье указывали на неоднозначный и двойственный подход НАТО.

Определенно, логика в сдержанной позиции альянса по Арктике присутствовала: за период 2009–2013 гг. арктические государства добились значительного прогресса в решении ряда общих проблем, например, урегулирование сорокалетнего спора о морских границах между Осло и Москвой с уступками последней в 2010 г.⁴⁴², заключение нескольких соглашений «Арктической восьмерки» о сотрудничестве в области поисково-спасательных операций в 2011 г. и готовности о реагировании на загрязнение северных вод нефтепродуктами в 2013 г. В то время как рассматриваемая «Арктическая

⁴⁴¹ Weekly press briefing by NATO Spokesman, James Appathurai on 28 January 2009 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. January 29, 2009. URL: <https://www.nato.int/docu/speech/2009/s090128a.html> (accessed: 21.10.2022).

⁴⁴² Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане, 15 сентября 2010 года // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/707> (дата обращения: 21.10.2022).

восьмерка» была сосредоточена на разработке совместного подхода к общим региональным вызовам безопасности, Россия была партнером для большинства стран альянса в Арктике, а страны Северной Европы координировали свои личные и многосторонние военные учения с ключевыми союзниками. С 2012 г. НАТО активизировала свою программу морских учений в Северной Атлантике и на Крайнем Севере путем объединения национальных учений от отдельных стран в единые учения НАТО с участием подводных, надводных и воздушных средств обороны. Развертывание таких учений, с точки зрения Запада, было обосновано озабоченностью такими странами, как Великобритания и Франция растущим подводным потенциалом России, большая часть которого разворачивалась на арктических базах. Однако, в рассматриваемых условиях какой-либо необходимости в усиленном присутствии НАТО на Крайнем Севере, очевидно, не наблюдалось.

Несмотря на постепенную исключительно в оборонительных целях эволюцию военного компонента России в Арктике в ответ на неоднозначную политику альянса к 2013 г., стратегический императив для союзников и партнеров по НАТО о том, чтобы внедриться в регион с военными амбициями, был ещё ограниченным. Многие страны на Западе все же были сосредоточены на улучшении отношений с Россией. Это видно даже в случае с Норвегией, где, с одной стороны, оборонный истеблишмент беспокоился о «российской угрозе», что и послужило толчком к призывам официального Осло к своим союзникам по НАТО не пренебрегать Крайним Севером в 2000-х гг. С другой стороны, Норвегия осторожно и сдержанно относилась к двусторонним отношениям с Россией, так как они были крайне важны для совместной экономической деятельности в Заполярье.

В то же время в западных СМИ Арктика регулярно изображалась как регион, где таяние льдов развязало гонку за контролем над потенциальными судоходными путями, морскими пространствами и обширными природными ресурсами. Еще в 2005 г. “New York Times” описывала её как арену интенсивного международного соперничества, выраженного в «большой игре на Крайнем

Севере»⁴⁴³. В 2008 г. схожую позицию выразил политический аналитик С. Боргерсон, отметивший в своей публикации, что активное таяние льдов послужит отправной точкой, ведущей к конфликту «пяти государств Арктического региона» из-за стремления контролировать месторождения ресурсов и судоходные пути⁴⁴⁴. Свою позицию он обосновывал «анархией» и «вакуумом» в принимаемых решениях касательно экономических аспектов деятельности⁴⁴⁵. В 2009 г., спустя год после принятия стратегического документа «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу»⁴⁴⁶, где шла речь об поддержании необходимого боевого потенциала арктической группировки войск (совершенно без каких-либо отсылок к милитаризации и росте конфликтного потенциала), С. Боргерсон также продолжал активно настаивать на том, что Арктика находится на грани конфликта⁴⁴⁷. В данном контексте и отставной генерал США Д. Ставридис, как верховный главнокомандующий союзными войсками в Европе, заявлял, что гонка за влияние в Арктике может спровоцировать новую холодную войну в регионе, в очередной раз намекая на «угрозы» активизации российского присутствия в силу изменения климата и открытия новых рубежей⁴⁴⁸. Обобщая отмеченные примеры и проскальзывающие в них нарративы о возможности обострения соперничества в Заполярье, даже когда отдельные аналитики заявляли, что «арктические государства сейчас перевооружаются»⁴⁴⁹, их основная

⁴⁴³ Krauss C. etc. As Polar Ice Turns to Water, Dreams of Treasure Abound [Electronic resource] // The New York Times. October 10, 2005. URL: <https://www.nytimes.com/2005/10/10/science/as-polar-ice-turns-to-water-dreams-of-treasure-abound.html> (accessed: 26.10.2022).

⁴⁴⁴ Borgerson S. Arctic Meltdown: The Economic and Security Implications of Global Warming // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87. – No. 2. – P. 63–77.

⁴⁴⁵ Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации / Под ред. А.В. Загорского. – М.: Магистр, 2015. – 304 с.

⁴⁴⁶ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 N Пр-1969). – Москва, 2008. – 11 с.

⁴⁴⁷ Borgerson S. The Great Game Moves North. As the Arctic Melts, Countries Vie for Control [Electronic resource] // Foreign Affairs. March 25, 2009. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/commons/2009-03-25/great-game-moves-north> (accessed: 29.10.2022).

⁴⁴⁸ Macalister T. Climate change could lead to Arctic conflict, warns senior NATO commander [Electronic resource] // The Guardian. October 11, 2010. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2010/oct/11/nato-conflict-arctic-resources> (accessed: 30.10.2022).

⁴⁴⁹ Прим. автора: вместе с этим Р. Хьюбертом прямо отмечалось, что намеченные отечественные планы перевооружения существенно превосходят аналогичные планы других арктических стран. См.: Huebert R. The Newly Emerging Arctic Security Environment. – Calgary: Canadian Defense & Foreign Affairs Institute, 2010. – 33 p.

причина, необходимо констатировать, сводилась к неодобрению западными странами деятельности России в областях Крайнего Севера.

Однако, несмотря на заявленную отдельными представителями государств Запада растущую обеспокоенность планами России по модернизации военных сил в Заполярье и вызовами, связанными с её действиями и практическими усилиями отдельных стран НАТО (Канада вводила в эксплуатацию арктические патрульные корабли; Россия представила подводную лодку с баллистическими ракетами для Северного флота; Норвегия в рамках учений тестировала новые фрегаты с боевой системой «Иджис»; США оборудовали свои подводные лодки класса «Вирджиния» приспособлениями, которые помогают ходить в арктических морях; Дания разрабатывала проект военного ледового катера класса “Knud Rasmussen” и др.), военное соперничество в Арктике по-прежнему выглядело всё ещё нереалистичной (или же отдаленной) перспективой – в особенности, на фоне «перезагрузки» отношений между Россией и США 2009 г., упомянутого соглашения между Москвой и Осло в 2010 г. об урегулировании сорокалетнего спора по морской границе в Баренцевом море и др.

Рассматриваемые аргументы давали определенный, но непродолжительный повод для положительных прогнозов и даже возможностей сотрудничества стран НАТО и России в Арктике. Безусловно, западные мнения были далеко неоднозначными. Иностранные правительства, аналитики и средства массовой информации, с момента усиления российских позиций в Арктике, не раз характеризовали отечественные действия, арктические дискурсы и исключительно оборонные программы как наступательные. Представитель аналитического Центра Уилсона С. Клоссон ссылалась на то, что поведение России в арктическом регионе далеко не единообразно и она в 2007 г. установила флаг на дне Северного Ледовитого океана во время научной экспедиции только для того, чтобы поддержать свои аргументы в пользу наличия «полярного суверенитета» над континентальным шельфом⁴⁵⁰. Однако, этот же аналитик

⁴⁵⁰ Closson S. Russian Foreign Policy in the Arctic: Balancing Cooperation and Competition [Electronic resource] // Wilson Center. June 2017. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no24-russian-foreign-policy-the-arctic-balancing-cooperation-and> (accessed: 04.11.2022).

утверждал, что даже с учетом военной активизации России в Арктике, страна придерживается обязывающих соглашений (отсылка к соглашению с Норвегией 2010 г.), которые повышают морскую безопасность на Крайнем Севере⁴⁵¹.

Учитывая, что 2014 г. принес серьезные осложнения в отношении по линии Россия-НАТО, закономерным стало и просматриваемое изменение в риторике высших должностных лиц альянса. Так, в своем выступлении в июле 2014 г. А.Ф. Расмуссен заявил, что повышение доступности Арктики увеличивает вероятность роста напряженности. Вместе с этим, он не высказывался о милитаризации региона, подчеркивая, что Крайний Север должен оставаться зоной мира и стабильности. Однако, его выступление уже не обошлось без четкой и ясной отсылки: поскольку Россия намерена усилить свое военное присутствие в Заполярье, то НАТО и союзники будут внимательно за этим следить⁴⁵². Исключительно оборонительный вектор направленности политики России в Арктике во внимание принят не был.

Стоит обозначить, что в западных научно-аналитических кругах именно с переломного 2014 г. и по сегодняшний день ведутся споры о том, является ли Арктика новым оплотом сопернического противостояния⁴⁵³. Данные разногласия в основном коренятся в различных точках зрения неолиберальных институционалистов и неореалистов. С одной стороны, первый подход говорит о том, что сильное международное сотрудничество и институты могут устранить или, по крайней мере, уменьшить потенциал конфликта в Арктике. С другой стороны, второе, неореалистское видение прямо свидетельствует о том, что одних международных институтов совершенно недостаточно, чтобы играть решающую роль в достижении стабильности⁴⁵⁴. Последняя из обозначенных схем и

⁴⁵¹ Closson S. Russian Foreign Policy in the Arctic: Balancing Cooperation and Competition [Electronic resource] // Wilson Center. June 2017. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no24-russian-foreign-policy-the-arctic-balancing-cooperation-and> (accessed: 04.11.2022).

⁴⁵² America, Europe and the Pacific: Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Marines' Memorial Club Hotel in San Francisco on 9 July 2014 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. July 11, 2014. URL: https://www.nato.int/cps/fr/natohq/opinions_111659.htm (accessed: 27.11.2022).

⁴⁵³ Buchanan E., Strating B. Why the Arctic is Not the 'Next' South China Sea [Electronic resource] // War on the Rocks. November 5, 2020. URL: <https://warontherocks.com/2020/11/why-the-arctic-is-not-the-next-south-china-sea/> (accessed: 27.11.2022).

⁴⁵⁴ Keil K. The Arctic: A new region of conflict? The case of oil and gas // Cooperation and Conflict. – 2014. – Vol. 49. – No. 2. – P. 162–190.

подтвердилась в 2014 г., когда украинские события привели к деградации (а немногим позднее – к прекращению) военного сотрудничества и межрегиональной дипломатии между Россией и членами западных структур. В том числе именно крах институциональных отношений между двумя сторонами (а в глобальном измерении – кризис неолиберального миропорядка) напрямую повлиял на решение исключить Россию из Круглого стола арктических сил безопасности, дополненное призывами к пересмотру политики НАТО⁴⁵⁵. И это резко контрастирует с тесным сотрудничеством, характерным для структур Крайнего Севера до 2014 г. До воссоединения Крыма с Россией господствовали в основном институционалистские предположения о том, что безопасность может быть достигнута через арктические институты и взаимодействие. Именно данный подход обосновывал длительное убеждение в том, что присутствие НАТО в регионе подрывает сотрудничество и доверие (поэтому и Канада, как уже упоминалось, наложила вето на призывы к усилению безопасности в Арктике в рамках альянса). Европейские арктические страны также опасались вмешательства НАТО в дела Заполярья и демонстрировали нежелание «провоцировать» Россию, ставить под угрозу ценное сотрудничество. Но, как видится, институционалистский подход к Арктике для стран коллективного Запада утратил свою эффективность и циркумполярные государства альянса, вместе со Швецией и Финляндией, в своих стратегических документах единодушно переключились на активное одобрение сотрудничества и партнерства в области безопасности на Крайнем Севере под руководством НАТО⁴⁵⁶.

В 2015 г. Экспертная комиссия по норвежской политике безопасности и обороны разработала карту под названием «Русский бастион и размах бастионной обороны» (см. ниже). Карта демонстрирует следующее: более темный цвет указывает на район, где Россия, как предполагается, будет контролировать

⁴⁵⁵ Depledge D. NATO and the Arctic: The Need for a New Approach // The RUSI Journal. – 2021. – Vol. 165. – No. 5–6. – P. 80–90.

⁴⁵⁶ Brekke K. NATO in the Arctic: Three Suggestions on NATO and Security in the Arctic. Civita-notat No. 10 [Electronic resource] // Civita. March 4, 2022. URL: https://civita.no/content/uploads/2022/03/Notat_10_2022_Three-Suggestions-on-NATO-and-Security-in-the-Arctic.pdf (accessed: 06.12.2022).

морское, воздушное и сухопутное пространство в случае крупного конфликта, а более светлый цвет указывает на зону, где, как предполагается, Россия сможет отражать военную активность. Ссылаясь на заключение проведенного исследования, представители комиссии отмечали, что в случае потенциального конфликта норвежские вооруженные силы не смогут защитить части своей северной суверенной территории, удерживать наземный и морской контроль (это темно-серые области на карте), а также не сумеют предотвратить доступ России к светло-серым областям на карте (территория затрагивает Исландию и почти – Великобританию).

Рисунок 1. – Карта «Русский бастион и размах бастионной обороны» от Экспертной комиссии по норвежской политике безопасности и обороны, демонстрирующая отечественные возможности в Арктике (2015 г.)⁴⁵⁷

⁴⁵⁷ См.: Unified Effort. Report of the Expert Commission on Norwegian Security and Defence Policy [Electronic resource] // The official website of the Government of Norway. July 16, 2015. URL: <https://www.regjeringen.no/globalassets/departementene/fd/dokumenter/rapporter-og-regelverk/unified-effort.pdf> (accessed: 10.12.2022).

Проанализировав заявления высших должностных лиц НАТО в период обострения отношений с Россией после 2014 г., в силу продолжения отсутствия какой-либо документально подкрепленной военной стратегии в отношении Арктики, можно сделать вывод о том, что альянс пытался избежать создания всеобъемлющего документа по региону, признавая, с одной стороны, интересы и позиции своих арктических союзников, но ограничиваясь по большей части многословными заявлениями, а с другой – блок НАТО стремился все же избежать полноценного военного присутствия в Арктике, поскольку это могло бы поставить под угрозу ситуацию в области безопасности в регионе, запустив процесс секьюритизации. Иными словами, можно предположить, что НАТО все еще пыталось практиковать в отношении Крайнего Севера «позитивную безопасность» (или же её видимость для извлечения выгод), несмотря на всплеск активности арктических событий.

Стоит полагать, что в условиях общего фона ухудшения отношений между двумя сторонами, в НАТО решились на своеобразный шаг давления на Россию, выраженный в активизации военных интересов в Арктике, зная, насколько важен регион для неё, как арктической державы, и обосновывая это ключевым устоявшимся после 2014 г. нарративом о «противодействии российской угрозе». С точки зрения западных аналитиков, наращивание отечественной военной инфраструктуры в Заполярье, позволило России «эффективно отстаивать свои территориальные претензии в Арктике», в частности, статус Северного морского пути в качестве российской транспортной артерии, с чем представители стран Запада категорически не согласны⁴⁵⁸. Другие видят угрозу в предположениях о том, что российские вооруженные силы стремятся контролировать Баренцево море (в т.ч. и близлежащие акватории) и это, в свою очередь, вызывает к необходимости разработки арктической стратегии, учитывающей сильные и преимущественные стороны НАТО⁴⁵⁹.

⁴⁵⁸ Danoy J., Maddox M. Set NATO's sights on the High North // NATO 20/2020: Twenty Bold Ideas to Reimagine the Alliance after the 2020 US Election / C. Skaluba, C. Rodihan, G.R.A. Doyle (eds.). – Washington DC: The Atlantic Council Scowcroft Centre for Strategy and Security, 2020. – P. 75–79.

⁴⁵⁹ Wegge N. Arctic Security Strategies and the North Atlantic States // Arctic Review on Law and Politics. – 2020. – Vol. 11. – P. 360–382.

С другой стороны, за голословными заявлениями стояли и реальные действия, выраженные в активизации военных учений: альянс решил существенно интенсифицировать свою деятельность и сотрудничество со Стокгольмом и Хельсинки посредством тренировочных мероприятий “Arctic Challenge” с 2015 г. Среди других регулярных манёвров стоит обратить внимание на противолодочные учения “Dynamic Mongoose”, проводимые у берегов Исландии. На объекте береговой охраны Исландии в Кефлавике НАТО в 2017 г. провела многонациональные учения по обезвреживанию бомб “Northern Challenge”. В ноябре 2017 г. альянс организовал манёвры “Trident Javelin” на основе сценария пятой статьи своего устава. В 2018 г. преимущественно в пределах Норвегии состоялись учения “Trident Juncture” – крупнейшие для НАТО со времен холодной войны, участие в которых приняло 50 тыс. человек.

В условиях геополитического слома отношений после 2014 г. рост практической активности начал приносить свои плоды на уровне общей повестки альянса. Выступая на заседании 174-го военного комитета начальников штабов обороны в январе 2016 г., генерал П. Бридлав подчеркнул, что НАТО продолжит работать над различными аспектами готовности и оперативности реагирования, с целью более эффективного решения имеющихся задач во всех регионах интереса блока, включая Арктику⁴⁶⁰. В своем выступлении на сессии Парламентской ассамблеи НАТО в мае 2017 г. экс-заместитель генерального секретаря блока Р. Геттемюллер заявила, что альянс во многом рассчитывает на своих арктических членов, которые помогут направить в правильное русло вектор присутствия блока (по всей видимости, речь шла в особенности о Норвегии, как драйвера идей расширения активности НАТО в регионе)⁴⁶¹.

К периоду 2020-х гг. антироссийская риторика и практические действия альянса в Арктике стали совершенно открытыми. В заключительном коммюнике Брюссельского саммита НАТО 2021 г. союзники по блоку уделили необычайно

⁴⁶⁰ 174th Military Committee in Chiefs of Defence Session. Questions and answers [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. January 22, 2016. URL: https://www.nato.int/cps/us/natohq/opinions_127395.htm (accessed: 12.12.2022).

⁴⁶¹ Speech by NATO Deputy Secretary General Rose Gottemoeller at the NATO Parliamentary Assembly session on 29 May 2017 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. May 30, 2017. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144090.htm?selectedLocale=en (accessed: 12.12.2022).

много внимания «агрессивным действиям» и иным угрозам со стороны России. В 16 из 79 пунктов документа речь идет об обычных, ядерных и смешанных российских подходах, их значимости по отношению к членам альянса⁴⁶². Исходя из анализа текста документа, с точки зрения НАТО, сдерживание должно было поддерживаться с минимально возможным военным присутствием альянса в Арктике (с традиционной опорой на своих союзников), а риск конфронтации в регионе ввиду такой политики безопасности – максимально низким. Однако, закрепление тезиса о деятельности России как «стратегическом вызове» для НАТО в обновленной центральной концепции альянса и неоднократные призывы к усилению присутствия НАТО в Арктике со стороны генерального секретаря альянса Й. Столтенберга в 2022 г. – факты, ставящие под сомнение ранее просматриваемый в коммюнике 2021 г. подход с минимально возможным присутствием на Крайнем Севере. Кроме того, существенное расхождение с практическим вектором деятельности прослеживается в числе и масштабах проводимых альянсом учений, не соответствующих ограниченному уровню.

Закономерно, что с точки зрения России, действия коллективного Запада (например, постоянное присутствие американского флота в Арктике с 2021 г.) лишь больше размыывают различие между односторонними действиями США и союзников по НАТО, подтверждая давно известный тезис об их неизменном следовании в фарватере внешнеполитических интересов США. Поэтому, очевидно, что альянс безальтернативно поддерживает вызовы, которые отмечает американская сторона для евроатлантической безопасности в регионе (включая опасения, что Россия, за счет наращивания военного присутствия и контроля Севморпути, стремится повлиять на управление Арктикой, привлекая к себе КНР)⁴⁶³. Это можно также объяснить и тем, что поскольку большинство членов Арктического совета являются союзниками США по НАТО, то достижение целей своей полярной стратегии за счет заимствования сил альянса при формировании

⁴⁶² Brussels Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 14 June 2021 [Electronic resource] // The official website of the North Atlantic Treaty Organization. July 1, 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm (accessed: 18.12.2022).

⁴⁶³ Humpert M. New U.S. Department of Defense Arctic Strategy Sees Growing Uncertainty and Tension in Region [Electronic resource] // High North News. June 7, 2019. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/new-us-department-defense-arctic-strategy-sees-growing-uncertainty-and-tension-region> (accessed: 18.12.2022).

образа общей угрозы – вполне очевидный план Вашингтона по вытеснению России из региона. Соединенные Штаты Америки не только активизировали взаимодействие с Норвегией, Канадой и другими союзниками по НАТО в Арктическом совете после объявления бойкота России в марте 2022 г., но и пытаются вовлечь в соперничество членов альянса за пределами региона Крайнего Севера, таких как Великобритания. Это, в свою очередь, более чем вписывается в официальные планы Лондона по усилению своего мирового влияния в рамках концепции «Глобальной Британии» (страна принимает участие в регулярных учениях ВМС США «ICEX», регулярно с 2020 г. совершает провокационные отправки авианосцев в Арктику, осуществляет разведывательные полеты над Крайним Севером и Северной Атлантикой)⁴⁶⁴.

В условиях краха отношений на фоне начала специальной военной операции России на Украине и желанием НАТО расширяться вблизи российских границ преследуемые цели блока вполне предсказуемы: Запад делает ставку на то, что присоединение Финляндии и Швеции сделает альянс доминирующей военной силой в Балтийском море и Арктике, укрепит обороноспособность североевропейских государств, а уже удвоенная длина границы России со странами альянса создаст ограничения для отечественного военно-морского флота в контексте передвижения по мере того, как в Балтийском море будут доминировать союзники по НАТО.

Таким образом, подводя итог проведенному системному анализу динамики политики и практических подходов к соперничеству НАТО с Россией в Арктике, необходимо сделать вывод о том, что на протяжении всего XXI столетия альянс, стараясь реализовывать неоднозначный курс при ясных практических действиях, крайне осторожно, но последовательно развивал односторонний сопернический подход в Арктике, пройдя путь от малой заинтересованности до открытых призывов к увеличению присутствия на Крайнем Севере, роста числа учений и начала процесса расширения за счёт ранее нейтральных североевропейских государств – уже принятой в блок НАТО Финляндии и еще вступающей Швеции.

⁴⁶⁴ Белобров Ю.Я. НАТО - курс на дестабилизацию Арктики // Международная жизнь. – 2022. – № 10. – С. 70–83.

Приложение 2. Результаты проведенного с применением метода интервьюирования опроса ведущих зарубежных экспертов-международников, поле научных исследований которых непосредственно включает, затрагивает вопросы безопасности в Арктическом регионе (в т.ч. и деятельность НАТО на Крайнем Севере)

В 2022–2023 гг. автор настоящего диссертационного исследования с опорой на возможности взаимодействия и эффективной коммуникации в сети Интернет (переписка по электронной почте, ведение диалога в реальном времени посредством использования современных инструментов для организации видеоконференции) провёл опрос с применением метода интервьюирования среди зарубежных исследователей Арктики из США, Великобритании и Швеции. В их числе:

1. Пол Артур Беркман – профессор, ассоциированный член Учебного и научно-исследовательского института ООН (ЮНИТАР), доцент факультета программы переговоров Гарвардской Школы права; профессор Школы права и дипломатии им. Флетчера при Университете Тафтса; председатель Центра научной дипломатии (США); руководитель программы «Фулбрайт Арктик» в 2021-2022 гг. Был одним из организаторов первого официального диалога между Организацией Североатлантического договора и Российской Федерацией по вопросам безопасности в Арктике. Под его редакцией в соавторстве с доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой международного права МГИМО МИД России А.Н. Вылегжаниным (выступал в качестве одного из руководителей вышеуказанного диалога с российской стороны) в 2012 г. вышла книга⁴⁶⁵, суммирующая достигнутые результаты по итогам проведенного в 2010 г. семинара НАТО. Автор широкого числа научных работ, посвященных изучению Арктического региона.

2. Клаус Доддс – профессор, декан Школы наук о жизни и окружающей среды Королевского колледжа Холлоуэя (входит в состав Лондонского

⁴⁶⁵ См. Environmental Security in the Arctic Ocean (NATO Science for Peace and Security Series C: Environmental Security) / Ed. by P.A. Berkman, A.N. Vylegzhanin. – Dordrecht: Springer, 2012. – 459 p.

университета), главный редактор академического журнала “Territory, Politics, Governance”, издаваемого Ассоциацией региональных исследований с 2019 года. Занимал государственные должности, в т.ч. был советником-экспертом в парламенте Великобритании, работал со специалистами группы стратегического планирования при Организации Североатлантического договора (входит в состав командования НАТО по трансформации, расположенного в Норфолке, США). Занимается исследованиями в области арктической геополитики и безопасности⁴⁶⁶, а также вопросами международного управления Антарктикой и Арктикой.

3. Грегори Саймонс – доцент Института исследований России и Евразии Уппсальского университета (Швеция), преподаватель кафедры коммуникационных наук Университета Туриба в Риге (Латвия). Проводил исследования для Центра передового опыта НАТО «Стратком» (расположен в Риге), был научным сотрудником Центра исследований асимметричных угроз при Шведском оборонном университете (в 2016–2017 гг.). В сферу его научных интересов входят: вопросы изучения изменения политической динамики и взаимоотношений между странами; антикризисные коммуникации; вооруженные конфликты; публичная дипломатия; средства массовой информации⁴⁶⁷.

В ходе проведения опроса-интервью зарубежным экспертам-международникам было предложено ответить на три ключевых вопроса (на английском языке):

1. In your opinion, what role will NATO play in the Arctic in the foreseeable future?

⁴⁶⁶ Прим. автора: кроме того, предметом обстоятельного исследовательского интереса являются и интервью с непосредственным участием К. Доддса и отражением его видения геополитической ситуации вокруг безопасности в Арктике. См.: Torcu N. Royal Holloway, University of London, Prof. Klaus Dodds: “Both China and Russia will avoid the Arctic Ocean becoming a “NATO Ocean” [Electronic resource] // ANKASAM. January 27, 2023. URL: <https://www.ankasam.org/royal-holloway-university-of-london-prof-klaus-dodds-both-china-and-russia-will-avoid-the-arctic-ocean-becoming-a-nato-ocean/?lang=en> (accessed: 16.02.2023).

⁴⁶⁷ Прим. автора: как и в случае с К. Доддсом, интервью с участием Г. Саймонса выступают значимым объектом исследовательского интереса для настоящего диссертационного исследования. См., например, текстовую версию интервью за сентябрь 2020 г., где представлена дискуссия о возможном вступлении Швеции в Североатлантический Альянс: Simons G., Giagnorio M. Cold friendship or tepid panic? Behind the scenes of the Swedish narrative on Russia and NATO [Electronic resource] // New Eastern Europe. September 29, 2020. URL: <https://neweasterneurope.eu/2020/09/29/cold-friendship-or-tepid-panic-behind-the-scenes-of-the-swedish-narrative-on-russia-and-nato/> (accessed: 16.02.2023).

2. The updated NATO Strategic Concept (2022) notes that Russia's activities in the Arctic are a "strategic challenge" to the Alliance. In your opinion, can the mention of Russia as a challenge to NATO strengthen the rivalry between them in the High North?

3. In your opinion, is it possible to restore limited cooperation between Russia and NATO in the Arctic? Can science diplomacy contribute to the revival of cooperation?

Ниже приведены результаты проведенного опроса, представленного в виде ответов экспертов по данным вопросам (оригинальные выдержки на английском языке):

Paul Arthur Berkman – Faculty Associate, Program on Negotiation at Harvard Law School (Associate Director of Science Diplomacy, Harvard-MIT Public Disputes Program); Fulbright Arctic Chair 2021-2022 (United States Department of State and Norwegian Ministry of Foreign Affairs); Professor of Practice in Science Diplomacy, Fletcher School of Law and Diplomacy Tufts University; Director, Science Diplomacy Center, Tufts University.

Q. In your opinion, what role will NATO play in the Arctic in the foreseeable future?

P.A. Berkman: It is unclear what role NATO will have in the Arctic, if any, noting that NATO involvement is an unnecessary complication in view of the Arctic states that are parties.

Q. The updated NATO Strategic Concept (2022) notes that Russia's activities in the Arctic are a "strategic challenge" to the Alliance. In your opinion, can the mention of Russia as a challenge to NATO strengthen the rivalry between them in the High North?

P.A. Berkman: The bigger and more immediate challenge is to maintain the Arctic Council as a high-level forum with Russia “to maintain peace, stability and constructive cooperation in the Arctic,” considering the pause that was initiated by the ‘Arctic 7’ in March 2022. It also is noteworthy that NATO strategy historically has been to avoid the Arctic, even though other “North Atlantic” organizations (e.g.,

OSPAR/NEAFC/North Atlantic Coast Guard Forum) had Arctic focus from their beginnings.

Q. In your opinion, is it possible to restore limited cooperation between Russia and NATO in the Arctic? Can science diplomacy contribute to the revival of cooperation?

P.A. Berkman: Yes. Science diplomacy is perhaps the best path forward to revive cooperation. My hope is that NATO and Russia along with all Arctic states will begin to think in terms of common-interest building beyond just conflict resolution.

Klaus Dodds – Executive Dean for the School of Life Sciences and Environment at Royal Holloway, University of London.

Q. In your opinion, what role will NATO play in the Arctic in the foreseeable future?

K. Dodds: NATO's future role will be the subject of intra-alliance negotiation. As you know there has been some discussion with NATO about the extent of their involvement with Norway, Iceland and the UK tending to be forerunners compared to Canada. The US appears to be devoting more time and attention to the Arctic judging by strategic discussion and some promise of future investment. The key thing for me will be how the Arctic features in NATO's strategic development and the impact of the forthcoming membership of Sweden and Finland. So it is unlikely that NATO's role will diminish – the question is really what more might yet happen e.g. increased naval activity in and around Svalbard (with implications for relations with Russia and the treaty itself).

Q. The updated NATO Strategic Concept (2022) notes that Russia's activities in the Arctic are a "strategic challenge" to the Alliance. In your opinion, can the mention of Russia as a challenge to NATO strengthen the rivalry between them in the High North?

K. Dodds: NATO's strategic concept update coincided with a funding uplift in military and civilian infrastructure support. But note that China was identified as a strategic challenge alongside as you note the role of Russia as direct challenger. I think

there is a recognition that the Russian-Chinese relationship is unsettling – and is clearly making itself felt in the Russian Arctic – with interesting issues as to whether China will seek to enhance its polar presence.

Q. In your opinion, is it possible to restore limited cooperation between Russia and NATO in the Arctic? Can science diplomacy contribute to the revival of cooperation?

K. Dodds: Science diplomacy is likely to be crucial to any kind of de-escalation – and whether once again the Arctic can act as a showcase for inclusive circumpolar collaboration is a first order challenge given the Arctic Council “pause”. We know that as Russia occupies 50% of the Arctic region – non-co-operation is not a comfortable place to be given long-term scientific monitoring, search and rescue and other issues where collaboration is essential e.g. managing fisheries. A positive sign has been the co-operation over the central Arctic Ocean fisheries agreement.

Gregory Simons – Associate Professor, researcher at IRES at Uppsala University and a lecturer at the Department of Communication Sciences at Turība University in Riga, Latvia.

Q. In your opinion, what role will NATO play in the Arctic in the foreseeable future?

G. Simons: Certainly, it is a very interesting research topic that you engage in. There is an attempt to justify and expand NATO's role currently, using various excuses and geopolitically constructed risks and threats. In terms of doctrine and rhetoric, NATO's intangible role in the Arctic (and other geopolitically important contested global regions) will increase. However, in tangible and physical terms this will be handled more at the individual state level, namely the US military and the vassal states of the US. Having said this, given the current tensions in Eastern Europe and East Asia, NATO will be overstretched in terms of its capacity to cope and vassal states are beginning to tire of the costs of the current war in Ukraine imposed on them by the US.

Q. The updated NATO Strategic Concept (2022) notes that Russia's activities in the Arctic are a "strategic challenge" to the Alliance. In your opinion, can the mention

of Russia as a challenge to NATO strengthen the rivalry between them in the High North?

G. Simons: NATO is trying to justify its aggressive expansion by attempting to narrate its moves and intent as being reactive and defensive in nature. Russia is the convenient bogeyman to try and gain regional dominance in the Arctic area, not least of all because of the potential natural resources located in the region that the US can plunder with NATO protection.

Q. In your opinion, is it possible to restore limited cooperation between Russia and NATO in the Arctic? Can science diplomacy contribute to the revival of cooperation?

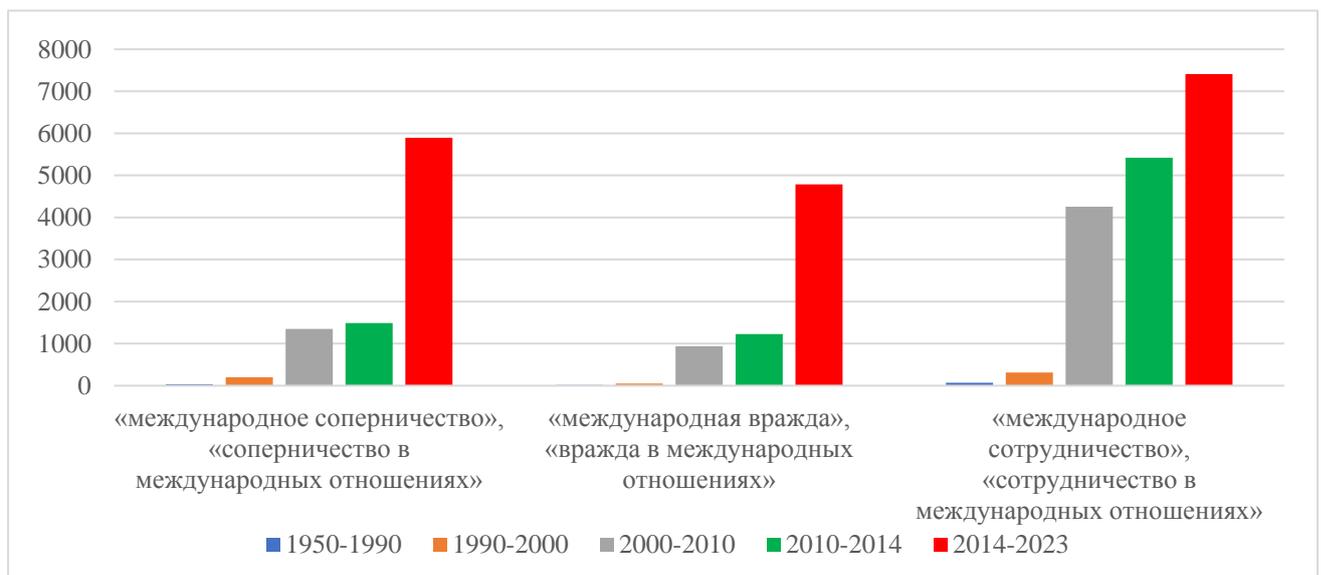
G. Simons: There can be no trust of the West's word and especially not NATO. They have been consistently lying and deceiving since 1990 when the guarantees were given by Schultz to Gorbachev that NATO would not expand eastwards on inch after Germany's reunification was blessed by the Soviet Union. And given the recent 'revelations' by Merkel that were already obvious, the Minsk Accords were a ploy to buy more time to turn Ukraine into a more effective proxy against Russia. NATO and the West have zero credibility and cannot be trusted.

Приложение 3. Публикационная активность исследователей по изучению вопросов «соперничества», «вражды» и «сотрудничества» в международных отношениях (по данным поиска в базе данных библиографического цитирования «РИНЦ», полученным автором диссертационного исследования по состоянию на 16.02.2023 г.)

Таблица 1. Статистические данные, собранные при поиске в «РИНЦ»

Поисковый запрос	«международное соперничество», «соперничество в международных отношениях»	«международная вражда», «вражда в международных отношениях»	«международное сотрудничество», «сотрудничество в международных отношениях»
Период публикации:	Количество публикаций		
1950–1990 гг.	34	16	68
1990–2000 гг.	200	51	314
2000–2010 гг.	1347	940	4256
2010–2014 гг.	1490	1225	5418
2014–2023 гг.	5895	4785	7407

Диаграмма 1. Графическое отображение полученных статистических данных

Собранные автором настоящего диссертационного исследования данные о частоте и количестве публикаций демонстрируют, что в период второй половины XX в., даже в условиях холодной войны, активность освещения тематики вражды и соперничества была минимальной, в приоритете стоял фактор сотрудничества (число публикаций по данной тематике в два раза больше, чем по вопросам противостояния), ввиду острой необходимости поиска возможностей восстановления мирового порядка и баланса сил на основе транспарентного диалога.

С началом XXI в., по мере укрепления новых самостоятельных акторов, развития военно-политических блоков, разжигания международных и региональных конфликтов, количество публикаций по вопросам международного соперничества и вражды постепенно увеличивалось. Как видно из представленных статистических данных, публикационная активность по данным направлениям продолжила уступать тематике международного сотрудничества, но существенно увеличилась – в особенности с 2014 г. (что представляется возможным обосновать началом формирования глубокого системного кризиса в отношениях по линии Россия-Запад), достигнув своего пика к современному этапу (2022–2023 гг.). Таким образом можно сделать вывод о том, что приведенные статистические данные демонстрируют одну из наиболее тяжелых в постбиполярном мире конфликтогенных обстановок в связи с трансформацией некогда устоявшегося мирового порядка и ее активное освещение в научных исследованиях. Полученные сведения позволяют сформировать следующую исследовательскую гипотезу: по мере роста дальнейшей деградации отношений и приверженности стран коллективного Запада политике по всеобъемлющей изоляции Российской Федерации на международной арене число научных публикаций, принимающих в обстоятельное внимание различные аспекты противостояния, возрастёт. Однако, необходимо отметить, вместе с тем следует ожидать и рост числа работ, указывающих на возможные пути к выстраиванию сотрудничества в сложных современных условиях.

Приложение 4. Динамика трансформации военно-политической активности Североатлантического альянса в Арктике (контекст международного соперничества НАТО с Россией) в период 2006–2023 гг.⁴⁶⁸

Событие	Дата события (год)	Код WEIS	Значение по шкале Гольдштейна
Военные учения «Холодный ответ»	2006	182	-7,6
Военные учения «Воин Нептуна»	2006	182	-7,6
Военные учения «Холодный ответ»	2007	182	-7,6
Военные учения «Ледовый урок»	2007	182	-7,6
Интерес НАТО к российской арктической экспедиции	2007	121	-2,2
Военные учения «Операция Нанук»	2007	182	-7,6
Военные учения «Северный викинг»	2007	182	-7,6
Военные учения «Воин Нептуна»	2007	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2008	182	-7,6
Военные учения «Северный викинг»	2008	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2008	182	-7,6
Экспертный семинар НАТО по вопросам безопасности Арктики в Рейкьявике	2009	142	-1,1
Военные учения «Холодный ответ»	2009	182	-7,6
Военные учения «Ледовый урок»	2009	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2009	182	-7,6
Военные учения «Лояльная стрела»	2009	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2009	182	-7,6
Военные учения «Холодный ответ»	2010	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2010	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2010	182	-7,6
Военные учения «Ледовый урок»	2011	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2011	182	-7,6
Военные учения «Северный викинг»	2011	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2011	182	-7,6
Военные учения «Холодный ответ»	2012	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2012	182	-7,6
Военные учения «Стремительный мангуст»	2012	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2012	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2013	182	-7,6

⁴⁶⁸ Поскольку в представленной системе ивент-анализа WEIS отсутствует такие подходящие под рассматриваемые события пункты, как «военная демонстрация или военные учения с ярко выраженной идеологией противостояния и соперничества» и «определение какой-либо страны (соперника) в качестве вызова или угрозы в официальных стратегических документах», то данные критерии были введены автором диссертации, с присвоением им последовательных кодов 183 и 184 в классе «Демонстрация» (№18), а также установлением значений по шкале Гольдштейна -8,1 и -8,2 соответственно.

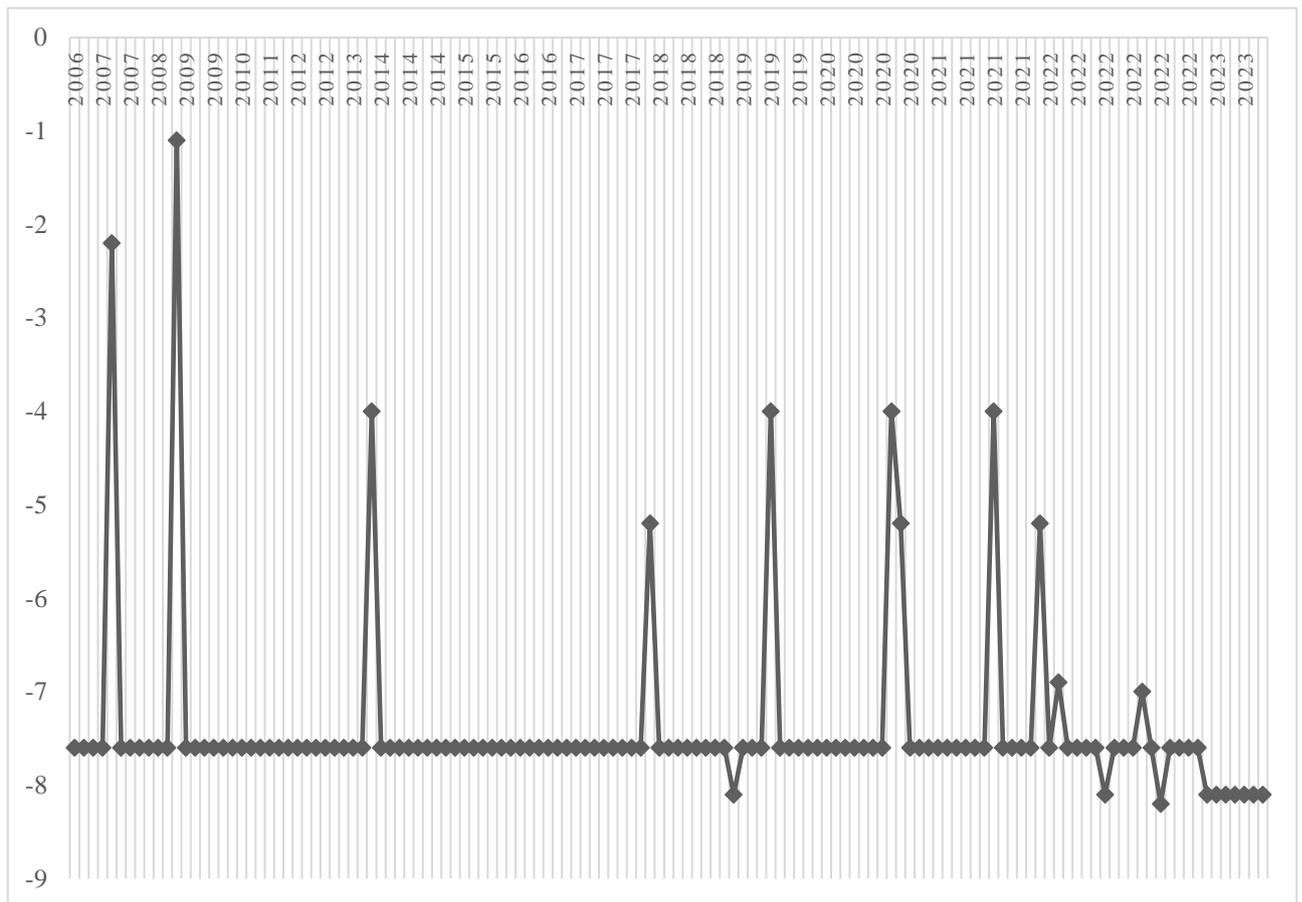
Военные учения «Арктический вызов»	2013	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2013	182	-7,6
Военные учения «Блестящая стрела»	2013	182	-7,6
Отмена встреч начальников Генштабов вооружённых сил стран-членов Арктического совета; приостановка участия России в работе Круглого стола сил безопасности Арктики	2014	111	-4,0
Военные учения «Стремительный мангуст»	2014	182	-7,6
Военные учения «Холодный ответ»	2014	182	-7,6
Военные учения «Ледовый урок»	2014	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2014	182	-7,6
Военные учения «Объединенное жало»	2014	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2014	182	-7,6
Военные учения «Бдительный щит»	2014	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2015	182	-7,6
Военные учения «Стремительный мангуст»	2015	182	-7,6
Военные учения «Арктический вызов»	2015	182	-7,6
Военные учения «Объединенное жало»	2015	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2015	182	-7,6
Военные учения «Бдительный щит»	2015	182	-7,6
Военные учения «Холодный ответ»	2016	182	-7,6
Военные учения «Ледовый урок»	2016	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2016	182	-7,6
Военные учения «Объединенное жало»	2016	182	-7,6
Военные учения «Стремительный мангуст»	2016	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2016	182	-7,6
Военные учения «Бдительный щит»	2016	182	-7,6
Военные учения «Совместный викинг»	2017	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2017	182	-7,6
Военные учения «Арктический вызов»	2017	182	-7,6
Военные учения «Объединенное жало»	2017	182	-7,6
Военные учения «Стремительный мангуст»	2017	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2017	182	-7,6
Военные учения «Аврора»	2017	182	-7,6
Военные учения «Бдительный щит»	2017	182	-7,6
Военные учения «Копье трезубца»	2017	182	-7,6
Создание в НАТО ОВК поддержки и обеспечения; ОВК «Норфолк»	2018	181	-5,2
Военные учения «Ледовый урок»	2018	182	-7,6
Военные учения «Арктический край»	2018	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2018	182	-7,6
Военные учения «Объединенное жало»	2018	182	-7,6

Военные учения «Стремительный мангуст»	2018	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2018	182	-7,6
Военные учения «Бдительный щит»	2018	182	-7,6
Военные учения «Блестящий прыжок»	2018	182	-7,6
Военные учения «Единый трезубец»	2018	183	-8,1
Военные учения «Операция Нанук»	2019	182	-7,6
Военные учения «Северный ветер»	2019	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2019	182	-7,6
Отказ от предложения России возобновить военный канал связи между приарктическими странами	2019	111	-4,0
Военные учения «Арктический вызов»	2019	182	-7,6
Военные учения «Объединенное жало»	2019	182	-7,6
Военные учения «Стремительный мангуст»	2019	182	-7,6
Военные учения «Бдительный щит»	2019	182	-7,6
Военные учения «Северный удар»	2020	182	-7,6
Военные учения «Ледовый урок»	2020	182	-7,6
Военные учения «Арктический край»	2020	182	-7,6
Военные учения «Холодный ответ»	2020	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2020	182	-7,6
Военные учения «Объединенное жало»	2020	182	-7,6
Военные учения «Стремительный мангуст»	2020	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2020	182	-7,6
Отказ от предложения России снизить число военных учений	2020	111	-4,0
Созданное командование объединенных сил в Норфолке стало новым штабом Альянса в Атлантике	2020	181	-5,2
Военные учения «Операция благородный защитник»	2020	182	-7,6
Военные учения «Бдительный щит»	2020	182	-7,6
Военные учения «Северный удар»	2021	182	-7,6
Военные учения «Операция благородный защитник»	2021	182	-7,6
Военные учения «Арктический воин 21»	2021	182	-7,6
Военные учения «Объединенное жало»	2021	182	-7,6
Военные учения «Совместный воин»	2021	182	-7,6
Военные учения «Ударный воин 21»	2021	182	-7,6
Военные учения «Рагнар викинг»	2021	182	-7,6
Повторный отказ от предложения России возобновить военный канал связи между приарктическими странами	2021	111	-4,0

Военные учения «Бдительный щит»	2021	182	-7,6
Военные учения «Арктический вызов»	2021	182	-7,6
Военные учения «Стремительный мангуст»	2021	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2021	182	-7,6
Приостановлена деятельность Военной миссии связи и Информационного бюро НАТО в России	2021	181	-5,2
Военные учения «Северный удар»	2022	182	-7,6
Обращение НАТО к изучению операций по оказанию влияния в Арктике (с анализом деятельности РФ в Арктическом совете) и заморозка работы АС	2022	174	-6,9
Военные учения «Ледовый урок»	2022	182	-7,6
Военные учения «Арктический край»	2022	182	-7,6
Военные учения «Операция благородный защитник»	2022	182	-7,6
Военные учения «Блестящий прыжок»	2022	182	-7,6
Военные учения «Холодный ответ»	2022	183	-8,1
Военные учения «Совместный воин»	2022	182	-7,6
Военные учения «Балтийские операции (БАЛТОПС)»	2022	182	-7,6
Военные учения «Северный викинг»	2022	182	-7,6
Решения Финляндии и Швеции о вступлении в НАТО	2022	173	-7,0
Военные учения «Стремительный мангуст»	2022	182	-7,6
Определение России в качестве "стратегического вызова" для Североатлантического Альянса на Крайнем Севере в Стратегической концепции НАТО 2022	2022	184	-8,2
Военные учения «Объединенное жало»	2022	182	-7,6
Военные учения «Операция Нанук»	2022	182	-7,6
Военные учения «Бдительный щит»	2022	182	-7,6
Военные учения «Операция благородный защитник»	2023	182	-7,6
Военные учения «Северный удар»	2023	183	-8,1
Военные учения «Совместный викинг»	2023	183	-8,1
Военные учения «Совместный воин»	2023	183	-8,1
Военные учения «Арктическая кузница 23»	2023	183	-8,1
Военные учения «Аврора»	2023	183	-8,1
Военные учения «Арктический вызов»	2023	183	-8,1
Военные учения «Стремительный мангуст»	2023	183	-8,1

Выборка ключевых событий военно-политического характера позволяет продемонстрировать динамику трансформации позиции НАТО в Арктике на практике, отчетливо проследить последовательность и стабильность выстраиваемого на протяжении длительного периода времени сопернического курса в отношении России. По результатам проведенного отбора, за период с 2006 по 2023 гг. автором настоящего исследования было выбрано 130 событий. Они отражены на нижеизложенном графике, построенном на основе применения кодировочной системы ивент-анализа WEIS⁴⁶⁹ и перевода каждого кода в имеющие определенный вес числовые данные по шкале Гольдштейна⁴⁷⁰.

Диаграмма 1. Динамика трансформации военно-политической активности НАТО в Арктике в период 2006–2023 гг.

⁴⁶⁹ McClelland Ch. A. World Event/Interaction Survey (WEIS) Project, 1966-1978. – 3rd ICPSR Edition. – Ann Arbor: Inter-University Consortium for Political and Social Research, 1978. – 30 p.

⁴⁷⁰ Goldstein J.S. A Conflict-Cooperation Scale for WEIS Events Data // The Journal of Conflict Resolution. – 1992. – Vol. 36. – No. 2. – P. 369–385.

Выборка характеризуется ярко выраженным негативным окрасом – каждая точка соответствует определенному выбранному событию, имеющему свой собственный идентификационный код (в т.ч. относящийся к определенному классу событий) согласно установленным значениям, изложенным в кодовой книге американского учёного Ч. Макклелланда. Все отмеченные на графике точки расположены под осью X (подразумевается значение «0») и указывают на высокий уровень конфликтного характера событий в рассматриваемый временной период и констатируют факт углубления количественной динамики военно-политического соперничества в Арктике к 2023 г. Из приведенной ниже сводной таблицы следует, что начиная с 2014 г. число ключевых негативных событий не опускается ниже значения 6, а с 2019 г. – прослеживается их неуклонный последовательный рост.

Год	Количество событий	Среднее значение
2006	2	-7,6
2007	6	-6,7
2008	3	-7,6
2009	6	-6,5
2010	3	-7,6
2011	4	-7,6
2012	4	-7,6
2013	4	-7,6
2014	8	-7,1
2015	6	-7,6
2016	7	-7,6
2017	9	-7,6
2018	10	-7,4
2019	8	-7,1
2020	12	-7,1
2021	13	-7,1
2022	16	-7,6

**Приложение 5. Сводная таблица проведённых военных учений стран-членов
НАТО в Арктике (за период 2006–2023 гг.)**

Учения	Годы	Периодичность	Участники	Количество
«Холодный ответ»	2006, 2007, 2009, 2010, 2012, 2014, 2016, 2020, 2022	Регулярные (раз в два года) ⁴⁷¹	Страны НАТО + государства-партнёры (Швеция, Финляндия)	9
«Стремительный мангуст»	2012, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023	Регулярные (до 2015 г. – раз в два года, после – ежегодные)	Страны НАТО + государство-партнёр Швеция	11
«Арктический вызов»	2013, 2015, 2017, 2019, 2021, 2023	Регулярные (раз в два года)	Страны Северного оборонного сотрудничества (Швеция, Норвегия (одновременно и член НАТО) и Финляндия) + союзники по НАТО (Бельгия, Канада, Франция, Нидерланды, Германия, Дания, США и Великобритания) + нейтральное государство-партнёр НАТО (Швейцария)	6
«Северный викинг»	2007, 2008, 2011, 2022	Регулярные (с 2007 г. запланированы как ежегодные, однако регулярность не соблюдается)	Страны НАТО	4
«Лояльная стрела»	2009	Единоразовые	Страны НАТО + государства-партнёры (Швеция, Финляндия)	1
«Блестящая стрела»	2013	Регулярные (в Арктике (на территории Норвегии))	Страны НАТО	1

⁴⁷¹ В 2018 г. учения не состоялись по причине проведения крупнейших манёвров «Единый Трезубец».

		проводились единоразово)		
«Совместный викинг»	2017, 2023	Регулярные (раз в два года) ⁴⁷²	Норвегия + союзники по НАТО (США, Нидерланды, Великобритания)	2
«Копье трезубца»	2017	Единовременные	Страны НАТО	1
«Единый трезубец»	2018	Регулярные (в Арктике (на территории Норвегии, Швеции и Финляндии) проводились единоразово)	Страны НАТО + государства- партнёры (Швеция, Финляндия)	1
«Северный ветер»	2019	Единовременные	Швеция + союзники по НАТО (Норвегия, Великобритания и США) и государство-партнёр (Финляндия)	1
«Арктический край»	2018, 2020, 2022	Регулярные (раз в два года)	США + Канада	3
«Ледовый урок»	2007, 2009, 2011, 2014, 2016, 2018, 2020, 2022	Регулярные (раз в два-три года)	США + союзники по НАТО (Канада, Великобритания, Норвегия)	8
«Операция Нанук»	2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022	Регулярные (ежегодные)	Канада + союзники по НАТО (США, Дания, Франция)	16
«Бдительный щит»	2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022	Регулярные (ежегодные). Фокус на приоритетное смещение числа тренировочных мероприятий на территорию Крайнего Севера отчётливо прослеживается с 2014 г.	США + Канада	7

⁴⁷² В 2019 г. манёвры не состоялись по причине проведения «Единого Трезубца» в 2018 г. Кроме того, в связи с пандемией COVID-19, учения, запланированные на 2021 г. перенесены на 2023 г.

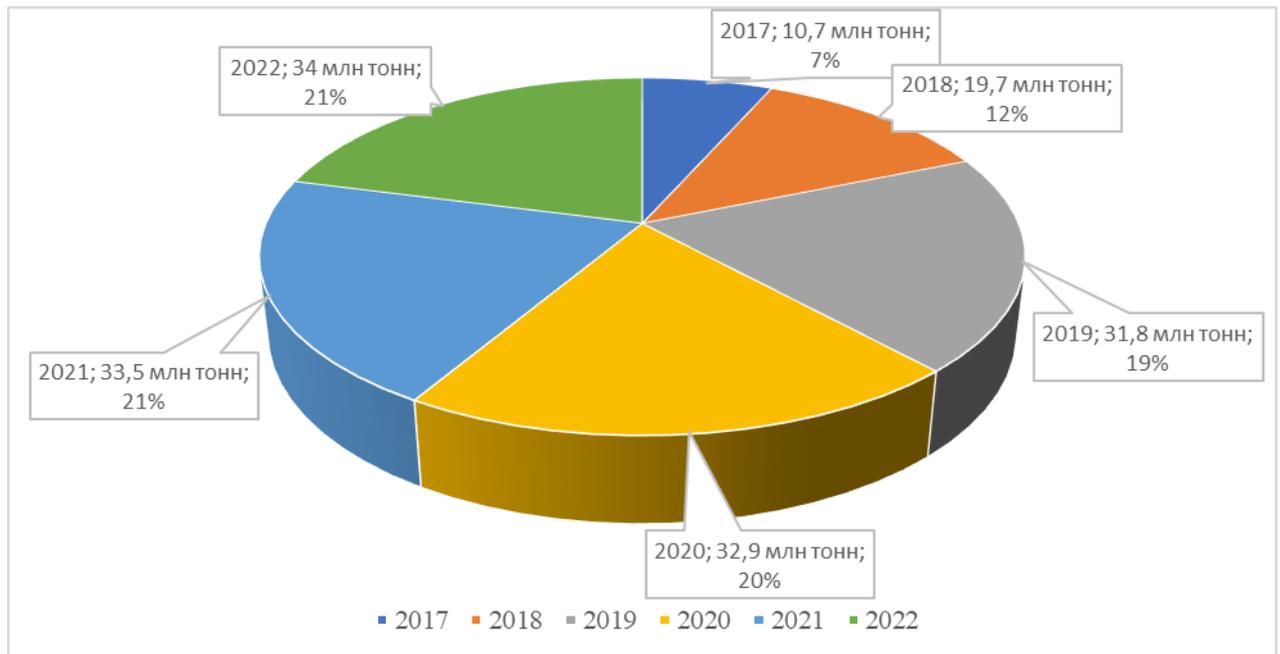
«Объединенное жало»	2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022	Регулярные (ежегодные). Фокус на приоритетное смещение числа тренировочных мероприятий на территорию Крайнего Севера прослеживается с 2014 г.	Командование воздушно-космической обороны Северной Америки (США + Канада) + союзники по НАТО	9
«Совместный воин» (в 2006–2008 гг. носили название «Воин Нептуна»)	2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023	Регулярные (ежегодные)	Великобритания + союзники по НАТО (Канада, Дания, Норвегия, Бельгия, Италия, Португалия, Испания, Турция, Франция, Германия, Латвия, Литва, Эстония, Нидерланды, Польша, США) + государства-партнёры (Австралия, Новая Зеландия, Бразилия, Швеция и Финляндия)	18
«Ударный воин 21»	2021	Единоразовые	Великобритания + союзники по НАТО (Дания, Франция, Германия, Латвия, Нидерланды, Норвегия, Польша, США) + государство-партнер (Австралия)	1
«Арктический воин 21»	2021	Единоразовые	Командование воздушно-космической обороны Северной Америки (США + Канада)	1
«Рагнар викинг»	2021	Единоразовые	США + союзники по НАТО (Великобритания, Норвегия, Франция, Литва, Польша)	1
«Северный удар»	2020, 2021, 2022, 2023	Регулярные (на территории Арктики)	США + приглашенные союзники (Канада,	4

		проводятся с 2020 г.)	Великобритания, Латвия)	
«Операция благородный защитник»	2020, 2021, 2022, 2023	Регулярные (ежегодные)	Командование воздушно-космической обороны Северной Америки (США + Канада)	4
«Блестящий прыжок»	2018, 2022	Регулярные (в Арктике (на территории Норвегии) проводились два раза)	Страны НАТО	2
«Арктическая кузница 23»	2023	Единоразовые	США + Финляндия	1
«Аврора»	2017, 2023	Регулярные национальные (в таблице учтены самые крупные)	Швеция + страны-НАТО + государства-партнёры	2
Итого:				114

В вышеизложенной сводной таблице представлены ключевые военные учения стран-членов НАТО, реализованные ими исключительно в пределах территории Крайнего Севера, или же программы тренировочных мероприятий которых частично включают в себя отработку ряда задач в Арктике или в географически сопредельных с ней районах. В графе «участники» отражены все страны (в т.ч. и государства, не входящие в НАТО), когда-либо принимавшие участие в обозначенных манёврах в период с 2006 по 2023 гг.

Некоторые из указанных учений, помимо ежегодной практики проведения, имеют более сложную структуру их реализации, предусматривающую проведение тренировочных мероприятий в несколько этапов на протяжении всего года. В их число входят следующие: 1) “Operation Nanook” («Операция Нанук»); 2) “Amalgam Dart” («Объединенное жало»); 3) “Joint Warrior” («Объединенный воин»); 4) “Northern Strike” («Северный удар»); 5) “Operation Noble Defender” («Операция благородный защитник»).

Приложение 6. Рост общего объема грузоперевозок по Северному морскому пути за 2017–2022 гг.⁴⁷³

Как отмечается в отчётной публикации Госкорпорации «Росатом» от 13 января 2023 г.⁴⁷⁴, по итогам 2022 г. общий объём перевезенных грузов по Севморпути превысил целевой показатель федерального проекта «Развитие Северного морского пути» на 2 млн тонн (цель в 32 млн тонн была достигнута уже к середине декабря 2022 г.⁴⁷⁵). Ключевая задача – создание инфраструктуры, благодаря которой объём грузоперевозок в 2024 г. мог бы увеличиться до 80 млн тонн. Однако, как отмечают В.П. Журавель и Д.С. Тимошенко, достижение намеченного в проекте значения в 80 млн тонн в 2024 г. маловероятно, поскольку Россия не обладает соответствующей грузовой базой⁴⁷⁶.

⁴⁷³ Составлено автором по материалам официального портала Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: <https://www.rosatom.ru/>.

⁴⁷⁴ Объём перевезенных грузов по Северному морскому пути (СМП) в 2022 году составил 34,034 млн тонн [Электронный ресурс] // Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»: официальный сайт. 13 января 2023. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/obem-perevezennykh-gruzov-po-severnomu-morskому-puti-v-2022-godu-sostavil-34-034-mln-tonn/> (дата обращения: 01.02.2023).

⁴⁷⁵ Емельяненко А. Объём перевозок по Севморпути в 2022 году превысил целевой показатель, заложенный в нацпроекте [Электронный ресурс] // Российская газета. 15 декабря 2022. URL: <https://rg.ru/2022/12/15/obem-perevozok-po-sevmorputi-v-2022-godu-prevysil-celevoj-pokazatel-zalozhennyj-v-nacproekte.html> (дата обращения: 01.02.2023).

⁴⁷⁶ Журавель В.П., Тимошенко Д.С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. – 2022. – № 49. – С. 105–124.

Приложение 7. Демонстрация расхождения официальной риторики и практических действий НАТО в отношениях с Россией на Крайнем Севере (на примере заявлений генеральных секретарей Североатлантического альянса Я. де Хооп Схеффера, А.Ф. Расмуссена и Й. Столтенберга) с применением метода когнитивного картирования

Для наглядного и схематического отражения существенного расхождения в заявлениях трёх вышеуказанных генеральных секретарей Североатлантического альянса и реализуемых действий в Арктике, автор настоящего диссертационного исследования при изучении официальных текстов, с опорой на проведенный ивент- и контент-анализ обратился к применению метода когнитивного картирования. Хронологические рамки определены периодом с 2007 г. по настоящее время и соответствуют общей логике расширения присутствия НАТО в Арктике (с середины 2000-х альянс вновь обращает обстоятельное внимание на Крайний Север).

Теоретическая модель карты-схемы, составленная автором настоящего исследования, опирается на следующую структуру:

1. Производится выборка ключевых политических текстов-заявлений трёх обозначенных генеральных секретарей НАТО (А1, А2, А3) в хронологическом порядке, посвященных непосредственно Арктике и позиции Североатлантического альянса в отношении России.

2. Проводится анализ выбранных для исследования материалов, определяется общий вектор представленных в текстах рассуждений генеральных секретарей Североатлантического альянса (В), выступающих в качестве ретранслятора видения политической ситуации от имени НАТО. Прослеживается динамика высказываемой позиции.

3. Приводятся практические контраргументы (С1, С2, С3 ...), указывающие на диаметрально противоположные намерения и действия (последовательный переход к соперничеству), не соответствующие общей отражаемой тенденции (в данном случае – к выстраиванию сотрудничества между Североатлантическим альянсом и Россией).

Генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер о перспективах безопасности на Крайнем Севере. 29 января 2009 г.

«... нам необходимо обеспечить прозрачность, укрепить доверие и работать над сотрудничеством, когда речь идет об этих вопросах [подразумевается арктическое сотрудничество] в том числе и с Россией». «Североатлантический альянс и Россия уже накопили совместный опыт работы ... я считаю, что этот опыт можно использовать с пользой, расширяя его для решения общих проблем в регионе Крайнего Севера».

30 мая 2013 г. во время визита в Норвегию генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен заявил, что «хотя НАТО известно о растущей озабоченности скандинавских и балтийских стран по поводу российских программ развертывания вооруженных сил, изменений в стратегической позиции альянса на Крайнем Севере не произойдет».

«Арктике необходимо сотрудничество, а не конфронтация ... эту позицию разделяют все государства-члены Североатлантического альянса».

1. С 2009 г. последовательно увеличивается интенсивность тренировочных военных маневров НАТО на Крайнем Севере, целенаправленно ведется переход к ежегодным (или раз в два года) учениям.
2. США выпускают директиву по национальной безопасности в Арктическом регионе, где фигурирует наращивание возможностей в действиях американских и союзнических военно-морских сил в северных широтах.
3. Наблюдается рост военно-политической активности Финляндии и Швеции, не являющихся членами альянса и включение их военного контингента в многонациональные учения военного блока НАТО.

1. С марта 2014 г. активизируются крупные военные учения, расширяется состав военных маневров (таких как «Холодный ответ», где приняли участие более 16 тыс. военного контингента стран-членов НАТО и внеблоковых союзников).
2. Одностороннее исключение России из форумных площадок для совместного диалога по арктической безопасности (встречи начальников Генштабов вооружённых сил стран-членов Арктического совета, Круглый стол сил безопасности Арктики).
3. Активизация политики перевооружения в нейтральных Финляндии и Швеции, втягивание их в НАТО.

Несмотря на официальные заявления генеральных секретарей о «не вовлеченности», альянс последовательно расширял присутствие в Арктике. За миролюбивой официальной риторикой скрывается практическая деятельность НАТО: регулярная публикация арктических стратегий лидера альянса – США, где в последние годы Россия фигурирует как соперник; беспрецедентный рост военных учений НАТО в Заполярье; увеличение расходов на арктические военно-оборонительные комплексы. Все это демонстрирует активное продвижение к милитаризации региона, что создает угрозу национальной безопасности арктических территорий России.

С началом глубокого кризиса в отношениях Россия-НАТО с 2022 г., закономерным стало изменение в риторике высших должностных лиц альянса, уже официально выдвигающих необходимость «противодействия российской угрозе» в Арктике. **24 августа 2022 г. генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил:** «НАТО активизируется на Крайнем Севере, чтобы обеспечить безопасность наших людей».

1. В период 2016–2017 гг. было проведено 4 масштабных военных учений НАТО и ряда отдельных стран-членов в непосредственной близости от российских арктических границ.
2. В октябре-ноябре 2018 г. в Арктике прошли крупнейшие с момента окончания «холодной войны» учения альянса «Единый трезубец», где под завуалированным противником подразумевалась Россия.
3. В 2021 г. была «заморожена» деятельность Военной миссии связи и Информационного бюро НАТО в России.
4. В 2022 г. обозначены намерения Финляндии и Швеции присоединиться к военному блоку, как практический шаг к попытке изменения баланса сил в Арктическом регионе.

8 апреля 2016 г. генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг заявил: «НАТО присутствует в Арктике ... мы должны внимательно следить за развитием событий, потому что видим наращивание российской военной мощи ... в то же время у нас есть Арктический совет и определенное сотрудничество в Арктике с Россией ... я считаю чрезвычайно важным, чтобы мы продолжали это развивать и не нагнетали напряженность в регионе».

30 октября 2018 г. Йенс Столтенберг заявил: «необходимо продолжать работать над снижением напряженности в Арктике ... это именно та сфера, где мы можем работать вместе с Россией. Союзникам удаётся сочетать силу, предсказуемость и практическое сотрудничество с Российской Федерацией».

10 марта 2021 г. Йенс Столтенберг отметил усиление активности альянса в Арктике: «напряженность на Крайнем Севере выросла ... мы видим усиление военного присутствия России, в то же время мы отмечаем, что в некоторых сферах и некоторыми методами мы можем работать совместно с Россией».

Приложение 8. Институциональное обрамление сотрудничества на Крайнем Севере (в т.ч. в военно-политическом измерении)

Блоки:	Арктический Совет (АС)	Страны-наблюдатели АС	Совет Баренцева/Евроарктического региона	Совет государств Балтийского моря	НАТО	Североевропейское оборонное сотрудничество	Северный совет	Северная группа
Канада	+				+			
Китай		+						
Дания	+		+	+	+	+	+	+
Эстония				+	+			+
Европейский Союз				+	+			
Финляндия	+		+	+	+	+	+	+
Франция		+		+	+			
Германия		+		+	+			+
Исландия	+		+	+	+	+	+	+
Индия		+						
Италия		+			+			
Япония		+						
Латвия				+	+			+
Литва				+	+			+
Нидерланды		+			+			+
Норвегия	+		+	+	+	+	+	+
Польша		+		+	+			+
Россия	+							
Сингапур		+						
Южная Корея		+						
Испания		+			+			
Швеция	+		+	+		+	+	+
Великобритания		+			+			+
США	+				+			+

Приложение 9. Военные расходы государств Арктики в период 2007–2022 гг.
(на основе базы данных военных расходов аналитического центра
«Стокгольмский международный институт исследований проблем мира»)⁴⁷⁷

		Расходы на оборону, млрд. долл. США														
Страна	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
США	557	621,1	668,6	698,2	711,3	684,8	639,7	609,9	596	611	610	649	732	778	801	877
Россия	43,5	56,2	51,5	58,7	70,2	81,5	90,4	85,7	67,4	69,2	66,3	61,4	65,1	61,7	65,9	86,4
Норвегия	5,9	6,4	6,2	6,5	7,2	7,1	7,4	7,3	5,9	6	6,8	7,1	7	7,2	8,3	8,4
Швеция	6,4	6	5,1	5,9	6,3	6,2	6,5	6,6	5,4	5,4	5,5	5,8	5,9	6,5	7,9	7,7
Канада	17,4	19,3	18,9	19,3	21,4	20,5	18,5	17,9	15	17,8	20,6	21,6	22,2	22,8	26,4	26,9
Дания	4,2	4,8	4,3	4,5	4,5	4,4	4,2	4,1	3,3	3,5	3,7	4,5	4,6	4,9	5,3	5,5
Финляндия	3	3,6	3,6	3,4	3,7	3,6	3,8	3,6	3	3,4	3,4	3,7	3,6	4	5,9	4,8
Исландия	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д

⁴⁷⁷ Информации по Исландии в базах данных SIPRI не предоставлено. Это обосновано тем, что страна не имеет традиционных вооруженных сил и, следовательно, не несет бремени военных расходов.